

Сергей Телюк

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

УДК 792.2.071
ББК 85.334.3(2)6
ТЗ1

Художественное оформление
Александр Щукин

В оформлении обложки использована картина
Ирины Телюк «Поколение «Pepsi»

Фотография на обложке
Евгения Шустова

Подписано в печать 10.11.2010.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Печ. л. 14,28.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Телюк Сергей Юрьевич.

ТЗ1 Время перемен / Сергей Телюк. – М., Зебра Е ; 2011. –
272 с., ил.

ISBN 978-5-94663-233-1 («Зебра Е»)

ВРЕМЯ
ПЕРЕМЕН

ВМЕСТО ГЛАВКИ «ОТ АВТОРА»

Конечно же «Время перемен» не претендует на полное отображение происходившего со мной и вокруг меня в 1990—2008 годы. Бог даст я когда-нибудь вернусь к этому материалу. Тогда представленные здесь истории и впечатления пополнятся, а, может быть, напишутся новые...

Но то, что имеется на сегодняшний день, по-моему, заслуживает читательского внимания.

I. СТИХИ В БЛИЖАЙШИЙ НОМЕР НЕ ТРЕБУЮТСЯ

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.

Александр Аронов

Александр Яковлевич Аронов скончался в 2001 году, в один из знаменательных для любителей поэзии дней — 19 октября. На его долю пришлось два инсульта, а между ними — трансмуральный инфаркт. В итоге не выдержало сердце — передвигаясь по комнате, он внезапно обмяк на руках у Тани...

Таня, хрупкая женщина со стойким характером, была третьей женой Александра Яковлевича, но сам он говорил: «Я женился пять раз, правда, дважды — повторно».

Так вот и жили они с Таней, двумя собаками, двумя котами и одной кошкой — в Марьино, в однокомнатной квартире на шестом этаже многоэтажки. Общих детей они не имели, но у Таниного сына Максима Суханова (известного актёра театра и

кино) росли дочки Василиса и Соня, которых Саша, трогательно и беззаветно любя, называл внучками. Впрочем, об этом и многом другом я узнал позже, а началось всё с нашего знакомства в начале сентября 1990 года...

В июле вышеупомянутого года у меня произошло знаменательное событие — долгожданная, венчающая многолетние усилия первая публикация в центральной печати. И случилось так, что в этом же номере «Собеседника», на левой стороне «моего» разворота, оказался материал Александра Аронова по впечатлениям от поездки на электричке «Москва—Петушки» с почитателями творчества Венедикта Ерофеева. Об этом совпадении я вспомнил в конце августа, когда стал готовиться к новым хождениям по редакциям.

Про Аронова мне было известно лишь то, что он поэт, журналист и автор текста общеизвестной песни «Если у вас нету тёти...», ставшей лейтмотивом фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы...», а также, что Александр работает в «Московском комсомольце», где, в том числе, ведёт рубрику «Турнир поэтов»...

Я позвонил ему из фойе близлежащей к редакции станции метро «Улица 1905 года», представился и, сказав, что наши публикации оказались на одном развороте, попросил разрешения показать свои стихи.

И тут — о чудо! — последовал желанный, но всё-таки неожиданный вопрос:

— Вы сейчас можете подъехать?

— Да, конечно! — искренне обрадовался я.

— Хорошо. Заказываю пропуск...

За столом, находящимся слева от входной двери и заваленным бумагами, сидел мужчина с чёрными взлохмаченными вьющимися волосами. «Ну прямо Пушкин», — подумалось мне, хотя я несколько раз видел Аронова до этой встречи.

Мы поздоровались.

Кабинетик был маленьким. В нём одновременно могли находиться не более четырёх-пяти человек. Это стало очевидным, когда в процессе завязавшегося общения к нам вошёл ещё один посетитель, пришедший по протекции. Извинившись передо мной, хозяин кабинета внимательно просмотрел стихи молодого человека. И, сочтя их длинноватыми для данного издания, отправил автора восвояси. После чего, ответив на телефонный звонок (из реплик следовало, что стихи в ближайший номер не требуются), он внезапно вышел...

Вернувшись минут через десять, Александр дал мне прочитать следующий напечатанный текст:

Сергей Телюк — инженер-строитель, москвич. Стихи его неторопливы. Надо бы отвлечься от раскалённой газетной площа-

1. Стихи в ближайший номер не требуются

ди вокруг, сосредоточиться на его вдумчивой мелодии — и тогда стихи Сергея одарят вас в благодарность чем-то нужным именно сегодня.

— Пойдёт? — спросил он.

Я, до конца не понимая происходящего, утвердительно промычал что-то в ответ. И будто сквозь сон услышал:

— В завтрашнем номере выйдет ваша подборка в «Турнире поэтов»...

С более быстрой публикацией я до сих пор не сталкивался.

II. ВСЁ ИЗМЕНЯЕТСЯ...

«Человек предполагает, а Бог располагает». Эта старая истина, неоднократно находившая подтверждение в моей жизни, осенью 1990-го — звучала судьбоносно...

Воодушевление в связи с первыми публикациями улетучилось — наступила чёрная полоса. Вернее сказать, серая, ввиду того, что распад на тринадцатом году брака с моей первой женой Ириной был делом очевидным.

Учитывая относительно молодой возраст, время для «работы над ошибками» у нас оставалось.

Искренне я переживал только за десятилетнюю Веронику, ведь желание воспитывать на лжи — нелюбовь между родителями не могла остаться не замеченной! — отсутство-

вало напрочь. И, надо сказать, что в этом плане, кажется, всё обошлось. Уже будучи взрослой, дочка однажды удивленно воскликнула: «Вы же с мамой — разные люди!»

А тогда, после мирных переговоров накануне Ноябрьских праздников, мы, придумав легенду для ребёнка, что мне надо пожить одному, отправили её в гости к тёще. Я же позвонил Володе Глинскому, однокашнику по институту, и в одночасье на его «Жигулях» переехал из «Беляево» в «Коломенское». Развод оформили позже, в феврале следующего года, однако в ту осень я стал холостым 34-летним обладателем однокомнатной квартиры в первом из известных домов, прозванных «парусами», с видом на Новинковский рукав Москвы-реки и Нагатинский мост.

Приятелям я разрешал пользоваться этими обстоятельствами изредка, исключая «группен-секс» (как говаривал Александр Аронов) и другие крайности, поскольку мне самому ничто человеческое было не чуждо. Хотя по части выпивки и прелестного слабого пола я вёл умеренный образ жизни.

За исключением Наташки... Именно с ней — несмотря на то, что без женщин я не оставался ни до, ни после — мы обоюдно сходили с ума: она могла терять сознание во время коитуса или кончать в трусики, при-

слушиваясь ко мне под аккомпанемент грохочущего метрополитена, а я делал «стойку» от одного её взгляда. Нас неумолимо влекло друг к другу, словно разнозаряженные частицы. Фантастика!

Жаль только, что всё изменяется. У Наташки, ревновавшей меня даже к утреннему (пока она спала) стихотворчеству, появился ещё кто-то. У меня — тоже...

Да, о творчестве. Я продолжал заниматься им бескорыстно, по велению души. Средства же к существованию и выплате займа на покупку дачи, оставленной Веронике «на вырост», давала мне работа главным инженером отдела капитального строительства Центрального научно-исследовательского института связи, находившегося близ метро «Перово».

Но денег в меняющихся экономических условиях постоянно не хватало. И при возрастающем дефиците товаров, приходилось заниматься, так сказать: по-старому — спекуляцией, а по-новому — коммерцией.

Ибо шёл 1991 год...

III. Я ЛИЧНО НЕ В ОБИДЕ

Чудная ты страна, Россия.

В дни августовского противостояния у Белого дома мне звонили ребята из Литвы, поставлявшие переносные телевизоры «Шилялис» для перепродажи:

— Держитесь, мы с вами! — воодушевлённо доносилось из трубки.

Приятно вспомнить. Только вот «держаться», главным образом, пришлось потом, и — по одиночке.

На рубеже 1991–1992 годов Москва будто вымерла: вечерние зимние улицы обезлюдели до такой степени, что хоть аукайся между

безмолвно стоящими домами. Прилавки магазинов опустели, даже хлеба на всех не хватало, а наиболее рачительные сушили сухари, по-видимому, вспомнив на генетическом уровне первую половину XX века. Не очень-то радовали и введенные карточки (ну прямо бред какой-то!) на продукты и предметы первой необходимости.

Вероятно, в том числе и за это, досрочно уходя в отставку, 31 декабря 1999 года публично извинялся Б. Н. Ельцин? Простите, мол, люди добрые...

Я лично не в обиде, но:

- кровавые события в Чечне — можно было предотвратить, если бы, придя к власти, не заниматься оголтелым дележом;
- приватизацию — можно было сделать по-человечески, если бы не отдавать её на откуп мошенникам, ведь государство этот процесс якобы не контролировало, и в итоге денежки направились, в основном, не на счета народонаселения России (пусть в виде дотаций и пенсионных накоплений), а на счета вовремя подсуетившихся персон;
- оплошление всенародной идеи и не оправдание доверия на таком уровне — тоже чего-то да заслуживают.

В общем, создаваемая и к сегодняшнему дню созданная на обмане народа новая си-

стема, по своей сути близкая к используемой в недалёком прошлом при КПСС — помните реплику Бармаля из известного фильма Ролана Быкова «Айболит-66»: «Сейчас мы вас будем убивать, грабить, обижать и унижать»? — рассчитана в первую очередь на удовлетворение потребностей пресловутого меньшинства населения. Это не удивительно, но, учитывая беспредельную заботу нуворишей русского пошиба о собственном благополучии, по вполне понятной причине чревато...

Бог ему и его последователям судья!

Весной 1992 года, всё-таки отчасти благодаря демократизации, я бросил заниматься инженерным делом, посвятив ему без малого четырнадцать лет своей жизни (из них десять, работая на строительстве), и по приглашению давнего знакомого, поэта и философа Юрия Гончарова, некоторое время работал в газете «Литературные новости» Эдмунда Феликсовича Иодковского. Сначала мы собирались в его квартире, а потом обосновались в маленькой комнатке правого от центральных ворот флигеля небезызвестного Дома Ростовых.

Тогда же в редакции «Огонька» я познакомился с отвечавшим за поэзию в этом журнале Алексеем Зайцевым, который и

предложил в ожидании публикации заняться переводами с украинского стихов Миколы Холодного, на тот момент более востребованными... Правда, вскоре Алексею представилась возможность уехать работать во Францию, и он, возвращая материал для моей подборки, попросил о передаче другим авторам (что я и сделал) ещё трёх: Натальи Ванханен, Генриха Сапгира и моего однокашника по литобъединению «Весы» Вячеслава Васина. А по поводу переводов — свёл меня с опытной журналисткой и переводчицей Натальей Высоцкой из «Литературной газеты», где уже через пару месяцев состоялась их публикация.

Но коммерцию я не оставлял, так как, несмотря на относительное сопутствие удачи в делах, приходилось иногда есть овсянку, сваренную на воде.

IV. СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

В мае 1992 года вдруг позвонил Владимир Пустовитовский (опять-таки однокашник по «Весам») и предложил:

— Поехали с нами на «Грушу»!

Не знаю, что руководило им в тот момент. Для меня же, в моей не ахти как устроенной жизни, его приглашение символизировало дружески протянутую руку. Тем более что до этого не приходилось выезжать на бардовские мероприятия за границы Московской области — а тут предстоял путь куда-то под Куйбышев, по-моему, тогда ещё не переименованный обратно в Самару.

В условленные день и час (Грушинский фестиваль проходил в первые июльские выходные) наш поезд отправился с Казанского вокзала...

Ещё при сборе на платформе станции метро «Комсомольская» я обратил внимание на женщину из нашей компании. Её вызывающие, просто притягивающие взгляд короткие шорты в белый горошек и облик в целом — были мне приятны.

— Ирина, — представилась она при знакомстве.

Но совпадение с именем моей первой жены нисколько не насторожило — напротив, я почувствовал иного, возможно, душевно близкого человека. Что и подтвердилось в дальнейшем.

Сблизили же нас реальные походные условия.

Сперва — пребывание около суток в плацкартном вагоне поезда дальнего следования (с песнями, шутками и лёгкой выпивкой)...

Потом — ожидание электрички и проезд в направлении Жигулёвского моря до станции назначения (часа два — как в бочке селёдки, среди себе подобных: галдящих, поющих, в общем, радующихся жизни людей)...

А в завершение — спуск под крутую гору, лавируя между соснами, и разбивание палаток на указанном организаторами месте.

«Груша», хотя и подчинялась приблизительно известному распорядку, поразила

меня масштабностью. Здесь не могло проводиться, скажем, факельное шествие только потому, что собралось не три (подобное бывало в Подмосковье), а — тридцать три тысячи любителей...

Даже палаточный городок был, скорее, мегаполисом — со своими улицами и площадями, различными киосками и бочками с питьевой водой, милицией и дружинниками. И главное — сценой для заключительного концерта в форме гитары, установленной на одном из Мاستрюковских озёр, при этом зрители располагались на горе, прилегающей к его берегу. По ней-то мы и спускались от электрички...

В своей двухместной палатке Ирина предполагалась четвёртой среди молодёжи — её 18-летнего сына Андрея с одноклассницей и одноклассником. Я и бард Роман Исхаков, будучи людьми понятливыми, потеснились. С этого, пожалуй, всё и началось.

Милая моя, солнышко лесное...

А далее «припев нашей песни» не соответствовал знаменитой песне Юрия Визбора. После приезда в Москву, встретившись буквально на следующий день, мы с Ириной, естественно, оказались у меня дома.

О чём до сих пор — не жалею.

V. ПУТИ ГОСПОДНИ...

Ирина (как оказалось Волкова, урождённая Горячева) была тоже разведена и жила со своим сыном в трёхкомнатной смежно-изолированной квартире в самом начале Большой Черёмушкинской... И месяца через три, когда стало ясно, что нам трудно жить друг без друга, я переехал к ней.

Творчество — дело заразительное, особенно если к этому есть влечение.

Через какое-то время Ирина показала тетрадочку со своими стихами, и — попросила их прокомментировать.

По большому счёту, разговора не могло получиться. В увиденном не хватало самого главного — отражения индивидуальности.

Чего я никогда не переносил, ведь погрешности в технике исправимы, а вот неталантливость — вряд ли...

Но так как данный вывод относился только к поэзии, поинтересовавшись, я узнал, что она пыталась по какому-то учебнику научиться рисовать и даже писать этюды.

На мой неискушённый взгляд увиденные работы показались любопытными. В них-то и брезжила самобытность, особенно в авторском ощущении цвета. Теперь предстояло многому учиться.

Короче, в дальнейшем, подобно мне, Ирина бросила инженерное дело. И, достигнув профессионального уровня, вступила в Московский союз художников. При этом она окончила два профилированных учебных заведения, и её учителями были: в Заочном народном университете искусств — Наталья Константиновна Смирнова; в Академии живописи Натальи Нестеровой — Сергей Александрович Алимов, Анатолий Владимирович Кузнецов и Вадим Алексеевич Кулаков.

Пути Господни, как известно, неисповедимы.

К нам пришёл Чуча, вернее, дело было так... Как-то в августе 1993-го, возвращаясь домой за полночь, мы с Ириной шли по Малой Тульской в направлении Загородного

шоссе, к трамвайной остановке. И вдруг под одним из фонарей увидели полуторамесячного котёнка, который, отстав от встречной парочки, увязался за нами. Маленький, буквально с мою ладонь, в окружении различных предприятий и офисов, он казался заброшенным сюда случайно — пожалев, мы привезли его в свой «спальный» микрорайон и выпустили у подъезда...

Котёнок, почти не раздумывая, стал карабкаться по ступенькам на крыльцо. Я, не выдержав умилительной картины, отнёс его на площадку первого этажа.

И вот эта кроха первой вошла в лифт и, выйдя из него налево, уселась около нашей квартиры...

Когда придумывалось ей имя, никто ещё не знал, что перед нами кот, который вскоре станет полноправным членом семьи и проживёт у нас около пятнадцати с половиной лет.

В начале следующего года, сразу после Рождества, я женился на Ирине. А едва дождавшись Крещения, двадцать первого января, мы обвенчались в Церкви Ризоположения на Донской, недалеко от метро «Шаболовская».

VI. СПОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Венчание, конечно, дело захватывающее. Бессмысленно описывать торжественный, крайне увлекательный, длившийся не менее часа церковный обряд — надо быть одним из главных его участников, чтобы прочувствовать нюансы.

Последовавшее ощущение можно сравнить с заполнением неких пустот, как, например, если бы взять стакан с ягодами и залить его жидкостью — понятно, спорное восприятие, но именно этого внутренне мне и не хватало.

К Церкви мы добирались на заранее пойманном на Большой Черёмушкинской левом микроавтобусе, а обратно — на 26-м трамвае, в окружении друзей, не пожелавших рассаживаться по попутным машинам.

Дома нас ждали составленные в большой комнате накрытые столы, за которыми в общей сложности, плечом к плечу, разместились человек тридцать (близкие друзья, «походники», соседи и даже одноклассники Андрея, один из которых записывал всё, включая венчание, на видеокамеру).

Эти насыщенные событиями сутки почему-то напоминают мне подаренный тогда же хрустальный графин в виде пушки. Ось его горлышка проходила не перпендикулярно дну, как обычно, а — под углом порядка 60° .

Естественно, в разгар застолья сосуд неоднократно падал, разливая содержимое на скатерть, ведь ставить его пытались вертикально...

Но зато потом он долго красовался за стеклянными дверцами серванта.

Некая неустойчивость присутствовала и в окружавшем нас мире. Иногда казалось, что среди всеобщей «ваучеризации», среди мошенников и их клиентов, среди «пирамид» и аналогичных финансовых структур, обещающих баснословные прибыли, нормальных людей вовсе не осталось.

Даже печальные Октябрьские события 1993-го прекрасно соответствовали изложенному. Только разница была в следующем: одни

не могли поделить власть, а другие продолжали рассчитывать на мнимые дивиденды, коими их одурачивали с обеих сторон. Если честно, то, не будь человеческих жертв, происходившее выглядело бы грубым фарсом.

Мы тоже не оставались в стороне от событий...

Ваучеры, выданные нам Государством, сдали в «МН ФОНД», имевший лицензию Комитета по управлению имуществом. И, получив взамен СЕРТИФИКАТЫ АКЦИЙ, стали терпеливо ждать ежегодной выплаты от общей прибыли. А вышло недоразумение: оказалось, что Государство, раздавая лицензии подобным организациям, не отвечало за их деятельность, и — нам до сих пор неизвестно, ни где этот Фонд, ни на чьи счета капают денежки...

Похожая история ожидала нас и с Европейским финансовым Альянсом. Правда, тут происходил сознательный эксперимент (была не была!), так как афёра подозревалась с самого начала. И, делая посильный для нашего бюджета вклад, мы условно на время забыли о нём и обещанных нам 950% годовых (при вкладе же на 24 месяца предполагаемые дивиденды могли возрасти до 1500%). Конечно, Альянс испарился, не расплатившись.

В августе 1995-го «Московский комсомолец» сотнями, если не тысячами, перечислял

подобные конторы, в отношении которых шли проверки и возбуждались уголовные дела.

А что Государство? Оно якобы оказалось ни при чём...

Не уверен, особенно — насчёт ваучеров. Ведь подавляющее большинство народонаселения России (включая пенсионеров) понятия не имело о прибыльности или не прибыльности предприятий. И оставлять несведущих людей один на один с конторами типа «МН ФОНД» было равносильно преступлению.

Кроме того, при дележе нашего общего социалистического наследства не учитывалась стоимость используемых природных ресурсов. Уж она-то точно принадлежала всем!

Но даже самое откровенное шельмовство — ещё не повод для уныния.

На очередном Празднике «Московского комсомольца» в Лужниках, на поэтическом выступлении, мы с Ириной познакомились с рязанской поэтессой Ниной Красновой, обосновавшейся в Москве. Она читала свои любовно-эротические стихи и бойко исполняла частушки собственного приготовления...

VI. Спорное восприятие

Там же, под трибунами главной футбольной арены, с нескрываемым удовольствием «тусовался» и знаменитый Лев Ошанин, помнится, в красной бейсболке...

А вёл «Выездной турнир» поэт Сергей Мнацаканян.

В итоге на одной из подобных отдушин в Центральном Доме литераторов, на рубеже 1994—1995 годов, я повстречал знакомого мне по «Весам» Анатолия Полякова. И с его помощью оказался в редакционно-издательской фирме «РОЙ», находившейся в старом здании «Молодой гвардии» на Сущёвской...

Сам Толя оттуда вскоре ушёл, а я — остался.

VII. ВТОРАЯ ПОПЫТКА ВОЗРОЖДЕНИЯ «ИСТОКОВ»

Обычное дело: когда наверху новоиспеченные властители «делят пирог» — внизу народ голодает. А уж о духовной пище в такие периоды и говорить не приходится.

Время перемен...

В начале 1990-х в издательстве «Молодая гвардия» закрыли альманах «Истоки». Что поделать, оказалось — в новых экономических условиях издание, публикующее молодых авторов (до 35 лет), не то чтобы не рентабельно, но требует слишком кропотливой работы.

Кроме авторов «Истоков» на все четыре стороны был отпущен и редакционный коллектив.

И вот он-то, коллектив, на общем собрании решил для продолжения выпуска альманаха и попутного издания книг создать редакционно-издательскую фирму (РИФ) «РОЙ». С одной стороны, символическое значение слова «рой», на мой взгляд, не требует дополнительных разъяснений; а с другой стороны — возглавила всё это главный редактор «Истоков» Галина Вячеславовна Рой.

Предпринимались две попытки возрождения издания. Первая — в 1994-м вышли «Истоки», в которых собранные повести, рассказы и стихи в большинстве своём были связаны с понятием «афганская война». Вторая — в 1997-м, к которой я имел непосредственное отношение.

Галина Вячеславовна, конечно, рисковала — не без колебаний и не без неоднократных разговоров с потенциальными членами редколлегии в 1996-м она решила влезть в долги и начать собирать материал к новому выпуску...

Редактированием и составлением сборника вместе с ней занималась её подруга, давнишняя сослуживица по «Молодой гвардии» Елена Николаевна Ерёмина. В инициативную группу, ставшую ядром редколлегии, кроме меня входили Валерий Дударев, Нина Краснова, Валерия Сычёва и Андрей Шацков (правда, он подключился позднее).

Работа закипела...

Но тут вдруг пропали первая вёрстка и деньги, предназначенные для расчёта с типографией.

Выручил в сложившейся ситуации Андрей Шацков. Именно при его посредничестве нашлись люди, которые дали необходимую сумму на издание.

Да, наличность в таких делах, конечно, главное...

А вот, например, Владимир Райберг бесплатно выполнил художественное оформление этого и двух последующих номеров «Истоков» (в дальнейшем использовалось оформление Ирины и Павла Чикиных, бесценных верстальщиков альманаха).

Существенную помощь оказывали: Алексей Дидуров, Николай Дмитриев, Кирилл Ковальджи, Геннадий Красников, Виктор Липатов, Сергей Мнацаканян, Александр Трофимов, Юрий Чернов, Александр Щуплов... И, конечно же, Николай Константинович Старшинов, который неоднократно участвовал в наших творческих встречах, хотя уже ходил с тростью, и часто гостил в редакции, находившейся на пятом этаже...

И это — малая часть бескорыстных помощников!

VII. Вторая попытка возрождения «Истоков»

«Истоки» стали не только изданием молодых: мы ввели соответствующие разделы, в которых печатались авторы независимо от возраста и даже места жительства (из ближнего и дальнего зарубежья). Регулярно проводились «истоковские» вечера в Центральном Доме литераторов, на которых, бывало, Малый зал набивался битком.

В июне 2007-го, спустя месяц после смерти Галины Вячеславовны Рой, «второй попытке возрождения» исполнилось ровно десять лет. За это время увидели свет 19 выпусков, а за всю более чем 35-летнюю историю альманаха — 42: до начала 1990-х — 22, в 1994-м — «афганский» — 1, остальные — НАШИ...

VIII. АВТОР, МНЕ БЛИЗКИЙ

Любит — не любит —

вот ведь какие проблемы...

Анна Гедымин

В начале 1996-го, когда материал для первого из выпусков возрождаемых «Истоков» ещё только-только начал собираться, мы стали проводить творческие встречи с участием наших авторов. Выступали редко и непланово до осени следующего года. А потом я от имени Галины Вячеславовны Рой (разумеется, с её согласия) подал заявку директору Центрального Дома литераторов Владимиру Акимовичу Носкову и после непродолжительных переговоров в его кабинете получил официальное разрешение на проведение в Малом зале цикла литературно-музыкальных вечеров «Альманах «Истоки» представляет...»

В тот период среди «наших» поэтесс, кроме Нины Красновой, блистали три почти ровесницы: Анна Гедымин, Елена Исаева, Инна Кабыш. Они выглядели совсем хрупкими, но у каждой из них была непростая судьба современной женщины.

Самой беззащитной казалась Анечка, своим трепетным видом как бы утверждавшая это...

Позже выяснилось, что дома у неё даже имелась коллекция игрушечных мышек, привозимых друзьями с разных концов света. Между тем, она упоенно писала стихи и при участии мамы Марины Львовны и отца Юрия Юрьевича воспитывала сына Данилу, зарабатывая на жизнь нелёгким журналистским трудом.

Я же её запомнил ещё со времен посещения литобъединения «Весы», возглавляемого Анатолием Викторовичем Викторовым, где Анна выделялась своим незаурядным талантом. В первой половине 1980-х наши жизненные пути разошлись. И вот теперь, встретившись вновь, мы возобновили знакомство, перешедшее в дружбу.

В конце июля 2003-го мне представилась возможность публично высказаться по поводу творчества Анны Гедымин на устроенных в Сопоте (Польша) Институтом восточносла-

вянской филологии Гданьского университета и Российским центром науки и культуры в Варшаве литературно-образовательных чтеньях «Образ женщины в русской культуре на рубеже тысячелетий».

И я с удовольствием привожу текст этого выступления, правда, с купюрами:

Следуя заявленной теме нашей конференции, я обращусь к публикациям женщин-писательниц в альманахе «Истоки». Но разговор сведу только к одному имени — Анны Гедымин. Во-первых, потому, что, как говорится, нельзя объять необъятное, тем более в регламентированном выступлении... Ведь альманаху «Истоки» более тридцати лет... Во-вторых, потому что стихи Анны Гедымин мне созвучны, близки. Хотя среди авторов альманаха немало и других поэтесс, даже известных, таких, как Римма Казакова, Тамара Жирмунская, Елена Исаева, Инна Кабыш, Нина Краснова, чьи публикации не просто интересны, но значительны. Ещё оговорка, третья и последняя: цитировать буду стихи, опубликованные в «Истоках» в 1998–2000 гг. — в выпусках 4 (26), 6 (28) и 8 (30).

Итак, Анна Гедымин — московская поэтесса, которая в свои двадцать с небольшим ярко заявила о себе, в том числе и публикациями в центральной прессе, ещё в начале 1980-х.

VIII. Автор, мне близкий

* * *

В малиннике – змеи.
Любой наполняющий миску,
Корзинку иль что там,
незвано пришедший извне,
Охотником будучи,
сам подвергается риску, -
Становится жертвой
с малиною наравне...

...Когда мы бредём с тобой,
за руки взявшись и взглядом
Друг друга лишь трогая,
не различая тропы,
Я тихо твержу:
«Осторожно! Возмездие рядом!
В малиннике – змеи, любимый!
На стеблях – шипы...»

Вот, оказывается, что «на сердце и в голове»...

А как же иначе?! По-другому и не может быть, когда автор — женщина. И вопрос только в том, умеет ли она передавать читателю сугубо личные чувства и мысли.

Вслушаемся:

Даже когда заскулит в трубе
Ветер – сильней зверья,
Ты не подумай, что по тебе
Стонет душа моя...

Умеет. И причём по-мастерски филигранно. И без каких-либо шаблонов.

И не только о любви, ведь она к тому же современная независимая женщина, с мировоззрением, которому свойственны свои плюсы и минусы.

День уйдёт – и над мостовой
Зазвучит оркестр духовой.

Каблуки пойду надевать –
Танцы бабкины танцевать.

Будет море, суше подстать,
Всеми волнами хохотать.

Только небо глянет всерьёз –
Золотыми шарами звёзд.

*Непривычная, может быть, даже не-
свойственная женщине смелость.*

*Сравните, например, у Бориса Корни-
лова:*

...качка в море берёт начало,
а бесчинствует на земле.
Нас качало в казачьих сёдлах,
только стыла по жилам кровь,
мы любили девчонок подлых –
нас укачивала любовь.

VIII. Автор, мне близкий

Водка, что ли, ещё?
И водка —
спирт горячий,
 зелёный,
 злой;
нас качало в пирушках вот как —
с боку на бок
и с ног долой...

Только звёзды летят картечью,
говорят мне:
 — Иди, усни... —
Дом, качаясь, идёт навстречу,
сам качаешься, чёрт возьми...

Анна Гедымин — несомненно, один из лидеров поколения поэтов, обозначившихся в 1980-х — начале 1990-х годов не в смысле соревнованья, а в смысле содержательности и мастерства, т. е. авторской зрелости. Она ни на кого не похожа. И более того, она разговаривает с читателем на современном, ёмком и динамичном, не терпящем неточности и приблизительности поэтическом языке, порою ритмически сложном. Как, например, в следующем стихотворении:

* * *

Я засыпаю,
 когда отцветают звёзды,

Сергей Телюк

Светлеет небо,
а в доме ещё темно,
И окна ближние,
по-утреннему серьёзны,
Смотрят прямо
в моё легкомысленное окно.

Проснёшься за полдень,
вся жизнь никуда не годится...
Но в пыльной Москва-реке
купола сияют вверх дном...
И думаешь: Господи!
Спасибо, что надоумил родиться
В городе,
где такой пейзаж за окном!

Такой синий,
такой золотой и белый!..
Теперь, судьба моя,
ты, без промаха и стыда,
Карай, обманывай –
что хочешь со мною делай,
В душе залатанной
эта музыка – навсегда.

И даже если
смерть всё-таки существует, –
Всё относительно! –
она щемяще мала, –
Как памятник временный,
пристроенный к Москве на живую,

VIII. Автор, мне близкий

Как зыбь на воде,
отражающей купола...

Из тех строф и строк, которые здесь представлены, надеюсь, видно, что Анна Гедымин придерживается классических традиций...

Завершу стихотворением «Честолубивая молитва» из одноимённой книги Анны Гедымин, выпущенной совместно московскими издательствами «Academia» и журнала «Юность» в 2003 г.

Музыка! Ты пришла, наконец..
Листва шелестит, маня..
Кончено, теперь я тоже – творец.
Боже, прости меня!

И наплевать, что злой, как оса,
И от власти хмельной,
Ангел возмездья уж полчаса
Носится надо мной.

Милый, придётся чуть обождать,
Постой дудеть на трубе,
Пока не кончится благодать –
Я не дамся тебе.

Ваш Главный слепил меня из интриг,
Швырял из блеска во тьму,
Но вот за этот звучащий миг
Я всё прощаю Ему.

Сергей Телюк

И пусть перелесок уже в огне
И пёстр от змеиных лент,
Пойми: если что-то зачтётся мне,
Так этот самый момент!

Не то что звезда, а метеорит
Сверкнул на исходе дня..
И, может, ваш Главный чуть пожурит,
Но всё ж - помилует мя.

Кстати, по просьбе автора, я был составителем вышеупомянутой книги...

IX. ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ

Как-то так получилось, возможно, под влиянием начавшегося возрождения «Истоков», а, может быть, прислушавшись к доводам Ирины, но весной 1996-го я решил вступать в Союз писателей. Подумалось, ведь многие мои знакомые это уже сделали!

Из возникших после упразднения СССР писательских организаций я выбрал Союз писателей Москвы, просто потому, что подавляющее большинство известных мне авторов состояли в нём.

Определившись в главном, я тут же столкнулся с проблемой отсутствия рекомендаций. Но, поразмыслив хорошенько, пришёл к выводу: эта беда — не беда.

И начал с соответствующей просьбы к Сергею Мнацаканяну, тогда ещё малозна-

кому мне организатору поэтических выступлений на Праздниках «Московского комсомольца» в Лужниках, впрочем, уже публиковавшему мои стихи в этой газете.

Далее последовало ожидание...

Чтобы не терять времени, за второй рекомендацией я решил обратиться к члену правления Союза Татьяне Бек, в 1993-м сделавшей вступление к подборке верлибров украинского поэта Игоря Калинца (переведённых мной для «Литературной газеты»). Дозвонившись до неё с первой попытки, я услышал в трубке энергичный голос. Татьяна Александровна обнадёжила меня, заверив, что всё будет хорошо — ей известно как это пишется! Мы договорились о встрече через три дня на кафедре Творчества Литературного института, где она преподавала.

Наше очное знакомство состоялось 30 апреля... Наверное, такой грустной и усталой выглядит любая немолодая женщина в конце рабочего дня, а ведь разница в возрасте у нас была небольшая — но стоило ей заговорить, как она явно помолодела минимум лет на десять.

Когда мы остались одни, я достал свои ксерокопии публикаций и книги...

— А что? Хорошие стихи, — сказала Татьяна Бек вслух, выборочно ознакомившись с ними, и написала рекомендацию.

После праздников, в середине мая, по завершении творческого вечера Александра Аронова в Музее Маяковского я переговорил с ним о насущном...

И вскоре получил требуемое не только от него, но и, почти одновременно с этим, от Сергея Мнацаканяна.

Итак, собрав необходимые бумаги, я пришёл в означенную маленькую комнатку на Большой Никитской, 50/5, хотя это трехэтажное здание, находящееся наискосок через улицу от ЦДЛ (Центрального Дома литераторов), принадлежало, как я узнал позже, Московской городской организации Союза писателей России...

— До летнего перерыва не успеют рассмотреть... — сказала Алёна Аршалуисовна Аршаруни, полная и радушная хозяйка кабинета.

Когда в декабре мне отказали, она же посоветовала при повторном обращении взять рекомендации у кого-нибудь повесомее.

А в апреле следующего года Галина Вячеславовна показала мне «информашку», присланную в «Истоки» из уже упомянутой Московской городской организации Союза писателей России, в которой говорилось о

грядущем в мае двухдневном так называемом «Семинаре молодых».

По традиции ещё советских времён, по результатам отбора на подобных мероприятиях в Союз принимались «молодые» (до 35-ти лет) авторы. В новых же условиях, чтобы не было «пропущенных» в связи с крайней нерегулярностью — видимо, из-за нехватки финансов, — возрастной ценз не устанавливался.

Теперь не вспомнить всех, кого я обзванивал по поводу вышеизложенного, но среди них были однокашники по «Весам»: Пётр Дегтярёв, Пётр Катин и Андрей Шацков. С последним-то, предварительно договорившись, мы и решили рискнуть...

Не знаю, повезло нам или нет, но мы с Андреем оказались на одном семинаре, возглавляемом Александром Бобровым, а помогли ему Лариса Баранова-Гонченко и Геннадий Иванов.

Сам процесс не таил никаких неожиданностей. Мы и в литобъединении, садясь «вкруг стола», не менее обстоятельно разбирали приносимые стихи, а в завершение своё мнение высказывал Анатолий Викторович Викторов. Существенное же отличие в данном случае заключалось, пожалуй, в продолжительности: с перекурами, и даже перерывом на обед...

После первого дня, понимая, что и здесь немаловажна протекция, я всё-таки, как истинный оптимист, надеялся на лучшее. А Андрей, обычно настроенный более пессимистично, прощаясь со мной напротив ЦДЛ, сказал:

— Если не примут, пойду завтра морды бить.

Что при его внушительных габаритах и склонности, по тем временам, к горячительным напиткам звучало убедительно.

Поздно вечером он сообщил мне по телефону, что «познакомился в «нижнем» кафе со знаменитейшим русским поэтом Владимиром Фирсовым» и что возможны варианты...

На следующее утро, перед началом, к нам заглянул Владислав Артёмов, которого я знал по журналу «Москва» (где уже печатался), так как им возглавлялся отдел поэзии. Будучи на параллельном «фирсовском» семинаре помощником, он был прислан вести переговоры с Бобровым...

Между окончанием обсуждений и публичным объявлением списков рекомендуемых в Союз предусматривался перерыв часа на полтора. Недолго думая, мы с Андреем направились в ЦДЛ, где он и представил меня Фирсову.

Владимир Иванович восседал в тёмных очках, кожаном пиджаке, с перстнем на левой руке и отображением величия на лице. В процессе же общения всё вдруг упростилось: мы пили водку, читали стихи и непринужденно разговаривали. После я неоднократно сталкивался с его добродушием и доброжелательностью.

Этим отличается и жена мэтра, Людмила Васильевна, оказавшаяся властным человеком, но зато — прекрасной хозяйкой: по-другому, видимо, невозможно, ибо непредсказуемы влечения внутреннего мира православного русского поэта...

Шацкова, чьё родство душ с Фирсовым угадывалось с первого взгляда, приняли сразу, а меня — через несколько дней.

И я нисколько не жалею о состоявшемся знакомстве с секретарем Московской городской организации Союза писателей России Владимиром Бояриновым и об участии в дополнительном однодневном семинаре Владимира Дмитриевича Цыбина. На нём присутствовали в основном его студенты из Литературного института, правда, были ещё предупредённый мной Пётр Дегтярёв, также не прошедший с первого раза, и внезапно объявившийся Валерий Дударев.

Позднее Римма Фёдоровна Казакова, возглавившая Союз писателей Москвы в 1998-м,

и один из секретарей этой организации Валентин Дмитриевич Оскоцкий порознь ненавязчиво звали меня к себе...

И хотя у нас различные сочетания не возбранялись — я не стал этого делать, не находя резона в одновременной принадлежности двум сходным Союзам. Ведь мне никогда не были близки крайности ни в демократическом, ни в патриотическом, ни в каких-либо иных направлениях. А для лояльного человека политическая ориентация творческой организации, по моему разумению, имеет значение разве что в редких случаях, связанных с порядочностью и здравомыслием...

Через Вячеслава Васина до меня дошло высказывание Вадима Валерьяновича Кожинова о таких благожелателях, как я: «В случае перестрелки их убивают первыми».

Х. САМОЕ ГЛАВНОЕ

Не надо стоять виновато
навытяжку перед судьбой.
Расплата подходит, расплата
за всё, что случилось с тобой.

Вадим Черняк

В середине февраля 1997-го я навещал Александра Аронова. В какой-то момент раздался телефонный звонок, и он — прервав беседу — вышел из комнаты. Ещё через пару минут позвал меня на кухню и, протягивая трубку, произнёс:

— Черняк...

Вскоре, откликнувшись на приглашение Вадима Григорьевича, мы с Ириной побывали у него в гостях, в снимаемой на первом этаже квартире в Весковском переулке, близ метро «Новослободская».

Изящный и рассудительный хозяин оказался почти антиподом Аронова...

Но, несмотря на различия, они дружили с незапамятной «Магистральной». И даже соавторствовали под именем Ивана Макаровича Гныпы. Правда, Александр Яковлевич как-то признался мне, что идея создания персонажа пришла ему на ум в связи с желанием помочь однокашнику по литобъединению с творческим раскрепощением.

Не мне судить, насколько это удалось, поскольку я почти безоговорочно доверял чуткому поэтическому слуху Черняка. И считаю его своим учителем наравне с Викторовым, Ароновым и Влодовым.

Вадим Григорьевич предпочитал жить отдельно от родных, излишне не обременяя собой ни старшего сына Сергея (от первого брака), ни вторую жену Елену с их общим сыном Алексеем. В январе 1999-го череда переездов закончилась, и Черняк обосновался в однокомнатной квартире, находящейся в стандартной одноподъездной девятиэтажке хрущёвских времён в начале 5-го Монетчиковского переулка, рядом с метро «Павелецкая». При этом образ его существования не претерпел заметных изменений, по-прежнему львиная доля времени отводилась литературному труду и шахматам...

Иногда к нему навевывались друзья, реже — сам ездил в гости. А своё 70-летие решил отпраздновать почти тик-в-тик, в

первый день января в ресторане Дома журналистов, ведь факт рождения произошёл 31 декабря 1934 года в 23:50. И хотя из-за болезни на юбилей не смог придти Леонид Аронович Жуховицкий, зато, кроме многочисленных близких родственников, собрались Анатолий Головков, Павел Гутионтов, Александр Саханов и, разумеется, Андрей Чернов. Это был прелестный вечер воспоминаний и, по-моему, последний выход юбиляра на люди...

Осенью 2006-го в больнице, когда уже казалось, что выздоровления не последует, Вадим Григорьевич признался:

— Творчество — это самое главное, чем стоило заниматься в жизни.

«Отмирание клеток мозга», как он говорил о своей болезни, длилось ещё около полутора лет. Слава Богу, что его жене Елене и любимому сыну Алексею хватило душевных сил в такой непростой ситуации.

XI. АГА! ТАК ВОТ ГДЕ СОБАКА ЗАРЫТА!

Когда-то телевизионный центр предполагалось возводить не в Останкино, а в районе Новых Черёмушек. И там заранее, в 1958 году, появилась улица Телевидения, сама по себе короткая, протяженностью не более полутора километров. А в 1971 году, в связи с изменением планов, ей дали другое название, в честь советского государственного партийного деятеля Николая Михайловича Шверника (1888—1970 гг.), который к данной улице никакого отношения не имел.

Но в 1962—1975 годах на этой улице в доме № 11, корп. 4, кв. 41, в обычной хрущёвской пятиэтажке, снесённой в конце 1998-го, был прописан у матери и фактически проживал Владимир Семёнович Высоцкий. И даже, как выяснилось позже из рассказа местного

старожила — сантехника Владимира Ивановича Зуева, в «Песенке о слухах» упомянут тогдашний участковый, фактически трезвенник: «А вы слышали, Мамыкина снимают? За разврат его, за пьянство, за дебош...»

В ноябре 1997 года, нам позвонил Андрей Таль (художник, участник печально известной «Бульдозерной выставки») и, немного поговорив с женой об общих для них «малярских» делах, вдруг попросил её заняться переименованием улицы Шверника, неподалеку от которой мы жили, в улицу Высоцкого.

И тут же сообщил, что, оказывается, чуть ранее этим вопросом занимался сын Владимира Семёновича Никита, но в верхах ему отказали, ссылаясь на то, что инициатива должна исходить снизу. До него та же участь постигла Юрия Любимова — из-за «малого срока», прошедшего после безвременной кончины Высоцкого, хотя в случае со Шверником — прошёл всего лишь один год. Да и в дальнейшем: с Ельциным — изменилось название улицы в Екатеринбурге в его честь аккуратно за несколько дней до первой годовщины смерти; а с Солженицыным — вообще московскую Большую Коммунистическую улицу, берущую начало от Таганской площади, переименовали через четыре месяца после кончины Александра Исаевича.

XI. Ага! так вот где собака зарыта!

Это я к тому, что закон у нас по-прежнему «что дышло: куда повернул — туда и вышло».

Но делать нечего — попытка не пытка...

До праздников Ирина успела: побывать на приёме у главного архитектора Академического округа, где ей объяснили, что с этим надо обращаться в Мэрию; и дозвониться, затратив немало времени, в комиссию по переименованию улиц города Москвы, где её отчитали за незнание законов.

Хамство, конечно, и враньё. Ведь нам (естественно, я не мог оставаться в стороне) было известно, что на тот момент не подлежали изменению только исторические названия улиц, находящихся, в основном, в пределах Садового кольца. Такое, собственно говоря, правильное ограничение категорически не позволяло поднимать вопрос по поводу Большого Каретного переулка или Малой Грузинской...

Впрочем, мы об этом и не задумывались.

Наступил 1998 год, в котором Высоцкому могло бы исполниться шестьдесят...

Мы с Ириной занимались сбором подписей жителей улицы Шверника. Андрей Таль с

друзьями готовил проект оформления улицы в виде грифа гитары со скульптурами, символизирующими семь нот. Кроме того, нам вместе казалось уместным использование в новых условиях близлежащих кинотеатра «Улан-Батор» и сквера для всевозможных бардовских концертов, фестивалей...

В общем, всё шло своим чередом. И в июне я отвёз в приёмную Мэри три письма на имя Ю. М. Лужкова (от инициативной группы, от «Дома Высоцкого на Таганке» и, благодаря содействию Андрея Вознесенского, от Русского ПЕН-центра) с просьбой о переименовании улицы Шверника.

Прошёл месяц. В преддверии годовщины смерти Владимира Семёновича я обзвонил информационные программы ТВ с предложением темы. Откликнулся Борис Соболев из «Времечка» — снимали 23 июля (интересно, когда в завершение, часа через два, Борис прямо на улице стал допытываться у случайных прохожих о Швернике — кто он? — никто так и не смог толком ответить). Получившийся 4-минутный сюжет показали на следующий день.

И в «Московском комсомольце» Сергей Мнацаканян опубликовал материал под названием «Где же ты, улица Высоцкого?».

А в годовщину смерти около могилы общенародного любимца на Ваганьковском кладбище мы с помощью Нины Красновой

и нашей соседки по лестничной площадке Иры Кочетковой дополнительно собрали множество подписей в поддержку...

Но дальнейшее от нас уже не зависело. Рассмотрение вопроса в Мэрии, отложенное на осень, состоялось 30 сентября 1998 года.

Заседание должна была проводить заместитель Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы Майя Фёдоровна Симонова, с которой я вёл предварительные телефонные переговоры. Её точка зрения сводилась к тому, что в столице память Высоцкого увековечена достаточно, и, кроме того, она утверждала, что кем-то собираются подписи в защиту имени выдающегося государственного деятеля Н. М. Шверника (последнее звучало бредом сивой кобылы: уж мы-то, включая «Времечко», изучили его биографию).

Позвонив накануне мероприятия, я спросил у Симоновой, можно ли привести ещё кого-нибудь, имея в виду гендиректора Русского ПЕН-центра Александра Ткаченко или ТУ. И получил отказ: комнатка маленькая, а комиссия большая...

Вновь мы столкнулись с враньём. Площадь «комнатки» № 308, в которую меня

пригласили, была порядка сорока метров. Внутри находилось всего лишь десять человек.

На фоне собравшегося кворума (из него восьмерым было далеко за шестьдесят!!), пребывавшего как будто в дрёме, председательствующая Майя Фёдоровна коротенько изложила суть дела. Надо сказать, всё говорилось с откровенно язвительной интонацией, подчёркивающей тщету чаяний инициативной группы. Когда же речь зашла о письме-поддержке писателей, то прозвучал следующий перл: «Ахмадулина... Битов... Вознесенский... ну и все остальные...» Потом, почти без паузы: «Отказать из-за противоречия закону!»

Я остолбенел. Но, быстро придя в себя, попросил дать мне слово. И попытался объяснить собравшимся, что, во-первых, «мы» — это несколько тысяч москвичей, проживающих по улице Шверника, а, во-вторых, «мы» просим вернуть улице старое, так сказать, историческое название, а затем, ввиду его нелепости, переименовать...

И тут в руках у Симоновой появилось письмо (явно домашняя заготовка), смысл которого заключался в том, что Некто просил назвать московские улицы прилагавшимися именами заслуженных людей... Из чего якобы следовало, что, «дав одной из улиц название «Улица Владимира Высоцкого»,

XI. Ага! так вот где собака зарыта!

комиссия принизит достоинства вышеперечисленных...»

В репликах же я услышал и то, что «смешно звучит: Высоцкий жил на улице Высоцкого»; и то, что в названиях московских улиц ещё не отражены имена всех Героев Советского Союза; и многое-многое другое.

Резюмируя, Майя Фёдоровна обратилась ко мне: «А есть ли у вас деньги на переименование улицы? У Мэри — нет».

Ага! так вот где собака зарыта!

Лично я таких денег, конечно же, не имею, но думается, что горожане нашли бы их с лихвой, ведь Владимир Высоцкий — коренной москвич.

XII. «ВОЗНЕСЕНСКИЙ ПЕРЕУЛОК НЕ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ»

Тьма ежей любого роста
мне иголками грозила.
Я на дух надел напёрсток.
Жмёт, конечно. Но красиво.

Андрей Вознесенский

26 января 1998 года в «Московском комсомольце» под заголовком «Где улица Высоцкого?» появился материал, приуроченный к 60-летию со дня рождения знаменитого барда и актера... Там всего-то была помещена известная фотография начала 1970-х, на которой были рядом ещё молодые и счастливые Владимир Высоцкий и Андрей Вознесенский, а под ней — короткое, эмоционально-недоуменное обращение последнего к власти имущим по поводу отсутствия в Москве улицы имени «всемирного Володи».

Тогда же я и моя жена Ирина, возглавляя инициативную группу, вели сбор подписей для ходатайства в Мэрию о переименовании улицы Шверника в улицу Высоцкого.

Почувствовав в авторе материала единомышленника, мы оставили для него «под зелёной лампой» в ЦДЛ приветственное послание, в котором вкратце объяснили, чем занимаемся и, на всякий случай (конечно же, не особо рассчитывая на контакт), сообщили свой домашний телефон.

Через пару недель, в один из февральских вечеров, откликаясь на телефонный звонок, я вдруг услышал:

— Здравствуйте, это — Андрей Вознесенский.

В его негромкий размеренный голос приходилось вслушиваться (давала знать болезнь горла)... Разговор как-то сразу, без паузы, пошёл о Высоцком и делах, связанных с переименованием... При этом мы называли друг друга на вы, но по именам: Андрей, Сергей (только в дальнейшем, вспомнив разницу в возрасте, я стал обращаться к нему — Андрей Андреевич)... А в завершение Вознесенский неожиданно предложил сильную помощь и продиктовал свой телефон в Переделкине.

Предоставленной возможностью я воспользовался в июне. К этому времени все документы в Мэрию, за исключением предпо-

лагаемого письма от Русского ПЕН-центра, были готовы.

— Хорошо, — сказал он, — пятнадцатого будет заседание. Переговорю.

— Андрей Андреевич, — осмелев, напоследок почти прокричал я в трубку, — а вы не могли бы дать материал в «Истоки»? О Высоцком. Или что-нибудь, на ваше усмотрение...

16 июня, заехав в ПЕН-центр, из рук гендиректора Александра Ткаченко (с которым мы были знакомы со времён его работы в журнале «Новая Юность») я получил обещанное.

А насчёт материала в «Истоки» Вознесенский просил перезвонить.

Созваниваться пришлось около месяца. Благодаря ангельскому терпению Зои Борисовны Богуславской, с которой я чаще общался, ввиду того, что в основном она первой подходила к телефону, наконец, мы договорились о встрече 21 июля в 16:15 в фойе ЦДЛ. Причём было сразу оговорено, что на наши дела отводится минут десять-двенадцать, так как следом подойдёт ещё кто-то.

Но зачастую жизнь вносит свои коррективы... Вознесенский, задержавшись в дороге, вошёл в здание, как мне показалось, стремительно. Его в то время внушительная фигура

и внешний вид напомнили мне чем-то соседа по незабываемой Немчиновке, дядю Валю Сильвестрова: уверенного в себе добытчика, вечно загорелого, острого на язык охотника-огородника-рыболова-садовника и завязатого преферансиста.

Рядом с поднявшимся по ступенькам в центр фойе мэтром оказался и Виктор Ерофеев... Мы поочередно поздоровались, потом я отошёл в сторону..

Через непродолжительное время Андрей Андреевич, попрощавшись с собеседником, обернулся ко мне. Для публикации он дал четыре новых, не отлежавшихся стихотворения (при вёрстках правившихся чуть ли не четверостишиями).

Когда закончили с делами, я подарил Андрею Андреевичу свои книги — одна из них была с иллюстрациями Ирины. И, протянув «На виртуальном ветру» — его воспоминания, — получил автограф:

Ирине и Сергею — очень сердечно.

Так произошло наше знакомство...

И хотя улицу Шверника не переименовали в улицу Высоцкого, но на память о событиях осталось стихотворение Вознесенского из той, «истоковской» подборки конца 1998 года:

Сергей Телюк

* * *

Я – вселенский полудурок.
Бит Никитой и тоской!
Вознесенский – переулок
меж Никитской и Тверской.

Невезенья квинтэссенция,
он не трасса, а тропа.
Здесь на Пасху Вознесенская
просияла Скорлупа.

Здесь подруги и собратья,
власть в малиновом дому.
Мы к Чайковскому в объятья
попадаем по нему.

И красавица из местных,
не святоша, и не блядь,
в Вознесенской лавке крестик
сладко будет примерять.

С тьмой литературных урок
разберусь я вдругорядь.
Вознесенский переулок
не переименовать.

ХІІІ. НА ПАМ'ЯТЬ О ДЕФОЛТЕ

В конце августа 1998 года произошёл обвал рубля. При неизменной зарплате цены за короткий период подскочили в два-три раза. Президент, правительство и «думцы» вешали россиянам очередную «лапшу на уши» — дескать, на то есть объективные причины. А сами на народные денежки повышали себе зарплаты, замораживали курсы валют в «думских» банкоматах, строили новые, шикарные офисы Сбербанков. В общем, в очередной раз дурили нашего брата по полной программе...

В эти самые дни, когда независимо от желаний приходилось переходить в основном на постную пищу, мне неожиданно позвони-

ла Наталья Сверчкова (радиожурналистка, автор «Истоков»):

— Подзаработать не хочешь? — спросила она.

— А в чём дело? — ответил я вопросом на вроде бы риторический вопрос.

Оказалось, что Центральной библиотеке № 202 имени Ю. А. Гагарина, находящейся рядом с метро «Юго-Западная», для выступления на межведомственном фестивале срочно требовалось сочинить ироничный стихотворный текст на выбранную ими мелодию.

Поехав к заказчику, я записал имена и должности сотрудников, которые должны были упоминаться, а также, уточнил музыкальную составляющую («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»). После чего, приступив к работе, справился с ней в назначенный срок.

Через несколько дней мне позвонили из Библиотеки с новым предложением. На этот раз приближался юбилей директора, по-моему, шестидесятилетие. И сослуживцы, по секрету от виновницы торжества, заказали «что-нибудь» в её честь, но только не панегирическое.

Недолго думая, я выбрал за основу известное стихотворение Даниила Хармса — получилось следующее:

XIII. На память о дефолте

- Знаете?

- Не знаете?!

- Ну, конечно, знаете!

- Ясно, что вы знаете!

- Несомненно, знаете!

- Вы же знаете, что **У**?

- Вы же знаете, что **Ю**?

- Вы же знаете, что **ЛИ**?

- Что у Юлии Ивановны

Нынче день рождения?

- Это вам ведь не крестины,

Впрочем, и не именины,

Впрочем, что к чему понятно

И без обсуждения.

- Ну, вы скажете нам, **НА**?!

Ну, вы скажете нам, **ХА**?!

Ну, вы скажете нам, **ЛЫ**?!

Ну, вы скажете, нахалы,

И откуда только прыть?!

Нет бы, выйти с дифирамбом,

Или вот хореем-ямбом

(Или как-нибудь ещё)

Посвященье сочинить.

Кстати вспомнить внучку тут:

Анечкой её зовут!

Да и про внука Илюшу

Что-то присовокупить!

А не то чтоб водку пить.

- Мы же возразим вам, **ПО!**
- Мы же возразим вам, **СТОЙ!**
- Мы же возразим вам, **ТЕ!**
- Мы же возразим, постоитте,
Это вовсе не мура!
Ваши происки напрасны -
Наши помыслы прекрасны.
С днём рожденья, дорогая
Юлечка! Ура! Ура!
- И ещё разок: УРР-А-А-А!!!

И хотя стихотворение было озаглавлено позже («Ко дню рождения Юливанны»), всё равно, даже тут, в самом начале, Юлия Ивановна Поварова — уже была Юлией Ивановной, Юлечкой — неунывающей современницей.

Дальше — я просто не смог не продолжить тему...

Но так как написанное, по возможности, повторяло не только ритмы, системы рифмовок, построчные разбивки, а, до какой-то степени, и внешние виды оригиналов — то я назвал это «вольными переводами с детского на взрослый». Припомнив же, что когда-то наши классики, импровизируя при «пересказах» заграничных стихов, употребляли предлог «из» — из Байрона, из Гёте... — я решил воспользоваться и этим.

Поясню примером:

**Что такое
хорошо
и что такое
плохо?**

(Из Владимира Маяковского)

К Юливанне
внук пришёл,
и спросила кроха:
– Доллар – это
х о р о ш о
или доллар –
п л о х о? –
Взяв на полке
абрикос –
угостить внучонка –
Юливанна
на вопрос
отвечала
звонко.

– Доллар?!
Если его нет,
или –
есть, но малость,
это – плохо.
Скажут вслед:
ах, какая жалость!

Если ж
долларовый вклад

Сергей Телюк

в заграничном
 банке –
скажут люди,
 что ты гад:
жди от них подлянки.

Помни
 это
 каждый внук,
каждый
 ребятёнок:
вырастешь
 козлом,
 мой друг,
если ты –
 козлёнок.

Мальчик
 радостный пошёл,
и решила кроха:
«Знаешь меру –
 х о р о ш о!
А не знаешь –
 п л о х о».

В конечном итоге получилась подборка по мотивам стихотворений Зинаиды Александровой, Агнии Барто, Валентина Берестова, Бориса Заходера, Самуила Маршака, Владимира Маяковского, Сергея Михалкова, Даниила Хармса, Корнея Чуковского.

XIII. На память о дефолте

Они как-то сами собой объединились в цикл «Кое-что о Юливанне», который мы с женой и, естественно, с её иллюстрациями, вскоре издали (по-моему, благодаря финансовой поддержке Ириной подруги Натальи Шумянской) отдельной книжечкой, на память о дефолте...

XIV. МНЕ ОЧЕНЬ ПРИЯТНО...

Творчество — в смысле понимания — дело неблагодарное. Мало того, что в творчестве существуют различные направления, так ещё внутри них читатели вольны делиться по пристрастиям, а иногда по уровню подготовленности и даже грамотности.

В 1999 году, вскоре после выхода очередного альманаха, Галина Вячеславовна ознакомила меня со следующим письмом (обращаю внимание: нижеприводимый текст дан в читательской редакции, а жирным шрифтом выделены всего лишь ошибки):

Главному редактору
альманаха «Истоки» Галине Рой.

Альманах «Истоки» попал в мои руки случайно. И я была рада этой встрече — сколько молодых имен! И пусть порой наивны, даже

корявы дебюты начинающих — неуверенность первых шагов оправдана.

Хребет альманаха — вещи профессионалов стихи Р. Козаковой, А. Вознесенского, интересна проза Леонида Жуховицкого, выделяется ранней одарённостью публикация Катюши Сполитак.

И вдруг... словно обожгло. Претенциозный, беспощадный, грязный цикл Сергея Телюка.

После салдафонских воплей коммуниста-черносотенца Макашова, сеящих национальную вражду, раздался литературный писк Телюка:

Ах, матушка, Россия! Любезная моя!
Да как же ты пригрела евреев у себя
и прочих супостатов — ведь проку ни на грош
от этих лихоимцев... Но нас не проведёшь:
мы родную сторонку очистим — спору нет —
держи кистень, товарищ, а я возьму кастет.

На кого поднял руку околосредствительный пигмей — на Илью Эренбурга, Василия Гроссмана, Михаила Светлова, великого Михоэlsa, блистательного Ландау?

Отмойтесь от этой грязи, срочно дайте оценку зловонной «теллюковщине», не доводя дела до суда за разжигание национальной вражды.

Я в Грозном потеряла всё, знаю уродливое лицо шовинизма и национализма, горько читать подобное в конце XX века.

*Учитель русской литературы
Говоркова Ек. Ив-на.*

Ох-ох-ох... Где вы, советские времена?..

А ведь в этом же цикле, буквально в предыдущем стихотворении, нелицеприятно говорится и о русских: «Не то чтобы глуп, но я с детства, лелея привычный изъян, // живу в ожидании чуда как небезызвестный Иван». Но подобные высказывания почему-то считаются в порядке вещей и, как правило, не замечаются читателями.

По просьбе главного редактора мне пришлось ответить Ек. Ив-не в разделе «Из нашей почты». На левой стороне разворота был помещен просканированный оригинал письма Говорковой, а на правой — следующее:

Уважаемая Екатерина Ивановна!

Спасибо Вам за добрые слова в адрес нашего альманаха.

Мне очень приятно, что Вы обратили внимание на моё творчество и даже процитировали одно из моих стихотворений. Но меня удивило то, с какой непосредственностью Вы, учитель русской литературы, отнеслись к прочитанному. Возможно, ужас пережитого Вами наложил отпечаток на Ваше восприятие стихотворения. Хотелось бы дать Вам некоторые разъяснения.

Итак, начнём сначала. Если я правильно понял, Вами прочитан предыдущий, четвёртый выпуск возрождённого альманаха

«Истоки». Моя подборка в нём начинается с цикла монологов «Страна родная». Обращаю Ваше внимание на то, что это не просто цикл стихотворений, а цикл монологов (о чём сказано в подзаголовке), что позволяет передать в этих монологах разные точки зрения, порой и противоположные моему личному мнению. И поэтому Ваши претензии надо адресовать не ко мне лично, а к моим «лирическим героям» (к сожалению, Вы не прочувствовали, что к ним я отношусь не однозначно). Ещё раз подчеркну, что цикл монологов даёт автору возможность привести разные взгляды, убеждения, бытующие в повседневности, порой даже противоречащие друг другу, и нельзя ставить знак равенства между этими «голосами» и мнением, мировоззрением автора. Более того, хотелось бы отметить, что я негодую вместе с Вами по поводу смысла следующих строк:

*мы рóдную сторонку очистим – спору нет –
держи кистень, товарищ, а я возьму кастет.*

Но тут уж, как говорится, из песни слова не выкинешь... Ведь если мы будем прятаться или убежать от реальности, то проблем от этого в нашей жизни не убудет.

*По поручению гл. редактора альманаха
Сергей Телюк.*

Сегодня я бы к этому добавил цитату из Александра Сергеевича Пушкина:

«Описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так как анатомия не есть убийство».

Да, кстати, название цикла было когда-то подсказано моим другом (больше других в «Стране родной» ему нравилось стихотворение «Какая неожиданность: в Москве опять зима...») Александром Ароновым — евреем по национальности.

И ещё мне вспомнилось одно Сашино наставление по части поэзии: не будь чересчур серьёзным — скучно.

XV. НЕСМОТРЯ НА ВСЯКОЕ

Несмотря на всякое, в первую очередь всё-таки вспоминается теплота людей, с которыми мне довелось встречаться...

В главке о возрождении «Истоков», говоря о Николае Константиновиче Старшинове, я упомянул, что он ходил с тростью, точнее, с обычной, возможно, подобранной в лесу, палкой, изогнутой в её верхней части. К тому времени он уже не пил, по крайней мере, в 1996-м, по его словам, минуло двадцать четыре года, как окончательно завязал с этим делом. Жил с семьёй дочери от брака с Юлией Друниной в доме творческих работников, недалеко от кольцевой станции метро «Прспект Мира», в Протопоповском переулке (его соседом по этажу был поэт Ан-

дрей Дементьев, в 1990-е, как представитель государственной телерадиокомпании (РТР) в Израиле, живший за границей). Будучи «совой», Старшинов любил работать по ночам...

А в минуты откровений огорчился, что зять совсем не интересуется его творчеством и что его большая библиотека никому не нужна.

Но, тем не менее, семья дочери нашла возможность, и у нас в РИФ «РОЙ» в 1994-м и 1996-м вышли частями «Лица, лики и личины», содержащие в себе две трети его литературных мемуаров. Хотя для известного поэта-фронтовика, собирателя частушек и автора множества книг, бывшего заведующего отделом поэзии в журнале «Юность» (с 1955-го по 1962-й) и главного редактора альманаха «Поэзия» (с 1972-го по 1991-й) вообще издание чего-либо за свой счёт могло показаться удручающим, Николай Константинович по-прежнему оставался добрым, весёлым, жизнелюбивым человеком и заядлым рыбаком.

Однажды я поинтересовался у него:

— На какой слог падает ударение в вашей фамилии?

— Правильнее будет Старшино́в, — последовал ответ, — но это не важно...

О том, что знаменитый актёр театра и кино Евгений Яковлевич Весник любит рыбачить,

я узнал совершенно случайно. Это открылось 17 января 1999 года, когда по приглашению его жены Нонны Гавриловны мы с Ириной пришли к ним, по выражению хозяина, которому двумя днями раньше исполнилось семьдесят шесть, «попить водочки».

Я не раз бывал у них по редакционным делам и потому имел представление о месте встречи в известной «сталинской» высотке рядом с метро «Баррикадная». Небольшая двухкомнатная квартира как бы противоречила высоченным потолкам с лепниной и огромным общественным пространствам, где можно запросто устраивать турниры по мини-футболу, по крайней мере, на первом и пятом этажах.

Внутреннее же устройство обители выглядело гармоничным. Через маленькую прихожую вошедшие сразу попадали в холл, превращённый Евгением Яковлевичем в кабинет с книжными шкафами, расположенными вдоль правой стены (где на видном месте, на одной из полок стояла фотография в рамке, запечатлевшая момент вручения мэтру Б. Н. Ельциным ордена «За заслуги перед Отечеством»), а левее них — большим письменным столом, поразительно заваленным бумагами, хотя относительно недавно, в минувшем 1998-м, вышло переработанное и дополненное второе издание мемуаров «Дарю, что помню». Из этого центрально-

го места, сделав несколько шагов в ту или иную сторону, проходили в остальные помещения...

Мы сосредоточились в уютной, обжитой, чувствовалось, в основном благодаря хозяйке, кухне. И вот тут-то я увидел среди салатиков, пирожков и прочей снеди жареную, как выяснилось, речную подмосковную рыбёшку (плотвички, ёршики и т. д.), пойманную собственноручно хозяином дома и хранившуюся в морозилке с сентября.

Если говорить о Евгении Яковлевиче как о рассказчике: блистательный, божественный, гениальный, — это значит, ничего не сказать.

Невозможно определить какими-либо словами его интонации, мимику, жесты, особенно, когда всё происходит непринуждённо, под водочку, настоянную на калгане... С добавлением по вкусу матерка, коего не гнушался народный артист СССР, невзирая на разную половую принадлежность присутствующих...

Именно во время этой встречи я узнал об источнике — няне из больницы, где ему довелось лежать — лаконичного ответа, неоднократно слышанного мной по телефону, при вопросе о его здоровье:

— Пиздец не лечится...

Что по настроению, по-моему, было вполне созвучно одному из следующих его «Триптихов», публиковавшихся в «Истоках»:

а). Жизнь начинается:

Очень много времени уходит на созерцание, осознание, образование; частенько времени на работу, на созидание не хватает; ещё чаще и не очень хочется созидать, хочется красочного времяпрепровождения: веселья, комфортного куража, фейерверка любви, авто, еды, вина...

б). Жизнь созрела:

Побеждает то, что в большем количестве накоплено — или зло или добро, учение или сладостный самообман...

с). Жизнь кончается:

Хочется учить, подпитывать, показывать — нет сил, нет свободного от болячек времени... Ты не нужен... Ты — старый болван.

Время пролетело незаметно. Оглянувшись на пороге, я увидел немолодого трогательного человека, в клетчатой рубашке и купленном в Америке джинсовом комбинезоне «Lee», о котором ему давно мечталось. Но в облике ещё угадывался с детства любимый мной персонаж — авантюрный Богдан Сурик из «Трембиты»...

Несколько позже, позвонив поздравить Евгения Яковлевича с принятием в Союз пи-

сателей Москвы, я услышал явно шутивное и обнадёживающее:

— Лев Николаевич Толстой у телефона.

В одном из разговоров Александр Фатюшин вскользь коснулся своей работы дворником в ЦДЛ, видимо, в молодости, когда только переехал из Рязани... Услышав знакомую аббревиатуру, я автоматически поинтересовался насчёт наличия собственных стихов. И после утвердительного ответа, разумеется, предложил ему напечататься.

— А зачем? — спросил он. — Я любитель — пишу их для себя, правда, иногда читаю друзьям.

Неожиданно и приятно было услышать такое редкое высказывание...

Впервые же встретиться с ним «живьём» довелось в процессе однодневной поездки в Вязьму, в последнее воскресенье февраля 1999 года.

В фирменном автобусе, ожидавшем у ближних к театру «Сатиры» колонн Зала имени Чайковского, нам, относившимся к разным изданиям, видам искусств и Союзам, предстояло проехать порядка двухсот пятидесяти километров в одну сторону, дать подобие шефского концерта и вернуться.

Собралось человек двадцать. Из них вспоминается только несколько: Ирина — моя вечная спутница; Нина Краснова — в данном случае вместе со мной представлявшая альманах «Истоки»; Валерий Дударев — поэт, организатор мероприятия, кстати, тогда ещё ответственный секретарь журнала «Юность», находившегося вместе с рестораном «София» в дореволюционном здании напротив памятника Маяковскому; а также Феодосьевич и Владимир Цапин (очередной мой однокашник по «Весам») — его сослуживцы. Первоначально ожидалось участие Валерия Золотухина, но у него в последний момент что-то стряслось. И Володе Цапину пришлось срочно брать такси и привозить согласившегося помочь Александра Фатюшина, который жил в районе метро «Бабушкинская».

В итоге мы прибыли на место с опозданием...

Не в пример столице в Вязьме температура оказалась не нулевой, а градусов на десять морознее. От вида огромного количества не таявшего снега с непривычки слепило глаза. Курились печные трубы над малоэтажными домиками на окраине, распространяя запах гари. Находившийся рядом с памятником Ленину местный Дворец культуры встретил нас прохладой.

Быстренько попив чайку с пирожками и бутербродами, мы разделились: Ирина с Феодосьевичем, набросив на плечи верхнюю одежду, отправились торговать книгами и журналами в фойе, все же остальные — за кулисы. Кроме Валеры и меня, сразу вышедших на сцену в качестве ведущих...

Холодный, полуотапливаемый зал мест на пятьсот-шестьсот благодаря зрительскому терпению был полон.

Выступление длилось чуть более двух часов. Как всегда выделялась Нина Краснова со своими бойкими частушками и темпераментным притопыванием на месте. Но когда на закуску к микрофону вышел её земляк Фатюшин, публика зашла от восторга. Александр, видя такое дело, для начала рассказал пару смешных случаев с киносъемок, а потом стал травить анекдоты, периодически вопрошительно — может, хватит? — оглядываясь на нас с Валерой.

В завершение, после традиционной раздачи автографов, нашу группу ознакомили с местными достопримечательностями, включая усадьбу Грибоедова в тридцати километрах от города, а потом, после не очень продолжительного застолья, отпустили во свояси. Благодаря неустанности Александра, в одночасье ставшего душой компании, обратный путь показался короче, хотя и въехали в Москву за полночь...

Через месяц с небольшим, в начале апреля, Фатюшин пригласил нас с Ириной в Филиал театра имени Маяковского, где он играл замоскворецкого купца Самсона Силыча Большова в «Банкроте» по Островскому.. В дальнейшем мы видели все спектакли с участием Александра, но уже на Основной сцене... А наибольшее впечатление произвёл мерзавец, начальник тюрьмы, босс Вален (пожалуй, вообще его единственная отрицательная роль) в «Не о соловьях» из раннего Уильямса в постановке Ахрамковой... Здесь же пожилую женщину миссис Бристол играла Елена Мольченко, жена, с которой он как-то раз познакомил меня за кулисами... Кстати, когда мы смотрели «Наполеона Первого», я встречался с ним в антракте и до сих пор не забуду выходящего ко мне на встречу из комнаты отдыха, где актеры смотрели футбольный матч, самого Бертье в маршальском мундире и ботфортах...

Но, конечно же, прежде всего, припоминаются знаменитый хоккеист Сергей Гурин из легендарной мелодрамы «Москва слезам не верит» и почти былинный таможенник Афанасий Петрович Крыков из телефильма «Россия молодая»...

Наше знакомство продолжалось немногим более четырёх лет, вплоть до Сашиной скоропостижной смерти.

XVI. «ПОЛОНЕЗ» ОТПРАВИЛСЯ ТОЧНО ПО РАСПИСАНИЮ

В конце января 1999-го мы с Ириной впервые получили загранпаспорта.

Оформлялись они, в общем-то, на всякий случай, так как приблизительно за полгода до этого Лола Звонарёва, с которой я познакомился в редакции «Истоков», обмолвилась о возможной поездке в Польшу.

Сроки несколько раз переносились, последняя предварительная договоренность существовала на февраль-март 2000-го, но приглашения от Российского центра науки и культуры в Варшаве мы получили в ноябре 1999-го (я думаю, в связи с образовавшимся «окном»).

Из телефонных переговоров с представлявшими Центр ответственными за культур-

ное сотрудничество Татьяной и Александром Хохловыми стало ясно, что кроме моего выступления они рассчитывают на выставку работ Ирины.

И началось. Всё делалось параллельно: покупка билетов и ваучеров (в нашем случае этот документ давал право находиться в Польше без виз в течение недели); изготовление буклетов, оформление работ и получение разрешения на их вывоз в соответствующей комиссии (по договоренности Ирина представляла графику, в основном, ксерокопии иллюстраций к моим книгам); поиск денег взаймы ввиду непредвиденности поездки и т. д. и т. п.

И вот в морозный день (градусов пятнадцать-двадцать) 12 декабря мы вышли из дома налегке, а троюродный брат Ирины Сергей Смыслов, вызвавшийся помогать на своей «Оке», уже приближался с нашим багажом к Белорусскому вокзалу..

Польский фирменный поезд «Полонез» отправился точно по расписанию. В трехместном купе с умывальником кроме нас больше никто не появился. Проводник, на русском говоривший с явным акцентом, приветливо поздоровался, выдавая таможенные декларации (для заполнения) и пакеты с постельным бельём, фирменными полотенцами, миниатюрными кусочками мыла и

губками для обуви. Из коридора доносилась польская речь, а мы ехали мимо заснеженной Немчиновки...

В этом подмосковном поселке сразу за МКАД я до двадцати с небольшим проводил почти каждое лето в построенном отцом «сарайчике» на земельном участке у «тёти Маруси», одной из трёх его любимых тётюшек. Там же, недалеко, на старом кладбище при Никольском храме в Ромашково, находятся захоронения моих родственников с 1917 года, включая прадеда, в конце XIX века перебравшегося с семьёй из-под Борисова в Москву.

Так начиналась моя первая поездка за границу.

И всё бы ничего, да в дороге у меня внезапно подскочила температура, чуть ли не до тридцати девяти. Это я потом, поразмыслив, понял, что к чему (аналогичная реакция организма уже случалась после первой автомобильной аварии, в которой мы с моим другом и однокашником по МАДИ Сергеем Мозалёвым после нескольких переворотов в «Запорожце» чудом остались в живых), а в тот момент, приняв жаропонижающие лекарства и с головой укрывшись под одеялом, мне пришлось бороться с ознобом до самого Бреста, куда мы прибыли часов в пять утра.

Ирина и Сергей Телюк

Александра и Лев Ивановы-Аннинские

Леонид Жуховицкий, Александр Аронов и Виктор Гиленко

Александр Аронов

Вадим Черняк

С Николаем Старшиновым...

С Риммой Казаковой...

Кирилл Ковальджи

Андрей Вознесенский и Владимир Высоцкий. Молодые и счастливые

С Андреем Вознесенским...

С Андреем Шацковым и Владимиром Фирсовым...

*С Галиной Рой и Валерией Сычёвой (в редакции альманаха
«Истоки»)...*

С Александром Фатюшиным и Ниной Красновой...

С Инной Кабыш и Анной Гедымин...

С Вадимом Егоровым...

*С Людмилой Глушковской, Татьяной Воронкиной и Борисом
Евсеевым...*

С Татьяной и Александром Хохловыми...

*С Белой Риго, Валерием Дударевым, Лолой Звонарёвой и
Виктором Луниным...*

Игорь Нагаев, Валентин Оскоцкий и Сергей Алимов

С Анатолием Кузнецовым...

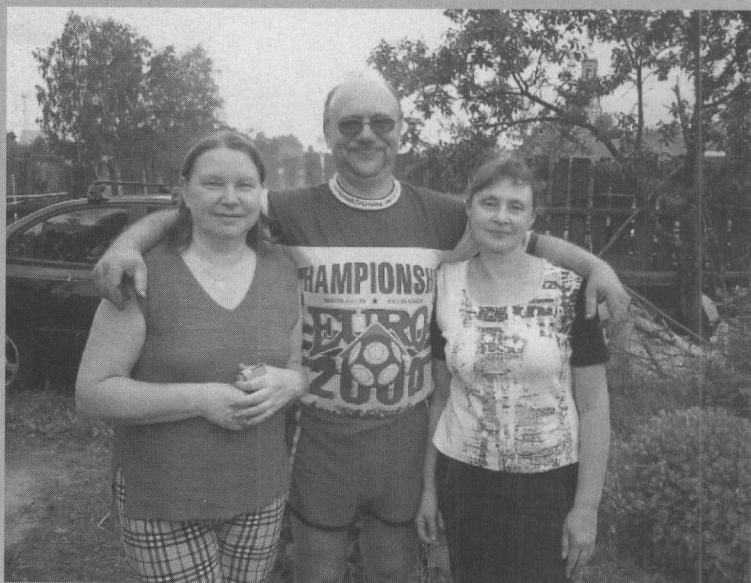
С Василием Бубновым и Вадимом Кулаковым...

С Олегом Агринским (на переднем плане)...

С Владимиром Щетининым и Сергеем Мозалёвым...

С Еленой и Сергеем Серебровыми...

С котом Чучей, Андреем Шагаровым и Андреем Апухтиным...

В гостях у моей мамы Татьяны Алексеевны с Натальей (моя сестра) и Вадимом Бесчеревных...

*Разворот паспортной книжки
 моего прадеда Адама Алексеича*

*Ермиловы Пелагея Кирилловна и Алексей Гаврилович со своими
 старшими детьми Николаем, Зоей, Валентиной и Татьяной
 (моя мама)*

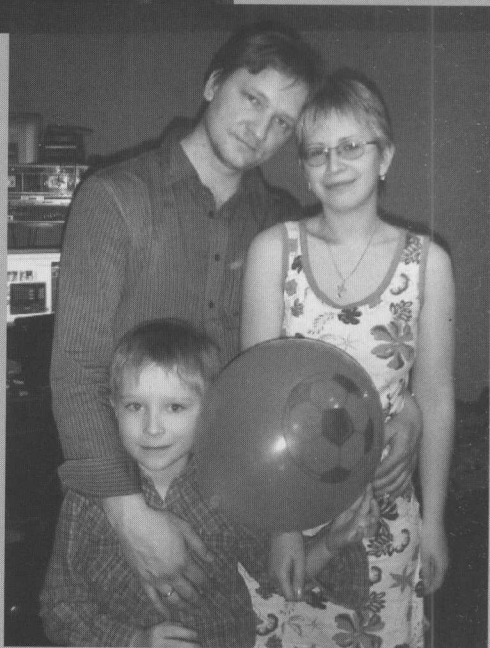
Телюк Апполинария Николаевна и Пантелеймон Адамович со своими детьми Кирой и Юрием (мой папа)

С Ниной Борисовной Телюк (моя крёстная), Натальей Шумянковой, Татьяной Алексеевной и Юрием Пантелеймоновичем (мои родители), Галиной и Сергеем Мозалёвыми...

*Владик, Вероника
и Сергей Мартовы
(семья моей дочери)*

*Саша, Татьяна и
Андрей Волковы
(семья сына Ирины)*

Белорусские пограничники и особенно таможенники тщательно, если не сказать скрупулезно, словно задавшись целью обязательно выискать нарушения, проверяли документы и багаж. После чего последовала ошущавшаяся в данном случае как облегчение смена колес в депо, длившаяся порядка двух часов...

Польские таможенники казались не столь озабоченными. А пограничники — вообще прошли по вагону, подобно контролёрам, проштамповывая наши документы. И вскоре, наверное, минут через двадцать-тридцать, мы уже следовали в направлении Варшавы. В конце пути поезд переехал по мосту через Вислу и нырнул в тоннель, ведущий к подземным платформам Центрального вокзала.

Встречавшие, знакомые по предварительным телефонным переговорам Татьяна и Александр Хохловы, перевезли нас на служебном микроавтобусе, по-моему «Форде», в уютную двухкомнатную гостевую квартиру с просторными кухней, передней, отдельным санузлом, а также квадратной лоджией с видом на улицу Собеского. А находилась она в охраняемом жилом доме, принадлежащем Торгпредству России.

Оставленные одни часа на три-четыре, мы наконец-то смогли перевести дух, пока за нами не заехали...

Прогулка с Татьяной по Варшаве имела оттенок нереальности, так как в происходящем верилось с трудом. В отличие от Москвы на улице не было ни снега, ни особого холода, если не считать пяти-шестиградусного мороза. Зелёная трава и даже местами цветы на газонах; не суетящиеся люди, одетые в куртки и обычно без шапок; машины, тормозящие перед пешеходом при первом же его шаге на проезжую часть; молодой человек, раздающий конфеты в костюме Санта Клауса, хотя до католического Рождества оставалось около двух недель — всё это вызывало интерес. Но самым впечатляющим оказался центр города — во время Второй мировой войны сильно разрушенный, а в мирное время любовно восстановленный по фотографиям, гравюрам и репродукциям (как тут не упомянуть о вечно перестраиваемой и доведённой местами до уродливости аналогичной части российской столицы!). В завершение всего мы побывали в гостях у Хохловых, где к концу вечера я почувствовал себя окончательно выздоровевшим, хотя предстояли смутная ночь и похмельное утро.

Назавтра, ровно в полдень, «Форд», ставший уже привычным, поджидал нас у подъезда, чтобы отправиться за Таней в Российский центр науки и культуры, размещавшийся в отведённых кабинетах здания Торгпредства,

рядом с посольством России, на улице Бельведерской.

Мы посетили городок Весёла близ Варшавы, где познакомились с ксёндзом Стефаном Высоцким. В местном костёле нам представилась возможность увидеть нетрадиционные картины православного (я не ошибся!) художника и философа-теолога Ежи Новосельского — сцены из Крестного пути Христа. А на обратном пути состоялось моё выступление в Институте русистики Варшавского университета, возглавляемом Алицией Володзько-Буткевич, которая представила меня аудитории.

Благодаря вниманию и дружелюбию слушателей встреча удалась.

Относительно раннее возвращение «домой» пришлось кстати, так как, узнав о срыве планируемого на завтра выступления, мы решили потратить образовавшееся свободное время на посещение Кракова. И этому не могли помешать даже предупреждения друзей о том, что на польских улицах с русским языком надо бы поаккуратнее...

Утром на Центральном вокзале Таня помогла нам купить билеты.

Купе экспресса «Интерсити», в котором было шесть сидячих мест, от коридора отделяла застеклённая перегородка. Несмотря на

входившее в стоимость билета одноразовое питание (чай, кофе, круассан, вафли — на выбор), постоянно предлагались всякие напитки и снедь. Люди разговаривали негромко, вполголоса. Виды, мелькавшие слева и справа за окнами, от российских отличались опрятностью. Чувствовалось, что здесь даже в мелочах любят приятную устроенность быта. В общем, чуть больше двух с половиной часов, потраченных на поездку, пролетели незаметно.

В Кракове оказалось морознее, хотя он находится южнее Варшавы (порядка 320 километров), но, как выяснилось, в предгорье. А сопутствовавшие бесснежие и пасмурная погода только усиливали эффект от улочек средневекового Старого города. При этом присутствовало ощущение участия в какой-то из сказок то ли Андерсена, то ли Гофмана, то ли братьев Гримм: трубач из башни Мариакского костёла, приветственно помахавший рукой, после того, как сыграл «Хейнал» — сигнал, ставший «звуковым» символом города со времён татарского нашествия; мужчина, по-рыцарски опустившийся на правое колено и застывший в молитвенной позе на дальних подступах к алтарю; центральная площадь с мерцающими огоньками свечей, наводнённая торговцами рождественскими подарками; пара белоснежных лебедей, летящая над Вислой, и замеченная нами со смотровой площадки Вавеля, у стен королевского замка...

Своеобычность этим не ограничивалась.

На обратном пути в зальчике ожидания появился пожилой мужчина в поношенной, но опрятной одежде. Поочередно наклоняясь к сидящим, он, как бы извиняясь, негромко просил милостыню.

А в купе кроме нас ехали: польская чета; мужчина, читавший немецкий журнал, и студентка, уткнувшаяся в оригинал Оксфордского издания «Истории Польши».

— *What time is it now?* — неожиданно спросила она, оторвавшись от своего занятия.

Я сидел напротив неё и, среагировав первым, машинально поднял левую руку, показывая часы, на которых было московское время... После секундного замешательства, мысленно отнимая два и одновременно вспоминая английский, я объявил средневропейское:

— *It's seven o'clock.*

— Спасибо, — с акцентом ответила сообразительная попутчица.

И мы улыбнулись друг другу.

В Варшаве нас встречал Саша, водитель «Форда».

Он же вместе с Александром Хохловым заехал за нами в полдень следующего дня — предстояла поездка в Сероцк.

Несколько слов о мистике.

Надо сказать, что с момента оформления загранпаспорта, в Москве, в сновидениях (а для меня это — редкость!) я периодически ощущал себя созерцающим с некоей лоджики неизвестную ночную городскую улицу. Когда же мы поселились в Гостевой квартире Торгпредства с видом на улицу Собеского, я с изумлением узрел её наяву..

И ещё, в первоначальных вариантах «Сказания о Сварожиче» упоминалось усвоенное в школе «слияние Буга с Вистулой», где с моей легкой руки праславяне одержали верх над киммерийцами. Каково же было удивление, когда я узнал, что Сероцк находится при слиянии Буга с Наревом, в свою очередь впадающим в Вислу. Ну прямо экскурсия «по местам боевой славы» с установлением истины...

Так вот до этого, несомненно, элитарного места — порядка пятидесяти километров на север от Варшавы. На берегах раскинувшегося здесь Зегжиньского водохранилища во множестве расположились яхт-клубы и более сорока пансионатов. В одном из них — бывшем пансионате ЦК «Нарев» — и должна была состояться персональная выставка Ирины.

Мы втроем, включая Сашу Хохлова, сразу же занялись развешиванием картин. Потом,

закончив дело, пообедали и с подъехавшей к этому времени Таней прогулялись по городу. А через какое-то время стали подтягиваться гости: бургомистр, руководство департамента культуры области, главный лесничий заповедных лесов этой округи, пресса, местные художники и любители искусства (большинство из них пришли с жёнами). Посмотрев экспозицию, они эмоционально делились впечатлениями с автором. Далее шли торжественное открытие (на правах хозяина начинал его директор пансионата Веслав Вожняк) и фуршет...

Поздним вечером с охапками цветов, сытые, хмельные и довольные мы вернулись в Варшаву.

Наступил день отъезда.

Прежде чем отправиться на вокзал, Таня и Саша свозили нас в некогда королевский парк «Лазенки», где, как оказалось, находится многим известный по заставке «Интервидения» (в бытность СССР) памятник Фредерику Шопену. И — вольно разгуливают павлины.

Вскоре мы все вместе присутствовали при беспардонном штурме «Полонеза» отечественными «челноками», чем-то схожим с посадкой на поезд во времена Гражданской войны...

Но в нашей действительности, к сожалению, ничего другого ждать не приходилось, ведь даже из обнародованного позже, в апреле 2008-го, недвусмысленного заявления фактически правящей Единой России следовало, что государственный курс ориентирован на достаток: в первую очередь — наличие банковского счёта (образование — на четвёртом месте, о культуре — вообще ничего не говорилось).

XVII. БЛАГОДАРЯ ЛОЛЕ

О деятельной, неутомимой, старающейся держаться в центре литературной жизни Лоле Звонарёвой, как о любом из нас, существует множество, порой даже противоречивых, суждений. На мой взгляд, одно из главных её положительных качеств — это умение знакомиться, а потом собирать вместе на каких-либо мероприятиях людей, чьи жизненные пути могли бы не пересечься.

Ирину и меня именно такое её деятельное участие свело с Владимиром Бондаренко, Игорем Виноградовым, Сергеем Георгиевым, Владимиром Дагуровым, Иваном Есауловым, Виктором Зуевым, Мариной и Нурисланом Ибрагимовыми, Николаем Ивеншевым, Сергеем Казначеевым, Алесем Кожедубом, Борисом Лукиным, Ириной и Александром Люсыми, Юрием Нечипоренко, Константином Паска-

лем, Татьяной Пономарёвой, Михаилом Поповым, Инной Ростовцевой, Еленой Устиновой, Ольгой Харламовой, Еленой Черниковой...

Стоп! Прошу прощения у тех, кого не упомянул, ведь названа приблизительно только пятая часть. Но кое о ком я уже рассказывал (например, о Тане и Саше Хохловых), а о некоторых — речь впереди...

Теперь не вспомнить, зачем и почему на четвёртый день после встречи Нового 2000 года по зову Лолы мы выехали на некое мероприятие в Киров, толком не понимая его сути.

По ходу дела выяснилось, что предстояло участвовать в съезде волонтеров «Детских и молодежных социальных инициатив», возникших в 1995-м и уже ставших одной из крупнейших общероссийских общественных организаций. Приоритетом деятельности ДИМСИ — таково условное сокращение названия — оказалось выявление и развитие творческих начал не только у детей, но и у взрослых, поскольку для вступающих существовал только нижний возрастной предел: восемь лет от роду. Возглавляли же «димсистское» руководство (в состав которого входила и Лола Звонарёва) научный руководитель, идеолог и директор Любовь Никитина, а также президент Сергей Тетерский.

Ещё при посадке в поезд мы столкнулись со старыми знакомыми: Александром

Ананичевым (бардом из Сергиева Посада) и Александром Ермаковым (композитором и художественным руководителем песенно-инструментального ансамбля «Радуница» из Рязани), кстати, оказавшимися авторами гимна ДИМСИ; Игорем Нагаевым (писателем и главным редактором журнала «Детская литература», а по совместительству исполнителем оригинальных песен без музыкального сопровождения); Александром Щупловым (поэтом, критиком, журналистом, представившим в то время «Независимую газету»).

Не пришлось долго ждать и встреч с новыми для нас людьми: супружеской четой, Александрой и Львом Ивановыми-Аннинскими (она — филолог, он — критик, писатель, публицист); Валерием Воскобойниковым (детским писателем из Санкт-Петербурга); Виктором Луниным (поэтом и переводчиком); Белой Риго (поэтом, переводчиком, критиком, сценаристом, главным редактором популярного венгерского журнала для детей «Кладоискатель»).

В результате, начиная со следующего съезда ДИМСИ, проходившего осенью в Туапсе, я занялся переводами стихов Белы Риго... Всего получилось тринадцать... Двенадцать из них составили *вольный перевод* иронического цикла «Знаки зодиака».

Позже одноимённое название дали книжечке, проиллюстрированной Ириной и вы-

пущенной в 2002-м, в год шестидесятилетия этого пышущего здоровьем гренадера. Издание осуществлялось по инициативе Татьяны Иосифовны Воронкиной, опытной и неутомимой переводчицы, беззаветной служительницы венгерской литературы (не будь в данном случае, скажем, её подстрочников — говорить было бы не о чем).

Когда Бела, посещая в очередной раз Москву, приезжал к нам в гости, он неожиданно попросил: жену разрешить пользоваться рисунками к «Знамкам зодиака»; а меня — подарить ему абсолютное авторство на понравившийся сонет «Рыбы». В отличие от Ирины, я — не согласился отдавать текст, в сущности, с иной подоплёкой:

Под гладью вод, в прохладной глубине,
в подобье царства «щедрого» Аида,
неважно из какого ты подвида -
среди Рыб - со всеми будешь наравне.

Там дни проходят словно в полусне,
хотя за флегмой жизнь другая скрыта:
пусть море, озеро, бассейн, корыто -
не доверяй подводной тишине!

Но хладнокровию есть свой предел
(когда пора приходит нереститься) -
кто б страсть за этим предсказать посмел,

XVII. Благодаря Лоле

что Рыба может без ума влюбиться...

Вокруг неё уже бурлит вода.

- К столу! Уха готова, господа.

**Дело прошлое, но для сравнения приведу
подстрочник:**

Отчасти в названии своём Рыбы носят смерть.

(Имена [бывают] столь удачны!)

Прохладные воды – проточные и тихо стоячие -
укрывают их под волнами.

Живут они тихо. Течение проходит мимо.

Обитают просторно, избегают сетей,

где зазевавшиеся хватают приманку.

Для крупной рыбы мелкая рыбёшка –

всего лишь кусок на зубок.

И вдруг рыба холодную голову свою

теряет и лишь мечет икру

или жаждущие слияния молоки,

до смерти нося тайну рыбьей любви.

Вокруг неё прохладная пена уже закипает,

когда до неё доходит: да это же суп!

**И всё-таки благодаря Лоле мы тогда по-
знакомились и, слава Богу, стали дружны с
Татьяной Иосифовной...**

То же самое можно сказать и по отноше-
нию к Виктору Лунину, оказавшемуся давним
другом любимой нами Анечки Гедымин.

А вот переросшее в близкие отношения на уровне семей ни к чему не обязывающее знакомство с Александрой Николаевной и Львом Александровичем Ивановыми-Аннинскими — удивительно. Во мне и сейчас периодически отзывается прежняя скованность от осознания колоссальной разницы в нашем интеллектуальном развитии. Хотя, если попробовать разобраться, то изначальную душевную общность надо искать, пожалуй, в московской среде, да в далекой юности, связанной у каждого из нас с увлечением походами и самодеятельной песней...

По этому поводу вспоминается один случай, произошедший во время «димсистского» съезда в Туапсе, который проходил на новомихайловской турбазе «Приморская».

Надо сказать, что в сентябре 2000-го, в связи с Чеченскими событиями, на Северном Кавказе всё было не так просто. С одной стороны, к Чёрному морю привозили детей для послевоенной реабилитации, а с другой — били стекла в уходящих на Москву поездах...

Ирина и я жили в двухместном летнем домике с занавешенной застеклённой дверью. И вдруг в одну из ночей нас разбудил требовательный стук. В увиденном спросонья силуэте (фоном служило освещённое фонарями уличное пространство) на

крыльце угадывался человек, который либо подбоченился, либо держал в руках автомат. Он стучал ногой в дребезжащую дверь и настойчиво просил:

— Откройте!

Нетрудно представить удивление, когда на пороге мы обнаружили Аннинского с кастрюлей. В ней находилась ещё не остывшая форелевая уха, которую они с местным почитателем таланта Льва Александровича и Александрой Николаевной не смогли осилить у костра на побережье...

Тогда-то мне и подумалось — наши люди!

XVIII. ЧАСТИ ОДНОГО ЦЕЛОГО

Я упоминал, что в 1992 году работал в «Литературных новостях» Эдмунда Феликсовича Иодковского. Именно там однажды на редколлегии мне довелось впервые увидеть Аннинского. И только почти восемь лет спустя, во время поездки в Киров, мы с Ириной познакомились не только с ним, но и с его женой.

Их сочетание, подобное иногда чередующимся в диалоге вопросам и ответам («вопросаает» — она, «ответствует» — он), сразу привлекло моё внимание. Причём ни тот ни другой никогда не настаивают на чём-либо, а просто в такой форме высказывают своё понимание мироздания и действительности.

Внимательный и нередко тревожный взгляд Александры Николаевны как бы напо-

минает о том, что всё не так просто... А манера держаться — о достоинстве, с которым надо бы идти по жизни... (Вопрос — поставлен.)

Лев Александрович, напротив, кажется рыцарем, не знающим сомнений. Иной раз, глядя на него, нетерпеливо ждущего своей очереди в разговоре, словно предвкушаешь: сейчас он разъяснит. И в самом деле, всегда следуют четкие суждения. (Ответ — дан.)

Но это всё — части одного целого, также включающего в себя жизнелюбие, которым они одаривают окружающих и в первую очередь — своих дочерей Машу, Катю и Настю.

Близкое знакомство с Ивановыми-Аннинскими делает любые умозаключения непринципиальными. Душевная гармоничность супружеской четы особенно заметна, когда бываешь у них в гостях. Независимо от того, где происходит встреча (в московской квартире или на переделкинской даче), каждый раз с удовольствием окунаешься в атмосферу взаимного радушия и дружеского общения. И происходит — о, несравненный кайф! — нечто сродни творческому процессу..

Тогда становится понятным и естественным, например, приглашение Александры Николаевны послушать законченную утром Львом Александровичем главку, которая написана для второго, дополненного издания «Бардов» (книгу выпустят в Иркутске, в «Из-

дателе Сапронове», лишь спустя пять лет). И уже не кажется странным, что чтение происходит среди бела дня в соседнем двухместном летнем домике на турбазе под Туапсе, а сам текст возникает на экране специально взятого с собой из Москвы ноутбука.

И сразу вспоминается их игра в комедии дель арте, режиссированной Александром Щупловым на предыдущем «димсистском» съезде в Кирове, в январе 2000-го. Вот они вдохновенно, в соответствии с отведённой ролью бегущей волны — находясь боком друг к другу, — берутся за руки и, изображая ими живую синусоиду, одновременно перебирают ногами наподобие небезызвестных «маленьких лебедей»...

Их «волна» имеет, по крайней мере, одно чудодейственное качество...

И мы с Ириной до сих пор, пользуясь обстоятельствами, беззастенчиво подзаряжаемся её энергией.

ХІХ. «ДАВАЙТЕ ДРУЖИТЬ!»

...Мне вспомнился Иуда.
Вот день. Ещё он наш.
Всё хорошо покуда.
А завтра ты предашь.

Римма Казакова

В 2000-м, 10 июня, исполнилось 45 лет со дня выхода первого номера «Юности».

Тогдашний главный редактор, Виктор Сергеевич Липатов, не придавал этому большого значения. Хотя был выпущен юбилейный номер, где сквозной врезкой проходила ретроспективная «Антология одной строфы» — цитаты-напоминания о ряде поэтов (125 имён!), напечатанных в журнале за минувшие годы. А в разных библиотеках прошли возглавляемые Валерием Дударевым выступления авторов...

Мне хорошо помнится, как после одного из них, состоявшегося в Дубне во второй половине июня, разгорячённая от внимания и выпитого на обратном пути Римма Казакова выпалила:

— Давайте дружить!

Уже стемнело. Наш автобус остановился для дозаправки где-то под Дмитровом. Ирина, Александр Ананичев, Игорь Михайлов (прозаик, критик, журналист), Леонид Шиманович (фотограф «Юности») и все остальные, высыпавшие следом на улицу, весело стояли своим кругом на освещённом пяточке недалеко от бензоколонки.

И — никто не возражал против её предложения...

Познакомился же я с Риммой Фёдоровной в октябре 1998-го в ЦДЛ, на очередном вечере «Истоков». Приблизительно месяцев через пять, отказываясь от повторного участия, она заявила мне со свойственной прямоотой:

— Зачем? Смысл? Вот я веду аналогичный «Клуб одного стихотворения», а талантов от этого не прибавляется.

Но иногда её мнение менялось. Например, высказав недоумение Лоле Звонарёвой по поводу дружеского одобрения моих творческих стараний — через какое-то время извинилась перед ней, отметив моё умение учиться. Прошло ещё несколько лет, и в середине осени 2005-го, заехав к ней домой на улицу Чайнова близ метро «Новослободская» я получил материал для сборного послесловия к книж-

ке «И отчалит кораблик, привет!..». В нём, в частности, Римма Фёдоровна отмечала:

Стихи Сергея Телюка — очень честные, чистые, достойные... За строками поэта стоит большая работа, дарящая в конечном счёте свои находки, свои открытия... Читать его стихи интересно, они дают и эстетическое удовольствие, и необходимые плоды познания...

Надеюсь, понятно, что на межличностные отношения наши нередко разнящиеся суждения и вкусовые пристрастия никак не влияли. Ведь мы прекрасно общались, скажем, и за год до появления приведённой цитаты на Международном поэтическом фестивале в Варшаве, где, кроме нас, Россию представляли Олег Агринский (с которым я сблизился благодаря Анечке Гедымин вначале «истоковской» эпопеи), Максим Амелин (именно там я встретился с ним впервые) и Вячеслав Куприянов (ранее знакомый мне по различным литературным мероприятиям, в том числе связанным с журналом «Юность»).

Когда в середине августа 2006-го, после моего возвращения из двухнедельной поездки в Гданьск, в нашем телефонном разговоре речь зашла о внезапно скончавшемся Александре Щуплове, Римма Фёдоровна с грустью заметила:

— Я тогда звонила тебе...

Сергей Телюк

Есть у меня безоговорочно понравившее-
ся ей стихотворение, написанное в октябре
2005-го:

* * *

Римме Казаковой

Стоит начаться осенним дождям –
сумрак, нахлынув, заполнит пространство.
Дворикам, улицам и площадям
прежде – представится, как самозванство.

Будет казаться, что в жизни всё так:
только унынье, да только ненастье,
да на душе лишь один полумрак
и никакого намёка на счастье.

Где тут спасительный дружеский круг,
если мерещится всюду Иуда?!
И – одиночество будто недуг.
И – отголоски грядущего чуда...

XX. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СЛОЖИЛИСЬ БЛАГОПРИЯТНО

Начиная с 2001-го, в начале августа мы с Ириной почти постоянно участвуем в литературных мероприятиях, проводимых Институтом восточнославянской филологии Гданьского университета совместно с Российским центром науки и культуры в Варшаве. Генераторами этих событий являются Лола Звонарёва и Татьяна Хохлова.

Литературно-образовательные чтения, посвящённые русской литературе в разных её аспектах, проходят, как правило, в Сопоте, однако первые для нас состоялись в Гданьске. Правда, ввиду того, что Чтения проходили в историческом центре города, в Главной Ратуше, нам пришлось ездить на них четыре дня подряд, ведь жили участники в ещё не сне-

сённом двухэтажном отеле «Пяст» в Елитково, который принадлежал обосновавшемуся в Польше Игорю Давидовскому..

Место это просто замечательное. Оно находится на пересечении улиц Piastowska и Karłowicza, где в каких-нибудь ста пятидесяти метрах восточнее раскинулась бухта Балтийского моря, а на побережье, пару километров севернее, находится условно обозначенная граница между Гданьском и Сопотом. Вместе с городом Гдыня, расположенным ещё севернее, они образуют агломерацию, называемую Труймасто (Тригород). И если учесть, что именно в июле-августе вода в заливе прогревается и можно купаться, то легко представить общее настроение...

Тем не менее, напомним: главное, что объединяет участников Чтений, представляющих не только Польшу и Россию, но и другие страны — это любовь и страсть к русской литературе.

В отличие от научных конференций, предполагающих только слушания-выступления с последующим через два-три дня отъездом, здесь обстановка совершенно иная. После части дня, включающей в себя доклады и сообщения, вечером, уже встречаясь неформально, можно обсудить любые вопросы, не затронутые докладчиками, рассказать о

своих последних работах, договориться о совместных проектах.

В такой непринужденной обстановке приятно неожиданно встретиться со знакомыми, скажем, с представлявшим тогда свою фотовыставку «Портреты писателей» выходцем из Литвы, ныне живущим в Варшаве, Евгением Шустовым. Или позднее — с болгарским литературоведом, занимающимся русистикой, Ивайло Петровым, который запомнился по встречам в Варне во время моей поездки с журналом «Литературная учёба» в сентябре 2001-го. Хотя в последующие годы были и новые встречи — чего стоит один Ренэ Герра, смахивающий на нашего соотечественника и говорящий без малейшего акцента французский славист, коллекционер русской живописи.

И всё-таки вернёмся к упомянутому июлю-августу.. С большей частью собравшихся мы с Ириной встретились впервые: с Аллой Большаковой — страшно говорливым литературоведом, критиком и в то время кандидатом филологических наук; Ниной Перетякой — впечатляющей уравновешенностью представительницей Калининградского фонда культуры (неоднократно становившейся «палочкой-выручалочкой», так как, в основном, съезжавшиеся следовали по маршруту Москва—Калининград—Гданьск и

обратно); Валерией и Юрием Дружниковыми — этой неразлучной супружеской четой, прибывшей из далекого калифорнийского Дейвиса.

Тут меня поджидал сюрприз.

Оказалось, Юрий Дружников до эмиграции был знаком с Александром Ароновым по работе в «Московском комсомольце». И я с удовольствием согласился послужить «связующей нитью» между ними.

Творчество Юрия Ильича затрагивалось, пожалуй, чуть ли не в каждом втором докладе. Сам же он приветливо улыбался при встречах и с удовольствием рассказывал анекдоты. Мне как бывшему инженеру-строителю-мостовику запомнился вот какой...

Прогуливается мужчина по Калифорнийскому побережью Тихого океана. Вдруг чувствует — за ним кто-то идёт. Оглянулся и видит — Бог!

Бог говорит:

— Я следил за твоей жизнью. Ты хорошо и честно зарабатывал деньги. Никого не обманывал. Веруешь!.. И я решил исполнить одно твоё желание. Что ты хочешь?

Человек подумал и попросил:

— Построй мост на Гавайи, в Гонолулу, тогда я буду ездить туда на машине купаться и отдыхать.

Бог стал возражать:

— Это сложно. Надо много денег, бетона, рабочих, времени... Попроси что-нибудь нематериальное.

— Хорошо, — согласился человек. — Объясни мне, чем женщина отличается от мужчины? Почему и как она мыслит? Что у неё на душе? И...

Тут Бог прервал его:

— А какой мост тебе нужен: двух... или четырёхрядный?

В общем, обстоятельства сложились благоприятно.

В свободное от Чтений время мы познакомились не только с Гданьском, но и посетили находящийся юго-восточнее него Мальборк (самый большой замок средневековья, резиденция Тевтонских рыцарей). А также неоднократно прогуливались вдоль побережья по многокилометровой пешеходной дорожке между Гданьском и Сопотом, купались в море, загорали на горячем песке.

С легкой руки Александры Николаевны и Льва Александровича Ивановых-Аннинских пристрастились к одной кафешке около «Пяста». «У Деда» (так мы называли между собой хозяина заведения, всё понимавшего, но плохо говорившего по-русски) всегда в ассортименте имелся большой выбор выловленной поутру рыбы, которую быстро и качественно готовили.

Да, чуть не забыл, конечно, нельзя не сказать о великолепном польском пиве, которое довелось попить вдоволь... Когда в предотъездный вечер, после прощального ужина, Валентин Дмитриевич Оскоцкий поинтересовался у меня и Валерия Дударева, зачем-то остановившихся возле кафешки Деда:

— Ну что, ребята, ещё по кружечке?

Мы дружно ответили отказом, ведь и в самом деле — пресытились.

Ранее нечто схожее по своей нелогичности промелькнуло в поведении польского железнодорожного контролера, с изумлением рассматривающего наши с Ириной не прокомпостированные билеты Сопот—Гдыня: их, как выяснилось из разговора с ним, после покупки необходимо компостировать перед посадкой в поезд.

— Славяне? — спросил он в раздумье.

И, услышав утвердительный ответ, махнул рукой.

XXI. ТАКОЕ ВЕДЬ ИМ И НЕ СНИЛОСЬ...

В 2001-м я выезжал за рубеж не единожды. Первая из этих поездок состоялась весной, а написанная мной по свежим впечатлениям «информашка» была опубликована в газете «Информашка» была опубликована в газете «Литературные вести» и журнале «Детская литература».

Вот она, фактически без изменений:

Поэтический фестиваль в Варшаве

В общем-то, отправляясь в Варшаву, мы толком и не знали, на какое мероприятие едем. Было известно лишь то, что благодаря содействию Российского центра науки и культуры в Варшаве (директор Нина Морозова) мы отправляемся в Польшу на некий поэтический

фестиваль, который состоится с 19 по 22 апреля. Мы — это: Александр Ананичев, Валерий Дударев, а также автор этих строк.

На месте всё быстро прояснилось: поэтический фестиваль назывался «Международным днём поэзии», и одним из его главных организаторов был Польский комитет по делам ЮНЕСКО, а проходил он под патронажем жены президента Республики Польша — Иоланты Квасневской. Кроме нас, представителей России, на фестиваль собрались поэты из Австралии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Германии, Греции, Ирака, Литвы, Мексики, Норвегии, Пакистана, Сербии, Словакии, Украины и, конечно, Польши. При этом языковых проблем не возникало — участники, как правило, владели русским языком, хотя официальная часть звучала на польском языке или переводилась на него.

Фестиваль, разумеется, не представлял собой всенародного праздника с выступлениями на площадях и площадках. Но открытие, проходившее в Доме литературы (аналог ЦДЛ), в котором от первой до последней минуты участвовала Иоланта Квасневская, показывали по телевидению. Приуроченный же к этому событию альманах «Поэзия сегодня», вышедший со стихами съехавшихся поэтов на польском языке, исчез с прилавков варшавских книжных магазинов на второй день. Кстати, главный редактор альманаха, известный польский поэт

Александр Навроцкий, возглавлял инициативную группу по подготовке фестиваля и играл роль ведущего во всех мероприятиях, где был задействован наш «русский десант».

А выступать приходилось много, иногда даже с продолжительными переездами в радиусе до 50 км от Варшавы. И хотя каждая последующая встреча не походила на предыдущую и, как известно, нельзя объять необъятное, всё-таки я бы выделил из этого ряда поездку в поместье Петрикозы, в гости к знаменитому польскому актеру Войчеху Семену, где в изысканной обстановке и завершались литературные чтения...

И ещё. После одного из выступлений, в разговоре с польским поэтом, мне довелось услышать: «А я думал, что в России в традиционном стиле стихов уже не пишут!» Несомненно, в этом недоразумении содержится вопрос, над которым стоит задуматься.

К этому, пожалуй, можно добавить пару штрихов...

Помнится, на одном из варшавских выступлений я вдруг узнал, что заполнившие зал до отказа слушатели в основном школьного возраста — не знают русского языка. Естественно, у меня возник вопрос к организаторам:

— Для чего всё это затеяно?!

И ответ оказался неожиданным:

— Чтобы дети смогли непосредственно ощутить напевность русской речи...

Не правда ли, услышать такое от поляков дорогого стоит?

Пожалуй, не менее поразительно и знакомство с Евгением Шустовым, литовским фотохудожником, живущим в Варшаве. После одного из выступлений он отвёз нас (Александра, Валерия и меня) к себе в мастерскую. И там — колдуя с освещением и аппаратурой — сделал очень выразительные портреты. А в заключение всего на своей легковушке устроил экскурсию по ночной Варшаве.

Вскоре после возвращения в Москву у меня почти вдохновенно вышло следующее:

Варшавский мотив

Евгению Шустову

На стареньком польском «Фиате» -
прелестном антиквариате,
который ещё на ходу -
в две тысячи первом году,
в апреле, дорогой шершавой
кружила ночью Варшавой
четвёрка престранных друзей
(я сам был свидетель, ей-ей):
фотограф и бард, два поэта...
Но тут разговор не про это.

XXI. Такое ведь им и не снилось...

Искусство, хотя и роднит,
но важен при том – колорит!
Чтоб встретиться в Польше случилось –
такое ведь им и не снилось
чуть раньше, среди прочих химер,
родившимся в СССР.

Это стихотворение положило начало циклу «Россыпи». В ноябре же 2001-го его пополнил «Варненский мотив»:

На Кавказе, на море прелестен закат.
На Балканах, на море – не хуже рассвет.
Ляжешь спать в Туапсе как бездельник и фат –
вдруг очнешься на варненском взморье. Привет!

И столы уж накрыты, давно тебя ждут,
и радушные лица, куда ни взгляни,
и какие-то песни знакомые тут –
нашей русской глубинке отчасти сродни.

Нет, непросто забыть о своей нищете.
Но возможно порой не испытывать стыд
и, отдавшись влечению, по простоте
хохотать до упаду и плакать навзрыд.

Кстати, тогда в соавторстве с Лолой Звонарёвой мной была написана ещё одна «информашка» для журнала «Детская литература», так же как и в случае с «Международным днём поэзии» проиллюстрированная фотографиями. Её я приведу в сокращенном виде...

Болгария скучает по русской культуре

В середине сентября 2001 года Варну посетила делегация писателей, журналистов, музыкантов из Москвы, которую возглавлял главный редактор журнала «Литературная учёба» Владимир Малютин, в неё входили: коммерческий директор журнала «Литературная учёба» Людмила Карханина, поэты Ирина Василькова, Валерий Дударев, прозаик Наталия Алеева, исполнители авторских песен Александр Ананичев, Лидия Анискович, заместитель главного редактора журнала «Дидакт» Виктор Зиновьев, а также певица Анна Карханина, её аккомпаниатор Светлана Орлова и авторы этой заметки.

Гости прилетели в Варну не с пустыми руками, они привезли с собой: номера четвёртой книги «Литературной учёбы» за этот год, включившей в рамках «Болгарской тетради» в переводе на русский язык произведения семнадцати современных поэтов, критиков, прозаиков, великолепно оформленные компакт-диски русской и болгарской авторской песни «Славянский венок», свежие выпуски московских журналов «Дидакт», «Юность», «Детская литература», «Новый мир», альманахов «Кольцо А», «Истоки», «Мир Михаила Шемякина».

На торжественное открытие Дней русской культуры в празднично убранный зал русского

генерального консульства в Варне пришли известные в городе люди — такие как мэр Варны, генеральный консул Польши, ректор Шуменского университета имени епископа Константина Преславского, руководители и члены местного отделения Союза писателей Болгарии, которых в этом приморском городе более двадцати. «В последние два года Дни русской культуры в Варне вновь сделались доброй традицией», — отметил в своем приветственном слове, обращённом к участникам и гостям, генеральный консул Российской Федерации в Варне Леонид Баснин, много сделавший для того, чтобы этот литературно-музыкальный праздник с участием россиян, половина из которых впервые ступила на болгарскую землю, стал реальностью.

Олицетворением музыкального образа России не один раз в те дни называли болгары молодую московскую певицу Анну Карханину, студентку Института современного искусства, талантливую исполнительницу классических русских романсов и народных песен, давшую в Варне первый в своей жизни сольный концерт. Председатель музыкального общества Варны и руководство Фестивального комплекса предложили организовать гастроль молодой российской вокалистки в следующем году...

Именно во время этой поездки я познакомился с упомянутым ранее Ивайло Петровым из Шумена...

Помнится, весной 1991-го, по-моему, Юрий Гончаров посоветовал мне отнести стихи в «Согласие» и объяснил, где на улице Бахрушина, близ метро «Павелецкая», находится редакция этого нового «толстого» литературно-художественного журнала. Вскоре после разговора, наведавшись туда, я выслушал вежливый отказ от вызывающего симпатию вдумчивого и интеллигентного редактора, немногим старше меня — прозаика и поэта Бориса Евсеева.

Но его имя я запомнил позже, в 1994-м, когда наши жизненные пути вновь пересеклись — на этот раз в «Литературной газете». Именно для неё, находившейся ещё в Костянском переулке и равноудалённой от метро «Сухаревская» и «Чистые пруды», в

1992–1994 годах я переводил с украинского стихи Ирины Жиленко, Александра Ирванца, Игоря Калинца, Миколы Холодного. К моменту нашей встречи моё участие в ней подходило к концу, а Борис — оставался сотрудником газеты...

И только с третьего раза, как бы повинаясь настойчивым призывам судьбы, наше знакомство закрепилось. Начало этому положил телефонный разговор в августе 2001-го, когда я, по просьбе Лолы Звонарёвой, окончательно уточнял возможность поездки Бориса с журналом «Литературная учёба» в Варну. К сожалению, надежды не оправдались, но с тех пор мы стали часто видеться на различных литературных мероприятиях. А вскоре выяснилось, что у нас есть немало общих друзей и знакомых...

В декабре 2008-го в Культурном, научном и информационном центре Венгерской Республики устраивалась презентация вышедшего в конце минувшего лета «венгерского» номера таллиннского журнала «Вышгород», издаваемого на русском языке знакомой нам с Ириной со времён первых поездок в Польшу Людмилой Францевной Глушковской. Вела вечер главный инициатор данного выпуска Татьяна Иосифовна Воронкина, а мы с Борисом, как авторы этого своеобразного сборника (у него опубликовали эссе: одно —

о Дюле Ийеше, другое — об Иштване Эркене; у меня — переводы двух стихотворений Домокоша Варги), участвовали в нём, придя со своими жёнами-сподвижницами Фаридой и Ириной.

После выступлений, когда настал черёд свободного общения, Борис вдруг сказал:

— Знаешь, а мне понравились твои нынешние переводы.

И, чёрт возьми, приятно было услышать такое от человека, знающего толк в писательском деле.

В первых числах февраля 1997 года в переполненном Малом зале ЦДЛ состоялся творческий вечер Александра Аронова. Вёл его Леонид Жуховицкий.

В последующие годы я неоднократно оказывался невольным свидетелем трепетных дружеских отношений Леонида Ароновича и Александра Яковлевича, а если брать шире — и Вадима Григорьевича Черняка.

Но в тот раз, двумя неделями раньше означенного срока, я оказался в гуще подготовки к мероприятию. По просьбе виновника самого события мне приходилось то звонить в литературно-творческий отдел ЦДЛ относительно зала, уточняя всевозможные нюансы с Галиной Ильиничной Максимовой и Наталией Алексеевной Познанской;

то обзванивать участников и приглашенных, согласно постоянно дополняющемуся списку.

Для меня это было дело новое, и я занимался им с удовольствием.

Из предполагаемых участников — никто не отказывался. И даже, скажем, Вероника Долина помогла мне найти Вадима Егорова, продиктовав его изменившийся домашний телефон...

В мае же следующего 1998 года я воспользовался этим мимолётным знакомством, получив согласие Вадима выступить на совместном литературно-музыкальном вечере альманаха «Истоки» и журнала «Поэзия» в Большом зале ЦДЛ. А через непродолжительное время он, готовясь к изданию своего нового сборника стихов и песен, прикидывал его стоимость в редакционно-издательской фирме «РОЙ», имеющей, как я отмечал ранее, непосредственное отношение к «Истокам». И хотя в итоге, несколько месяцев спустя, «Танцы на пашне» выпустили в свет благодаря спонсорам в издательском центре «Вентана-Граф», наши пути-дорожки стали пересекаться чаще. Более того, в 2004-м Егоров выступил на презентации моей книги «Предначертание», а в 2007-м, несмотря на занятость, вырвался на персональную выставку Ирины. Теперь, если учесть, что мы с

ней небезразлично относимся к бардовской песне, нетрудно представить удовольствие, испытываемое от общения с одним (чуть ли не самым обаятельным) из лидеров этого жанра.

Правда, к лаврам Вадим относится спокойно. По его признанию, только в начале творческого пути он ощущал себя гением; позже — талантом; со временем — одарённым человеком, имеющим своего слушателя.

Вольно ему, счастливчику и ценителю мёда, философствовать, особенно сейчас, после относительно недавней женитьбы на Весте, молодой, не менее обаятельной, чем он сам, исполнительнице бардовских песен!

Можно сказать, вновь благодаря Лоле Звонарёвой в середине мая 2000-го мы с Ириной познакомились с литературоведом, критиком и публицистом Валентином Дмитриевичем Оскоцким. Правда, это произошло в связи с 30-летием Александра Ананичева и устроенным по этому случаю творческим вечером в мемориальном музее-квартире Алексея Толстого (во флигеле шехтелевского особняка Рябушинского, где жил писатель с 1941 по 1945 год).

Мероприятие (на нём мне довелось присутствовать не только в качестве зрителя, но и участника) длилось порядка трёх часов. Оскоцкий был одним из тех, чьи выступле-

ния понравились: несмотря на известные обстоятельства, он остался профессионалом, высказав в мягкой форме некоторые, по моему, справедливые критические замечания относительно творчества юбиляра. И когда после фуршета Лола попросила проводить Валентина Дмитриевича до метро, Ирина и я с удовольствием согласились...

Не спеша, разговаривая, мы вышли по Спиридоновке к Бульварному кольцу, добрались (на троллейбусе) до метро «Кропоткинская» и расстались на станции «Парк культуры». Оскоцкий поехал к себе на «Юго-западную», где его уже поджидали на «нашей», как он выразился, лавочке, около четвертого вагона, а мы поехали к себе на «Академическую»...

Валентин Дмитриевич оказался очень симпатичным, полным жизненной энергии человеком с лучающимися глазами. В процессе общения выяснилось, что нам приходилось встречаться ранее — на редколлегиях «Литературных новостей» Иодковского. И даже им припомнился эпизод, в котором кто-то восторгался:

— С самим Александром Ивановым рядом сидел!

Рассказывая это, он заразительно (как ребёнок, от души и с удовольствием) смеялся.

В дальнейшем у нас установились тёплые и доверительные отношения, хотя с каждым годом встречаться приходится всё реже...

21 января 2004 года на презентации «Предначертания» в Малом зале ЦДЛ я получил от Александра Шуплова записку следующего содержания:

*Серёжа, сложился экспромт
(Лунин — свидетель!):*

Эх, порвалась связь веков:
каждый жаждою влеком -
одни любят Телюков,
а другие - «Телеком».

Да, это был приятный вечер, на котором, по отзыву одного из безвестных зрителей, выступления Ирины и мои оказались всего лишь вкраплениями в мозаике из дружеских слов, стихов и песен (спасибо барду Виктору Попову). Вёл же его поэт, прозаик, критик и переводчик Кирилл Владимирович Ковальджи.

Иногда кажется, что мы знакомы с конца 1970-х — начала 1980-х, хотя это не так. Просто в моём сознании Ковальджи неразрывно связан с тогдашним журналом «Юность» и организованным при нём литобъединении «Зелёная лампа», о котором я знал только понаслышке.

А запомнился он, скорее всего, года с 1995-го, по случайным встречам в ЦДЛ. Теперь точно не вспомнить, кто нас представлял друг другу (возможно — Анна Гедымин). Но с тех пор я радуюсь скромному присутствию Кирилла Владимировича в моей жизни. И, встречая его, стараюсь настроиться на интеллигентный лад, мгновенно вспоминая высказывание мэтра:

— Главное — нет войны.

XXIII. СВОЙ ХУДОЖНИК

После женитьбы в январе 1994-го мы с женой стали ежегодно, в период с мая по октябрь, ездить на выходные и в отпуска в село Ильинский Погост под Егорьевском, возникшее приблизительно в начале XV века и позднее облюбованное поселившимися в некогда Гуслицкой волости (в районе Мещёрской низменности) старообрядцами. Там Ирине достались в наследство четверть дома дореволюционной постройки и три сотки земли.

Конечно же, сажая цветы и выращивая зелень, не требующую особого ухода, мы ощущали некое непринятие местными жителями. Но со временем они притерпелись к нашей непрактичности — сосед Владимир Иванович Шумов даже нет-нет да и презентовал из своих запасов то ведро картошки, то банку солёных огурцов, я уж не говорю о

«шумовской» восьмидесятиградусной самогонке, без счёту выпитой в праздники под разговоры и хорошую закуску.

Во время одного из таких застолий вдруг открылось, что у них есть свой художник — Андрей Апухтин.

А познакомились мы с ним в 1995-м. Вернее, первой познакомилась Ирина, когда писала этюд с местной Церкви Воскресения Христа Спасителя, расположившись в кустах рядом с дорогой...

Попутно не могу не отметить, что колокольня при упомянутом храме и когда-то существовавший сарай на окраине села занимают немаловажное место в художественном фильме «Серёжа» (лучшем фильме 1960 года по опросам журнала «Советский экран»). Это была дебютная полнометражная работа режиссёров Георгия Данелия и Игоря Таланкина, хотя в ней снимались Сергей Бондарчук, Василий Меркурьев, Ирина Скобцева.

Так вот, в одночасье рядом с Ириной оказался некий подвыпивший молодой человек. Постоял немного, раздумчиво наблюдая за работой. Потом, осведомившись, не знакома ли она с Апухтиным, вдруг убежал. И вскоре вернулся не один — за ним поспешал Андрей...

Удивительно было встретить талантливого живописца, с рождения живущего в сельской

местности, чуть ли не в ста километрах от Москвы, и с любовью воспевающего в своих картинах окружающий его мир.

Да и с виду Андрей вовсе не унывал, а, наоборот, каким-то чудом выискивал в округе близких себе по душевному складу людей — поощряя, помогал им развиваться и одновременно с этим подзаряжался от них. Конечно же, он повлиял и на Иренино творчество, но в первую очередь это относилось к друзьям-художникам из Куровской и Давыдова — всего-то пару остановок на электричке — Андрею Шагарову (профессиональному футболисту) и Валерию Щедрину (известному российскому рекордсмену по пауэрлифтингу).

Андрей умел дружить. И дважды, не говоря о мелочах, помогал нам с Ириной принимать важные решения...

В августе 1996-го, когда я завершил первый вариант «Сказаний о праславянах», он предложил продать часть своих и Шагарова работ для издания книжки — через полгода в основном благодаря именно этой акции удалось собрать необходимую сумму.

А в середине лета 1997-го мы на указанном им месте и с его помощью начали строительство своего летнего домика, тем самым разрешив родственный конфликт со старшей Ирининой сестрой Натальей.

Однако, имея семью, мало не забывать только о своём хлебе насущном. Особенно если канули в прошлое времена, когда Андрей за ежемесячную зарплату работал художником-оформителем на каком-то местном советском предприятии. В новых жизненных условиях, потеряв финансовую стабильность, он был вынужден рыскать в поисках заказчиков и покупателей, включая московских перекупщиков с Арбата и набережной около ЦДХ. Стоило же мне заикнуться о привольном житье за городом, как последовал ответ:

— Приезжай-ка сюда весной, в слякоть... Или зимой потопи-ка печь два раза в день, чтобы дочка (Юля. — *Авт.*) не зябла...

И хотя в селе уже готовились газифицировать дома в складчину, он говорил с грустью:

— Знаешь, меня не покидает ощущение, что живу на этом свете в третий или четвёртый раз... И стоит умереть, при новом рождении опять увижу дорогу на задворках Ильинки — пыльную, извилистую и в рытвинах...

Андрей, конечно, иногда пил, но перед нами в нетрезвом виде не объявлялся. А в июле 2001-го — поехал к друзьям в Могилёв, на свою персональную выставку, где и сорвался...

Об этом мы узнали из телефонного разговора с Сергеем Серебровым, обосновав-

шимся на Вокзальной улице по соседству с Андреем и трогательно относившимся к нему, а о дальнейших подробностях — от двоюродного брата Апухтина Сергея Артамонова, вместе с сыном перевозившего на легковушке тело...

Ведь в местной больнице врачи вкололи какое-то лекарство, и 29 июля Андрей скончался на 42-м году жизни, не выходя из комы, длившейся на протяжении последних четырёх-пяти дней.

Похоронен он в лесу, на старообрядческом кладбище Ильинского Погоста.

Произведения Андрея Апухтина находятся в частных коллекциях не только России и стран ближнего зарубежья, но и Австралии, Германии, Канады, Кипра, Франции, Японии.

XXIV. НЕМЧИНОВСКИЕ ТЕЛЮКИ

20 августа 2001-го Ирина и я находились на Ильинском Погосте. Неожиданно часа в два дня приехала на велосипеде Тоня, жена жившего неподалеку Виктора — сына соседа Шумова Владимира Ивановича. Она сообщила: звонила моя сестра Наташа (тогда, не имея «мобильников», мы на всякий случай оставили ей их местный телефон) с просьбой передать, что отцу в больнице стало хуже и надо разговаривать с лечащим врачом.

Тут же начались торопливые сборы, однако, когда дело дошло до помывки машины, в одну из ходок мне трижды подряд никак не удавалось набрать полное ведро воды из колодца...

Только потом стало известно: дурной признак оправдался — именно в это время скончался мой отец Телюк Юрий Пантелеймонович.

Он родился в Москве в 1925-м, 29 декабря. Бабушке (Аполлинарии Николаевне) предлагали оформить рождение сына январём, но она отказалась. И в итоге ещё не достигшего 18-летнего возраста юношу в начале 1943-го призвали в Армию (в войну не обращали внимания на дни и месяцы рождения). Означенный год был последним, в котором призывников отправляли на фронт, правда, отец стал младшим лейтенантом, скороспело окончив Ульяновское пехотное училище — то ли до участия в Курской битве, то ли после, ведь на фотографии того времени на груди с виду желторотого и далеко не бравого курсанта красуется медаль.

Ранней весной 1947-го его демобилизовали, а уже в середине лета 1951-го как офицера запаса снова призвали — на этот раз на три с лишним года — строить аэродромы под Пярну..

Ни о войне, ни о прибалтийских непростых днях службы отец фактически ничего не рассказывал — чувствовалось, что ему это не доставляло удовольствия. Боевых наград — видимо, благодаря мне — не сохранилось, хотя, помнится, играл ими по малолетству (с тех пор у меня даже уцелел офицерский ремень, а вот фуражка, портупея и полевая сумка потерялись). Ещё помню отцовский эллипсовидный след от

ранения в середине передней части бедра, вытянутый вдоль оси левой ноги сантиметров на пятнадцать и отличавшийся более насыщенным цветом кожи, похожей на заплату с расходящимися лучиками складок. А его двоюродный брат Алик вспоминал о шраме, оставшемся от раны в боку...

В 1948-м папа поступил и только в 1956-м, фактически сразу после службы восстановившись на последнем курсе, окончил Всесоюзный заочный индустриальный техникум стройматериалов, где до повторного призыва в Армию познакомился с моей мамой, урождённой Ермиловой Татьяной Алексеевной. Свадьбу сыграли в Новогодние дни 1952-го, в период отцовского приезда из Эстонии на побывку.

Мне, появившемуся на свет спустя четыре года — отчасти на смену первенцу Серёже, ввиду скоропостижной смерти последнего в младенчестве — отец долго казался Дядей Стёпой, по крайней мере, ощущался таковым при своей сухощавости и почти двухметровом росте. Родители занимались в основном своими инженерными делами (им, как и подавляющему большинству народонаселения СССР, в те времена, с которыми совпали мои детство и большая часть отрочества, предоставлялся один выходной), и некая разобщённость, свойственная такой ситуации, оставалась величиной постоянной, не сглаживаемой ред-

кими исключениями. При этом безнадёгой в семейных отношениях, в общем-то, не пахло — просто везение заключалось в другом.

Случилось так, что всё свободное время между делами школьными и дворовыми, занятиями лепкой и спортом, пребываниями в детских санаториях и пионерских лагерях — заполняла собой Немчиновка...

Когда-то прадед мой бродячим скрипачом
по Польше, Белоруссии скитался.
Семью завёл, в Москве обосновался, -
обвыкнув, успокоился на том.

Был дед мой норовист, хотя и плен познал,
и в эшелоне чуть не сдох от жажды:
ему побег не удавался дважды,
и всё ж в итоге он домой попал.

Отец предпочитал не вспоминать войну.
(Защитники - подобны частоколу!)
Ушёл на фронт, едва закончив школу,
и стали дни сродни Бородину..

Срок миновал. Их на один погост снесли:
отец, и дед, и прадед нынче рядом.
Возможно, покажусь вам верхоглядом,
но мне не надобно другой земли.

**В этом стихотворении, написанном мной
в январе 2005-го и вошедшем в цикл «На этом**

свете мы не повстречались...», я по незнанию допустил ошибку, придавшую пикантность первому четверостишию. Как выяснилось позже, «по Польше, Белоруссии скитался» мой прапрадед Алексей, осевший чуть юго-восточнее Борисова — в деревне Большая Ухолода.

Из семейного предания следует, что он, будучи бродячим скрипачом — всё-таки, скорее, поляком, чем евреем или итальянцем, — производил впечатление разорившегося дворянина с явным хорошим образованием. Его родословная и жизненные пертурбации мне неизвестны. Но, если следовать логике, то он по каким-то своим соображениям при женитьбе предпочёл взять фамилию местной избранницы.

Телюки же, вероятнее всего, пришли с юга — кажется, в Интернете я сталкивался со сведениями о миграции некой ветви Телюков из-под Астрахани в западную часть Украины и Белоруссию...

А вот мой прадед Адам Алексеевич, родившийся в 1860-м, действительно в конце XIX века перебрался с семьёй в Москву. И в дореволюционном справочнике «Вся Москва 1901 года» зафиксировано следующее:

ТЕЛЮКЪ Ад. Ал-ѣев. Прѣсн. ч.,
М. Тишинскій, д. Пашкова.

Из чего явствует, что на стыке веков он, выходец из крестьян, служил пресненским чиновником (вернее, обер-кондуктором поезда Москва—Варшава) и снимал квартиру в Малом Тишинском переулке, неподалеку от сегодняшнего Белорусского вокзала, в несохранившемся доме № 9 (Г. В. Пашкова).

В 1910-м, с рождением последнего ребёнка, закончилось формирование семьи прадеда. Кроме него и жены Марии Антоновны, в ней было шесть сыновей (Михаил, Алексей, Пантелеймон, Адам, Александр, Борис) и четыре дочери (Евгения, Нина, Мария, Надежда).

Теперь вернемся к подмосковному посёлку Немчиновка с расположенной неподалеку тогдашней третьей (из основанных до революции) железнодорожной станцией от Москвы: первая — «Кунцево» (1874), вторая — «Фили» (1902), четвёртая — «Баковка» (1894), пятая — «Одинцово» (1870) и т. д.

После открытия в 1870 году движения Москва—Смоленск Брестской железной дороги началось интенсивное освоение прилегающей к ней местности. В 1875 году московские предприниматели братья М. А. и С. А. Немчиновы получили в аренду на дачное строительство «свыше тысячи десятин земли вблизи 16-й версты дороги». По их ходатайству в 1876 году рядом с увеличивающи-

мися в числе дачами устраивают платформу, в названии которой присутствует фамилия арендаторов — «Немчинов-пост» (или «Немчиновский пост»). Вскоре оно упростилось до «Немчиновка», что закрепилось в 1939 году официально.

Существует и другая, на мой взгляд, маловероятная версия возникновения названия, связанная с находящейся на некотором удалении деревней Немчиново, известной с XVI века (сейчас туда ходят рейсовые автобусы от Киевского вокзала).

Впрочем, как бы то ни было, а мои родственники со стороны отца не преминули воспользоваться сложившимися обстоятельствами.

По рассказам Надежды Адамовны, младшей из братьев-сестёр, судьбоносному решению предшествовал переезд в Кунцево. И только спустя какое-то время, оставив построенный дом старшему сыну, прадед с остальными своими домочадцами отправился на новое место...

В декабре 1917-го Адам Алексеевич умер своей смертью, не связанной с нахлынувшими эпохальными событиями. При нём в километре от станции, около пруда у истока реки Чаченки (правильнее — Чагинка), правого притока Сетуни, на пяти участках по трид-

цать соток помимо «родительского» были построены четыре дома: три — для сыновей Пантелеймона, Адама и Александра, один впоследствии достался дочери Марии. Все работы производились благодаря почти беспроцентной ссуде местного воротилы Лемана, имевшего владение в лесу (старожилами называемом Леманским) на западной окраине Немчиновки, со стороны Ромашково.

Прабабушка, урождённая Анискевич, почему-то считалась полькой, несмотря на несоответствующую девичью фамилию. Хотя Мария Антоновна была неграмотна, это не помешало ей успешно вести хозяйство и возглавлять семейство ещё в течение 26 лет, прожитых после смерти мужа.

О судьбе Михаила Адамовича, оставшегося в Кунцове, мне ничего не известно.

Алексей Адамович был кадровым офицером, участником Первой мировой. В Гражданскую войну воевал на стороне белых. Спасаясь от репрессий (знакомый чекист вовремя намекнул, зачем его вызывают в Манеж), переодевшись в солдатскую шинель, бежал в Эстонию. Потом он эмигрировал в Англию, далее — в Австралию. Женился на француженке и, не имея своих детей, дожил до преклонных лет, скончавшись в 1960-х.

Третий по старшинству из детей — Пан-тик — также офицером участвовал в Первой мировой. Раненым попал в плен к австрийцам, откуда дважды безуспешно пытался бежать (при третьей неудачной попытке расстреливали). Когда Австро-Венгрия капитулировала, попал в Киев, на Украину, находившуюся под властью Директории, с февраля 1919-го возглавляемой С. В. Петлюрой...

Военнопленных транспортировали в битком набитых теплушках. Воды и пищи на всех не хватало. Но чудом оставшегося в живых Пантелеймона Адамовича подобрала и выходила украинская женщина из пригорода.

Восстановившись, несмотря на опасность, он продолжил свою дорогу домой. Недалеко от границы с Россией, схитрив, притаился под сеном на дне крестьянской повозки. В результате ему повезло: петлюровцы, прощупывавшие воз штыками и шашками, перебежчика не обнаружили. Это был мой дедушка...

На родине от собственного дома — на 4-й Запрудной, у пруда — пришлось отказаться по настоянию немчиновской администрации, в дальнейшем использовавшей строение под школу, семейное общежитие и, в конце концов, продавшей в частную собственность в 1960-х.

Приблизительно к моменту добровольного отказа Пантелеймон Адамович женился

на урожденной Трубниковой Аполлинару Николаевне. Расписались они в Кунцеве 13.01.1923, а жить стали в Москве, в одной из четырёх комнат коммунальной квартиры, на первом этаже позднее снесённой угловой двухэтажки, в самом начале нечётной стороны 3-го Новоподмосковного переулкa (из этой 24-метровки, в которую со временем я прописался, и «получилась» в 1984-м однокомнатная квартира, расположенная в противоположной стороне города, рядом с метро «Коломенская», и пригодившаяся мне после развода). В 1924-м и 1925-м у них родились погодки Кира и Юра.

Летом 1952-го, приблизительно через полгода после бракосочетания мамы и папы, на шестидесятом году жизни дедушка умер от рака лёгкого (я не застал его и маминогo отца в живых, что не преминул отобразить в названии вышеупомянутого цикла «На этом свете мы не повстречались...»). Бабушки не стало в 1978-м...

Тетя Кира замуж не вышла и, будучи сердечницей, скончалась от водянки в 1966-м. Наши с сестрой Наташей родители дожили до правнука Владика, сына моей дочери Вероники.

Кроме комнаты от бабушки с дедушкой мне достались в наследство буфет и столик, типа журнального, с изразцами на верхней

поверхности и двумя выдвижными ящиками. По свидетельству дедушкиной сестры Надежды Адамовны эту мебель купили у актёра Ленина при переезде его на новую квартиру вначале XX века. Как я узнал позже Михаил Францевич Ленин (настоящая фамилия Игнатюк) был одним из корифеев Малого театра, народным артистом РСФСР (1937) и награждён орденом с профилем «однофамильца» (1949). В 1951-м он умер на семьдесят первом году жизни в должности директора Малого театра и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Псевдоним, взятый актёром в 1902-м, в дальнейшем естественно провоцировал много шуток. Вот одна из легенд:

Рассказывают, что однажды прибежали посыльные в кабинет к Станиславскому и закричали:

— Константин Сергеевич, несчастье: Ленин умер!

— А-ах, Михаил Францевич!» — сокрушенно уронил голову на грудь и, еле сдерживая слёзы, прошептал Станиславский.

— Нет — Владимир Ильич!

— Тьфу-тьфу-тьфу, — застучал по дереву Станиславский, — тьфу-тьфу-тьфу!..

По другой версии, историю приписывают ошарашенной таким же образом приме Малого театра Александре Александровне Яблочкиной.

Бедная женщина заломила руки и в безысходном горе запричитала:

— Боже мой! Михаил Францевич!

Тыкая перстом вверх, ей еле-еле и не сразу толковали, что умер «ГОТ», а не «наш».

— Ну слава Богу!» — почти умиrotворённо вздохнула Яблочкина.

Как большинство своих коллег, она свято верила, что жизнь коротка, искусство вечно, а всякое начальство — от Бога. Илет тридцать с гордостью говорила: «Мы, актеры ордена Ленина Его Императорского Величества Малого театра СССР».

Однако, продолжим...

Адам Адамович в наступившей после-революционной круговерти свой дом успел продать. А как-то в поезде у него, задремавшего и находившегося подшофе, обчистили карманы. Не разобравшись, он набил морду заподозренному в краже контролеру. В результате чего был выслан в Калугу, где обзавёлся семьёй и остался жить, тем не менее, частенько навещая родные пенаты.

Родившийся в 1899-м Александр Адамович в Первую мировую в свои семнадцать лет успел повоевать на Кавказском фронте с турками и даже кратковременно побывал комендантом Минска. Его первый брак с

балериной (ради неё Шура в одночасье, не раздумывая, продал свой дом) оказался неудачным. Зато повезло во втором. Когда он за рассказанный анекдот загремел по 58-й, жена Лида, стойко перенося невзгоды, жила вместе с их общим сыном Германом в Немчиновке, в буквально кишевшим клопами подсобном хозяйстве Поссовета, бывшем владении Лемана. И после амнистии 1953-го (в связи со смертью Сталина) последовала за мужем «на 100-й километр»: сперва — в Петушки, потом — во Владимир. Там у женившегося Германа родились двойняшки Надя и Саша.

Последние годы жизни Александр Адамович провёл в Немчиновке, где ему нашёлся уголок в «родительском» доме.

Борис Адамович женился на урождённой Петровой Анне Алексеевне, дочери урождённой Друговой Натальи Фёдоровны, почётной гражданки дореволюционной Москвы. Для его избранницы это был второй брак. Первый её муж утонул, когда они с ним и сыном Павликом отдыхали в Крыму. Так что новообразовавшаяся семья с самого начала состояла из троих, ведь Борис Адамович, согласившись не усыновлять Павлика, относился к нему как к родному, наравне с родившимися позднее дочками Ниной (впоследствии моей крёстной) и Аней.

Жили они, в основном, в Москве, за исключением периода с 1941-го по 1943-й, когда Анна Алексеевна с детьми вынужденно эвакуировалась в Башкирию (Ютаза, Бугульма). Но с возвращением домой всё встало на старые рельсы.

И хотя Немчиновка для семьи Бориса Адамовича была лишь местом отдыха, ему самому приходилось чаще своих домочадцев навещать «родительский» дом, оказывая младшей сестре посильную помощь. В 1950-х он, по договорённости с Надеждой Адамовной, при входе на участок, слева от калитки, построил свой летний домик, по советским законам зарегистрированный как сарай из-за недопустимости наличия на территории владельца двух жилых строений...

У Нины, старшей из дочерей Бориса Адамовича, с детьми как-то не получилось, а у Анны родился сын. Нарекли его Павликом с лёгкой руки бабушки, Анны Алексеевны, тянувшей жребий из ушанки, где, кроме названного имени, находились Александр и Борис.

Евгения Адамовна вышла замуж за Ларионова Николая Фёдоровича, управляющего имением кого-то из царских родственников в Барвихе или Раздорах. Родила трёх девочек (Веру, Ларису, Надежду) и одного мальчика (Глеба). Последние годы жила в Краснодаре с семьёй Нади, младшей из детей.

Нина Адамовна с детского возраста и до конца своих дней жила в Немчиновке. Выйдя замуж за односельчанина Иноземцева Николая Сергеевича, она занималась участком и хлопотала по хозяйству в его доме, недалеко от Леманского леса. Родила сына Николая, у которого, в свою очередь, родились Ирина, оставшаяся бездетной, и Игорь.

Кстати, недалеко от них частенько жил в доме тестя-врача знаменитый художник, основоположник супрематизма, автор «Чёрного квадрата» Казимир Малевич. А потом в почти граничащем с их участком поле, где сейчас построен коттеджный «Посёлок Малевича», была захоронена его урна с прахом.

Мужем Марии Адамовны был Глинка Борис Александрович, младший из детей (старший — Глеб, средняя — Лиля) известного литературного критика начала XX века Глинки Александра Сергеевича, писавшего под псевдонимом Волжский. Советская власть терпимо относилась к мэтру, принадлежавшему к московской ветви славной фамилии. Но это не помогло его сыну: через некоторое время после кончины отца, в начале 1941-го, Бориса Александровича увезли на Лубянку, откуда он канул в вечность.

Мария Адамовна осталась с двумя малолетками (старший — Лёша, младший — Саша) в своём доме на 2-й Запрудной. Её

ждала борьба за существование в военно-послевоенные годы и воспитание сыновей сквозь собственный недуг (у неё болели ноги). В 1960-х она, не без помощи Телюков, построила новый дом, сломав старый.

Алексей семьёй не обзавёлся, а у Александра и его жены Татьяны родились два мальчика: первый — естественно — Борис, второй — Валентин.

Надежда Адамовна унаследовала «родительский» дом, вернее, его половину, ибо другая была продана из-за надобности в начале 1930-х. Но несмотря ни на что к ней в гости, как в родовое гнездо, постоянно съезжались родственники — на выходные, праздники, именины, в отпуски или просто погостить. До известной степени и я тому свидетель.

В гражданском браке у Надежды Адамовны родился сын, которого она при регистрации назвала Александром, оставив ему нашу фамилию — Телюк. Правда, в кругу своих он зовётся Алик. Ведь у её сестры Марии чуть раньше, в том же 1940-м, родился мальчик, названный Александром (и даже отчества у них оказались одинаковые — Борисовичи).

Алик, его жена Галя и их сын Сергей до сих пор живут-поживают в Немчиновке, на 2-й Запрудной, 3.

В общем, жизнь продолжается!

А в паре километров от них находится Ромашково, где есть каменная Церковь святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Первое упоминание о некогда стоявшей здесь деревянной церкви относится к 1627 году, когда она принадлежала Патриарху Московскому и Всея Руси Филарету (в миру Фёдору Никитичу Романову-Юрьеву), отцу Михаила Фёдоровича, первого царя из дома Романовых.

Светлана Аллилуева, дочь Сталина, в своих мемуарах писала:

Здесь моя родина... И когда умру, пусть меня здесь в землю положат, в Ромашкове, на кладбище возле станции, на горке — там просто, всё вокруг видно, поля кругом, небо... И церковь... старая, хорошая... деревья в ограде возле неё так буйно разрослись, и так славно она стоит, вся в густой зелени, и... продолжает служить Вечному Добру на Земле.

Там и находится основное захоронение близких моему сердцу Немчиновских Телюков, к которым я и себя причисляю.

ТЕЛЮК

Адам Алексеевич (1860—1917)

Мария Антоновна (1865—1943)

Пантелеймон Адамович (1892—1952)

Сергей Телюк

Аполлинария Николаевна (1894–1978)

Борис Адамович (1904–1967)

Анна Алексеевна (1900–1972)

ГЛИНКА,

урождённая ТЕЛЮК,

Мария Адамовна (1907–1985)

ТЕЛЮК

Надежда Адамовна (1910–1999)

Кира Пантелеймоновна (1924–1966)

Юрий Пантелеймонович (1925–2001)

Татьяна Алексеевна (1928–2008)

Серёжа (1953–1954)

XXV. СОБСТВЕННЫЕ ВИДЫ

При жизни моих родителей появились на свет: внучка Вероника (16.02.1980 — от моего первого брака), внук Владислав (30.06.1986 — от Наташи, вышедшей замуж за Вадима Бесчеревных) и правнук Владик...

Однажды Вероника, с которой, казалось бы, совсем недавно занимался математикой и ходил на теннис, позвонив, предупредила о своём бракосочетании, грядущем в начале мая 2000-го. В мыслях об этом, запомнив из знакомства с женихом только то, что его зовут Сергей, я решил подарить им, помимо всего прочего, ироничное стихотворение, написанное в минувшем марте про кота Чучу. И немало удивился, когда гости бурно отреагировали на услышанное, уловив явные ассо-

циации, связанные с торжеством и фамилией
(ну чем не провидение!) молодожёнов...

* * *

Веронике и Сергею Мартовым

Коту не ложится на месте с утра...
Какое «с утра»! Он с рассвета наглеет:
то тигром рычит, то козлёночком блеет -
знакомо - есть в марте такая пора.
Но я-то при чём здесь? Мы вместе давно -
я помню котёнка размером с ладошку,
теперь же он вырос и требует кошку
(не важно какую - ему всё равно).
Я, дверь отворив, предлагаю: «Беги».
А он, вдруг опешив, застыл на пороге,
как будто задумался на полдороге...
И лёг почему-то у левой ноги.

Осенью же, 7 ноября, у Вероники и Сер-
гея родился сын, названный Владиком. По
крайней мере, для меня ставший не просто
внуком и ровесником века: означенный факт
заменил собой ныне отменённые праздни-
вания годовщин Октябрьской революции.

Почти через полтора года, в начале октя-
бря 2001-го, женился Андрей, сын Ирины.
Мы с женой, имея собственные виды на
дальнейшее житьё-бытьё, решили не иску-
шать судьбу и разъехаться с новообразовав-

шейся семьей, так как на кухне становилось тесновато...

Где жить, для молодых — не имело особого значения, для нас — наоборот, в связи с поездками на Ильинский Погост, определенно был желателен Юго-Восток. В результате трёхкомнатную смежно-изолированную квартиру на Большой Черёмушкинской удалось разменять на две однокомнатные (на улице Юных Ленинцев, близ метро «Кузьминки» и на улице Михайлова, близ метро «Рязанский Проспект»)...

Дела ребят устроились, можно сказать, с последним звонком, ведь спустя сутки, в день нашего переезда на «Рязаночку», 17.04.2002 у Татьяны и Андрея родился сын — ещё один внук! — Саша.

XXVI. ПОБЛИЗОСТИ

У выпускников Московского автомобильно-дорожного института (МАДИ, основанный в 1930-м, с 1992-го имеет статус технического университета, сохраняя традиционное название) существует ежегодный день встречи — первая суббота апреля. Нами, окончившими дневное отделение альма-матер в 1978-м по специальности «Мосты и тоннели» и получившими квалификацию инженеров-строителей, этот сентиментальный факт нарочито долго не замечался, пока в 2003-м доброй половине однокашников не приспичило увидеться.

Но подобное положение дел не означало 25-летнее отсутствие дружеских связей, возникших за время обучения.

Я уже упоминал Владимира Глинского, помогавшего мне переезжать в преддверии развода в 1990-м, а сближение произошло на четвёртом курсе в связи с уходом-отсевом части сокурсников и последовавшей за этим реорганизационной перетасовкой.

С его женой Людмилой, тогда ещё Панкратовой, мы вообще знакомы с первых студенческих дней, так как сразу попали в одну группу. И, если откровенно, между нами существовали смутные симпатии, которые не переросли во что-то более значительное, хотя от дома до дома — по разные стороны Ломоносовского проспекта, куда я с родителями переехал в середине второго курса — было около получаса ходьбы...

Владимир Морозов никогда не пропадал надолго, несмотря на возвращение домой, в Торжок, после подмосковной отработки по распределению. Лет через пять после окончания института нам, небольшой дружеской компании, удалось единожды съездить к нему в гости. Папа Володи Николай Григорьевич возил нас на собственной «Волге», показывая достопримечательности, включая старинную загородную помещичью усадьбу и могилу Анны Петровны Керн. Мама Володи Татьяна Алексеевна кормила нас домашними пельменями. И я с неизбывной грустью вспоминаю тогдашнее жеребьячье торжество, ибо

под воздействием отменной местной водки однокашники их сына не просыхали на протяжении двух-трёх дней...

Сергей Демидов также всегда находился поблизости. Мы познакомились в институте благодаря моему вхождению в состав профкома и обоюдному участию в факультетской самодеятельности: я — поддавшись юношескому увлечению — играл в ВИА (вокально-инструментальный ансамбль), Сергей — учившийся параллельно на вечернем отделении и работавший лаборантом на кафедре «Гидравлики» — сочинял музыку к волновавшим его стихам, талантливо исполняя получавшиеся песни под гитару. Он, будучи членом московского подразделения КСП (Клуба самодеятельной песни), приобщил меня к бардовскому движению, а весной 1978-го свёл со своим давним приятелем Юрием Гончаровым, через которого спустя четырнадцать лет я попал в газету «Литературные новости» Эдмунда Иодковского и даже, сам того не подозревая, подвигнул меня к написанию «Сказания о сколотах», положившего начало «Сказаниям о праславянах», подарив в 1995-м «Предысторию Руси» В. М. Гобарева...

В студенческий период моей жизни возникла и дружба, созвучная разве что известным романтическим отношениям «Трёх

мушкетеров» или, скорее, «Трёх товарищей». Изначально между нами происходило, видимо, подспудное необходимое дополнение друг друга: Сергей Мозалёв — окончивший МАДИ с отличием — рассудительный и массивный; Владимир Щетинин — непоседливый и фигуристый; и, наконец, я — как уразумел позже — небезнадёжный лентяй умеренных размеров, живший неподалеку от места учёбы, в Лазовском переулке (ныне — улица Константина Симонова).

Все вдруг сложилось в сентябре 1973-го, чуть ли не с построения перед началом самого первого семестра. Ощущение свободы, опьянявшее нас, недавних школьников, усиливалось с каждым днём, в результате чего мы стали частенько проводить время в кутежах и играх в преферанс (особенно на первом курсе!), только изредка вспоминая об учёбе.

С тех пор прошло более 35 лет, насыщенных разнообразными событиями. Наши вторые жёны Галя (Ирина, первая жена Сергея, к сожалению, умерла в 30-летнем возрасте), Лена и моя Ирина — с удовольствием поддерживают дружбу домами.

XXVII. «И ЯВИЛСЯ НАМ ТЕЛЮК...»

Тёлки-чёлки — топ-топ!
Елки-смолки — хлоп-хлоп!
Лики махоньких козят
Юзом пó-небу сквозят.
Как от Вятки до Ухты —
У-ух ты!!

*Юрий Влодов,
акростих*

В один из апрельских дней 1978-го благодаря Сергею Демидову я познакомился с Юрием Гончаровым, чуть ли не сразу же отведшим меня в ДК им. С. П. Горбунова, в литобъединение имени Алексея Недогонова (во главе него в то время стоял поэт и переводчик Валерий Краснополский). В дальнейшем я изредка посещал и другие московские «лито», завершив этот отрезок творческого пути в 1992-м участием в коллективном стихотворном сборнике «Самое сокровенное» народной литературной студии «Высота» под руководством поэта Михаила Беляева.

Исключение составляли «Весы», в которые я по совету поэта и драматурга Виктора Коркия пришёл, был принят с первого раза и ходил по мере возможности, начиная с

осени 1978-го. Именно там, на одном из проходивших по средам семинаров я услышал от возглавлявшего литературное объединение Анатолия Викторовича Викторова: «Кажется, вы будете писать...»

Кому как, а мне педагогический талант Викторова виделся бесспорным. Кроме тех, кого я уже упомянул ранее, моими однокашниками были ныне «вставшие на крыло»: Анна Саед-Шах, Андрей Добрынин, Александр Климов-Южин, Леонид Колганов...

Анатолий Викторович умел ненавязчиво раскрывать азы поэтического мастерства, причём каждому индивидуально, по мере усвоения предыдущего материала. Оставалось только внимательно относиться к его советам, не ленясь исправлять ошибки и перелопачивать услышанное...

Выработанная привычка к самостоятельной скрупулёзной работе души и мысли пригодилась позднее, когда мне посчастливилось последовательно подружиться с поэтами и журналистами, в не столь отдалённом прошлом одновременно имевшими отношение к «Московскому комсомольцу»: Ароновым, Черняком и Влодовым, — ибо при передаче мастерства они ничего не разжёвывали, а просто делились навыками на примерах из собственного творчества. Александр Яковлевич акцентировал моё внимание на игро-

вой составляющей стихотворства; Вадим Григорьевич — на тщательном подборе слов; Юрий Александрович — на общем звучании и форме, включая знаки препинания.

Из них троих с Влодовым мы сдружились в последнюю очередь, хотя впервые познакомились в «Юности» в середине 1990-х и даже в 2002-м в его цикле эпиграмм и дружеских шаржей на современных писателей «Сто из сумасшедшего сада», большей частью опубликованном в четырёх номерах названного журнала (№№ 1, 2, 6, 7–8), есть следующее:

С. Телюку

В НЛО открылся люк.
К люку руки тянем.
И явился нам Телюк -
Инопланетянин.

В августе 2003-го, откликнувшись на предложение Анны Гедымин, я оказался в гостях у Юрия Александровича. Наша застольная беседа «на троих» на кухне однокомнатной квартиры в стандартной многоэтажке на Юго-Западе длилась несколько часов. И как-то само собой получилось, что легендарный московский поэт, привыкший эпатировать читателя и слушателя, вдруг начал достаточно откровенно рассказывать о прожитом.

На следующее утро, пораскинув мозгами, я сообразил, каким образом можно подать

услышанное. По телефону мы договорились о новой встрече у него дома и об условиях, при которых я должен был полагаться только на свою память, не пользуясь ни диктофоном, ни записной книжкой (это смущало рассказчика).

Из представшего бурного потока воспоминаний приходилось выбирать наиболее интересующий меня материал, после обработки выстраивать его в определённой последовательности, а также, неоднократно созваниваясь с Влодовым, уточнять нюансы, вплоть до интонаций участников событий. Конечно, в некоторых моментах не обошлось без собственной интерпретации, против которой Юрий Александрович не возражал. В итоге получилось «Однажды в XX веке»...

Леонид Аронович Жуховицкий, затрудняясь в определении вида данного произведения, высказался следующим образом:

Как назвать эту работу?

Я бы рискнул сказать так: Телюк в данном случае выступил как автор, а Влодов — как легендарный персонаж вроде Ходжи Насреддина, Заратустры или Ивана Петровича Белкина. А так как по роду деятельности и по характеру Влодову приходилось встречаться с целым рядом современных классиков, его байки имеют и бесспорную литературоведческую ценность.

Впрочем, читателю вовсе не обязательно ломать голову над тем, к какому жанру следует отнести один из разделов новой книжки Сергея Телюка. Лучше просто читать эти короткие рассказы о писательском житье-бытье, хохотать и радоваться.

Приведенная цитата взята из послесловия к моему сборнику «И отчалил кораблик, привет!..», вышедшему в свет в начале 2006-го.

Когда я, оставив книжку для Вознесенского «под зелёной лампой» в ЦДЛ, через несколько дней позвонил ему, первой к телефону подошла Зоя Борисовна:

— Да он с ней уже второй день носит-ся, — сказала она.

И это в первую очередь относилось к выделенному Жуховицким «разделу».

Там же, в связи с записью в паспорте Ильи Сельвинского, упомянуты и крымчаки («Нас четверо»).

Весной, приблизительно в мае 2006-го, я подарил экземпляр «Кораблика» Александру Ткаченко. А незадолго до смерти, в октябре 2007-го, у него вышла книга повестей, притч, новелл об одном из коренных народов Крыма — «Сон крымчака, или Оторванная земля», которую он готовил к изданию больше года, возможно, загоревшись после прочтения влодовских историй...

XXVIII. ВСЕГДА НЕПРОСТО

Нагаева, похожего на просоленного шкипера, бородатого здоровяка под два метра ростом и весом более ста кило, настиг инсульт. Всё произошло неожиданно за чаепитием после представления очередного номера журнала «Детская литература» в подмосковном Дмитрове, хотя месяца за два до кончины, в конце марта 2004-го, на открытии юбилейной выставки монументалистов Московского союза художников Игорь Германович поделился со мной своими плохими предчувствиями, тревожными снами, предвещавшими уход из жизни. Я постарался перевести разговор в другое русло, но суть от этого, к сожалению, не изменилась...

Мы дружили последние без малого четыре с половиной года, но я с самого начала почувствовал в Игоре Германовиче человека,

близкого по духу, по внутреннему «сложению». Мне нравилось в нём, в первую очередь, творческое отношение к жизни, будь то оригинальные исполнения песен в компании друзей, или многочисленные выступления перед читателями, или даже лицедейство в «димсистских» комедиях дель арте.

А самым поразительным было, конечно, отношение как главного редактора к своему журналу: он не допускал и мысли об ухудшении качества — только улучшение. Когда мы познакомились, я искренне восхитился его детищем, остававшимся в сложное время прекрасным изданием и по содержанию, и по оформлению. Тогда ведь, в угоду сиюминутному благополучию, сплошь да рядом отказывались от полноцветной печати и хорошей бумаги, начинали публиковать состоятельных авторов (независимо от таланта) и вообще рьяно переходили на коммерческие рельсы, снижая при этом художественно-эстетический уровень.

Творческому человеку жить в материальном мире всегда непросто, но ему многое дано понять, поэтому он мудрее и терпимее... Таким был и Игорь Германович Нагаев.

XXIX. К ЧЕМУ ЭТО Я?

Грустно осознавать, что в новой России, по советским меркам достигшей совершеннолетия, отношение власть имущих к большинству наиболее одарённых представителей творческих профессий можно определить следующей известной цитатой: «Лицом к лицу лица не увидать...»

Писатели — тоже не исключение... А ведь выделяются деньги, зачастую государственные, на издание авторов, выбранных по тусовочному принципу, делаются заказные хвалебные критические статьи, выдаются премии, после чего всё благополучно забывается, то бишь «оканчивается, не начавшись» — оказывается, для перечисленного поводов-то и не было.

От ежегодной повторяемости вышесказанного создаётся ощущение нарочитости — ну просто болото какое-то!

К чему это я?

Да так, вдруг вспомнилось об Александре Аронове. У него из трёх книг, изданных при жизни (всего-то 67 лет с небольшим!), две — «за государственный счёт», причём одна, тонкая, из библиотечки «Огонька»...

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.

Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умирать!

Согласен вдаль, согласен в степь,
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться -
Но дай хоть раз ещё успеть
Остановиться, оглянуться.

Аронова, можно сказать, не издавали, но присутствие его поэзии ощущалось в течение десятилетий. И тогда, в 1960-х, когда он был популярен (правда, неофициально) среди

любителей поэзии не менее чем, скажем, его одноклассник по небезызвестной «Магистрала» Евгений Евтушенко... И тогда, когда повсюду распевалась песня, ставшая лейтмотивом популярного фильма и написанная на его стихи («Если у вас нету тётки, её вам не потерять...»)... И тогда, когда использовали в прессе или обычных разговорах, порой даже не зная имени автора: «остановиться, оглянуться»...

Александр, как вечно талантливый ребёнок (скажем, в день своего 65-летия он запросто разгуливал по редакции «Московского комсомольца» с привязанными к пуговице воздушными шариками и, радушно улыбаясь, всех угощал конфетами), не мог не нравиться...

Это он о себе:

К нам пришёл Александр Аронов
И понравился сразу не всем.
Тем отдельных никак не затронув,
Он коснулся ответственных тем.

Иногда он бывает спокоен.
А пройдёт две недели, чудак,
«Боже мой, – говорит, – боже мой, – он, –
Как же так, говорит, как же так».

Часто бабушки на перекрёстке
Уважительно прячут внучат,

Когда книжки несёт он в авоське,
Что-то громко при этом шепча.

Он не то, чтоб решительней тигра,
И, пожалуй, внушительней слон.
Но зато оглушительно тихо
В тех местах, где отсутствует он.

И в самом деле, без него становится всё тише и тише, особенно — в связи с упоминанием неумолимо редееющего на этом свете круга его друзей: Валентина Берестова, Виктора Берковского, Виктора Гиленко, Игоря Губермана, Евгения Евтушенко, Леонида Жуховицкого, Булата Окуджавы, Вадима Черняка...

И от безвыходности иногда хочется скулить, подобно ароновской собаке с тринадцатого этажа:

Что значат городские ночи?
Здесь, плотно выстроившись в ряд,
Пространства бывших одиночеств
Как стёкла в ящике стоят.

И, между знаков зодиака
Захлёбываясь и дрожа,
Не потому ль скулит собака
С тринадцатого этажа?

XXX. ВЕДЬ Я ТОЖЕ РОЖДЁН В ПЯТИДЕСЯТЫХ

Здесь нелепое что-то возводится,
Здесь и в полдень какая-то темь,
Здесь деревня моя, как покойница,
Изменяется каждый день.

Николай Дмитриев

Этот эпиграф — о малой родине... О подмосковном селе Архангельское Рузского района. А начинается стихотворение следующими двумя строчками:

Мне на родину ехать не хочется,
Мне как будто уже всё равно.

«Как будто уже всё равно»?! В постсоветской-то действительности конца 1990-х — неужели так быстро приелись нововведения?

А вот, например, о чём писал Николай Дмитриев в «Истоках» 2001-го:

Мы... живём. Но как!

*За Можайском в небольшой лощине легло
10000 человек. Там и обелиск стоит: «ИХ БЫЛО
ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ». Так везде на моей родине: на*

каждой поляне, на каждом поле погибло такое количество русских солдат, которое можно сравнить с потерями в Бородинском сражении.

Этот край теперь — край вымирающих деревьев и процветающих замков наглых «маркизов Карabasов» — нового российского жулья.

Но подвиги псковских и пермских десантников в чеченской войне, а также другие примеры свидетельствуют о том, что жив народ, что понятие «Родина» для него — не пустой звук. Эти заметки («Нельзя превращать Россию в гигантский остров Пасхи!» — Авт.) я хочу закончить стихами:

Родине

Ты уменьшилась, но вроде
Велика ещё пока,
Как в четырнадцатом годе.
В этом роде велика:
Где - пируют,
Где - крадут,
Где - головушки кладут,
До последнего снаряда
Защищая
свой редут..

Да, поэт знал, о чём говорил...

Хотя, конечно, с «вымирающими деревнями» в Подмосковье — явный перебор. И, если говорить о «процессе» вообще, то начат он

был не в нынешние времена, а в период коллективизации. Но прав Дмитриев в другом: крайне пагубно кардинально нарушать преемственность поколений (к чему я бы добавил невозможность и приблизительно предположить разнообразие вытекающих из этого последствий). Тем более что в нашей стране на протяжении большей части минувшего двадцатого столетия проводился подобный, как известно, неудачный эксперимент — тут, обращаясь к любимому мной «Айболиту-66», напомним содержание одного из куплетов песенки «Нормальные герои», распеваемой Бармалеем и двумя его сподручными: «И мы с пути кривого ни разу не свернём, а надо будет, снова пойдём кривым путем!» — зачем опять наступать на одни и те же грабли?! В этом я согласен с Николаем и мне понятна позиция, перекликающаяся с темой едва ли не самого известного его стихотворения «В пятидесятых рождены...», последнюю строфу которого, думаю, здесь уместно процитировать:

С отцом я вместе выполз, выжил,
А то в каких бы жил мирах,
Когда бы снайпер папу выждал
В чехословацких клеверах?..

Ведь я тоже рождён в пятидесятых...

Мы не дружили, но в последние девять лет его жизни нам приходилось довольно

часто встречаться. И это благодаря познакомившей нас Галине Вячеславовне Рой, главному редактору «Истоков», к которым мы имели непосредственное отношение, входя в редколлегию. А я к тому же ещё был ответственным за выпуски альманаха и проведение вечеров «Альманах «Истоки» представляет...» в Малом зале Центрального Дома литераторов.

Николай всегда вёл себя подчеркнуто скромно. Не стремился выделяться на общем фоне. Помнится, как после одного из «истокских» вечеров в фойе его окликнула, видимо, знакомая дама преклонного возраста и стала выговаривать, что следует быть смелее, увереннее, решительнее... А он стоял с видом уездного учителя, случайно попавшего на бал, и учтиво выслушивал пожелания. Вообще, кроме опрятного внешнего вида и излучаемого внутреннего достоинства, я бы выделил взгляд Николая, направленный как бы внутрь самого себя. Хотя разговор мог идти и не о нём лично, а, скажем, о публикациях стихотворений членов возглавляемого им литобъединения.

Но за кажущимся, на первый взгляд, спокойствием имелась жёсткая, выношенная годами внутренняя позиция. Николай не хотел принимать российскую действительность, сложившуюся на рубеже XX—XXI веков. И пришёл он к этому, как и большинство из

XXX. Ведь я тоже рождён в пятидесятых

нас, через постперестроечное недоумение,
через горькое осознание очередного мошен-
ничества дорвавшихся до власти...

Но сердце!

Его сердце не выдержало в одну из июнь-
ских ночей 2005 года.

И здесь мне хотелось бы особо под-
черкнуть, что после лихих 1990-х, в нача-
ле нового тысячелетия нахлынула волна
преждевременных смертей многих моих со-
временников. И главной причиной оказались
не сердечные болезни, а онкология...

XXXI. ЛЕГЧЕ НЕ СТАНОВИТСЯ

Безрассудный, словно Вертер,
с горьким временем — обрез, —
если я тебе — не ветер,
на черта нам — в лодку без
вёсел...

Александр Шуплов

Когда-то в начале нашего знакомства мы с Александром Шупловым случайно встретились в редакции альманаха «Истоки». Передо мной лежали стихи ещё не «родившегося» Агента Нулёва, и я раздумывал, как с ними поступить. Почувствовав мою нерешительность, Александр сразу же, с присущей ему активностью, включился в работу: стал «набрасывать» имена автора, придумывать его биографию...

Потом неожиданно предложил:

— Знаешь, у меня есть аналогичные стихи. Давай, объединимся...

Из этого, к сожалению, ничего не вышло — стихи всё-таки были разными. А вот

часть биографии Нулёва, в которой говорится о согрешении его матушки (праправнучки Козьмы Пруткова) с гостем-эфиопом во время Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1957-м, появилась посредством щупловской подсказки.

И вообще Александр мог уподобляться кому угодно и чему угодно: литературному персонажу, ветру, парусу, пламени...

Главное — действовать!

Но больное сердце, как известно, не редкость для современного поэта, и от знания этого — легче не становится.

В конце июля 2006-го я и моя жена Ирина собирались в Гданьск, на международную литературную конференцию. Туда же приглашался и Саша, но он, в очередной раз почувствовав себя плохо, сдал заблаговременно купленные билеты. А позднее, буквально за день до отъезда, позвонил и поинтересовался, нет ли у нас на примете знакомого водителя, чтобы добраться на работу. К сожалению, мы ничем не смогли помочь.

Разговор продолжился. Тогда-то мы и узнали о выходе новой Сашиной книги «Стихи для тех, кто не любит читать стихи» — избранное за три десятка лет, выпущенное в свет благодаря активному участию Любви Никитиной, его однокашницы по Москов-

Сергей Телюк

скому государственному педагогическому институту. Прощаясь, договорились обязательно встретиться после нашего возвращения из Польши — недели через две.

Печально, что судьба распорядилась иначе...

XXXII. ИНОГДА МЫ СОЗВАНИВАЕМСЯ...

В конце мая 2007-го, в день проведения очередного «истоковского» вечера в ЦДЛ, неожиданно скончалась Галина Вячеславовна Рой.

Накануне мы с ней по телефону допоздна утрясали список участников, а на завтра, ближе к полудню, с печальным известием позвонила Анна Гедымин. Однако по настоянию дочери Ани, проживавшей вместе с Галиной Вячеславовной, мероприятие состоялось — и посвящалось оно памяти бессменного главного редактора...

Но к тому времени Нина Краснова, Валерий Дударев, Андрей Шацков и я, принимавшие активное участие в возрождении «Истоков» в 1997-м, лишь изредка занимались делами, связанными с альманахом.

Позднее, спустя полтора года, Нина Краснова создала и, взвалив на себя бремя главного редактора, возглавила литературный альманах «Эолова арфа», первый номер которого вышел в начале 2009-го.

Валерий Дударев стал главным редактором журнала «Юность». Ему предшествовали Валентин Петрович Катаев (1955–1961); Борис Николаевич Полевой (1961–1981); Андрей Дмитриевич Дементьев (1981–1992) и Виктор Сергеевич Липатов, умерший в январе 2007-го (1992–2007).

Благодаря инициативе Андрея Шацкого в 2006-м, в бытность его референтом министра культуры (А. С. Соколова), после очередного перерыва и специально к 50-летнему юбилею создания, был выпущен московский «День поэзии». Его главным редактором стал Сергей Мнацаканян, перешедший в 2001-м из «Московского комсомольца» в возглавленную Юрием Поляковым «Литературную газету».

В дальнейшем Андрей, уже в качестве главного редактора, сначала возглавил очередное издание упомянутого ежегодного поэтического альманаха (2007), а затем — уникальнейший «День православной поэзии» (2008), выпущенный с приветствием Патриарха Московского и всея Руси Алек-

сия II и под общей редакцией председателя Издательского Совета Русской Православной Церкви протоиерея Владимира Силова.

Что касается меня, то я отошёл от редакционно-издательской деятельности и сосредоточился на творчестве, продолжая жизнь на вольных хлебах.

Иногда мы созваниваемся, общаемся по Интернету и даже пересекаемся на Днях поэзии, литературных вечерах в ЦДЛ или других мероприятиях, например, как случилось на открытии персональной выставки Ирины — в октябре 2007-го, в Московском Союзе художников в Старосадском переулке. Там после вступительных слов известных мастеров — председателя Правления Секции монументалистов МСХ Василия Александровича Бубнова и председателя Выставочной комиссии Секции монументалистов МСХ Вадима Алексеевича Кулакова — была устроена импровизированная авторская поэтическая переключка. Кроме Нины Красновой, Андрея Шацкого и меня, в ней участвовали Елена Муссалитина (мы познакомились двумя месяцами ранее в Сопоте, опять-таки не без помощи Лолы Звонарёвой), Олег Агринский, а также выступавший первым Виктор Лунин.

Кстати, центральные помещения здания (дом с классическим портиком, построенный в 1817–1819 годах), где всё это проходило, представляют собой три зала, и тогдашнее событие вместе с нами смогли отметить многие из тех, о ком я рассказывал (упоминал, подразумевал) ранее...

XXXIII. БЛИЖЕ К НЕБЕСАМ

В моей жизни никогда не случилось такого сопровождаемого скорбью года, как високосный 2008-й.

На фоне частых смертей именитых представителей российской культуры (Александра Абдулова, Бориса Хмельницкого, Чингиза Айтматова, Михаила Танича, Риммы Казаковой, Нонны Мордюковой, Михаила Пуговкина, Александра Солженицына) один за другим ушли в мир иной не менее значимые для меня: Ирина, урождённая Иноземцева (проживавшая в Немчиновке внучка Нины Адамовны, сестры моего деда по мужской линии), Вадим Черняк, Юрий Дружников, Сергей Кудияров (сверстник, с которым мы познакомились благодаря Сергею Мозалёву ещё на первом курсе института, хотя и учились на разных факультетах).

И в конце ноября вдруг показалось, что кончина кота Чучи, нашего с Ириной полноправного члена семьи на протяжении порядка пятнадцати с половиной лет, — последняя в этом ряду...

Но спустя две недели, восьмого декабря, не стало мамы.

При отпевании она чертами лица напомнила мне спокойно стоящую девочку с опущенными вдоль туловища руками с довоенной фотографии.

К тому времени в семье родившегося в 1898-м Ермилова Алексея Гавриловича и его жены Пелагеи Кирилловны, появившейся на свет на четыре года позже, было пятеро детей: Коля, Таня (мама — вторая по старшинству — родилась 21.01.28), Валя, Зоя и Лёша. Жили они в подмосковной деревне Рассудово, к северо-западу от одноимённой, основанной в 1899-м, железнодорожной платформы, в одном из двух одинаковых и рядом стоявших собственных домов, построенных в конце 1920-х для своих старших сыновей моим прадедом (местным жителем, имевшим с прабабушкой Марией шестерых детей — четырёх мальчиков и двух девочек).

Дедушка обучал токарному делу на Бадаевском пивоваренном заводе, близ Ки-

евского вокзала в Москве. С 1930-х дорога в столицу занимала полтора-два часа пригородным поездом под тепловозной тягой. Правда, предшествовала этому ходьба по тропинке в поле и просеке в берёзовой роще. Минут пятнадцать, не более.

Бабушка хлопотала по хозяйству и следила за детьми.

И всё бы ничего — да началась война.

30 сентября 1941-го Алексей Гаврилович ушёл в армию. Однако, кроме того, что сборный пункт функционировал в отстоящем на шестнадцать километров Наро-Фоминске, мне больше ничего не известно. Он пропал без вести...

Пришлось побывать в горниле Второй мировой и его старшему сыну. Николай Алексеевич, будучи офицером, призывался (как и мой отец) дважды. При повторной службе, в первых числах ноября 1956-го, после недельной подготовки в Наро-Фоминске — в составе своей части оказался в Венгрии в связи с известными событиями. Эшелон, следовавший перед ними, пустили под откос в приграничном районе, и первое, с чем пришлось столкнуться — это сбор тел погибших военнослужащих. Мама говорила, что именно тогда в организме дяди Коли начался необратимый процесс, приведший к смерти

от рака в январе 1975-го, в неполные пятьдесят. А ведь в год Венгерского восстания у него с тётёй Марусей в Рассудове родилась единственная дочь Люда...

Средняя из сестёр, Валентина Алексеевна (р. 1930), вышла замуж за кадрового офицера Георгия Михайловича Хárькова. За время кочевой жизни судьба забрасывала их, кроме Саратова и Львова, в Венгрию и Польшу. Георгий Михайлович дослужился до подполковника. После чего они осели в Москве вместе с уже взрослеющими сыновьями Игорем и Олегом...

Зоя Алексеевна (р. 1931), сколько помню себя, жила в Апрелевке. Её муж Николай Александрович Бурьян, родом из села Фастовцы Черниговской области, погиб в автокатастрофе, по-моему, везя шифер на родину. Когда-то в школьные летние каникулы мы с мамой и их сыном Сашей гостили у его родителей:

Жаворонки в небе. Мазанки невдалеке.

Ноги босы, и по щиколотку в пыли.

За любым плетнём предостаточно земли
с вишней и кукурузой, свинарней в уголке.

Те давние впечатления пригодились мне при написании цикла «Думы об Украине». А вот с их дочерью Надей мы стали крёстными Владика, сына моей сестры Наташи...

Младший же из детей жил и работал в Москве. От двух браков (с Любовью и Татьяной) родились две девочки — Лена и Таня. Скончался Алексей Алексеевич в 2003-м, в 62-летнем возрасте, в Рассудове, в бревенчатой постройке, оставшейся от разобранного им унаследованного (после переезда жены и дочери старшего брата в Наро-Фоминск) ещё достаточно прочного родительского дома...

Мама часто вспоминала детские военные годы, отчасти проведённые в прифронтовой полосе. В их доме располагались на постой солдаты, ведь в каких-нибудь трёх с половиной километрах юго-восточнее, в деревне Кузнецово, где родилась и жила до замужества моя бабушка, находился штаб 33-й армии, ведшей кровопролитные бои за оккупированный в течение 66 дней (с 22.10.41 по 26.12.41) Наро-Фоминск.

Она даже проводила уроки патриотизма в Северном Бутове, в московской школе №1681, где рассказывала о пережитом: голоде и бомбежках; расчистках от снежных заносов дорог; заготовке дров, перевозимых на подводах к поездам с последующей отгрузкой (работы проводились в темноте, чтобы не заметили немецкие лётчики). Говорилось и о «лесных братьях», с действиями которых ей пришлось столкнуться в послевоенной Эстонии.

Да и последующие времена не особо способствовали расслаблению. А с приходом к власти Б. Н. Ельцина мои родители только недоверчиво улыбнулись: дескать, мы тоже были полны надежд в молодости...

Теперь, осиротев на шестом десятке и став ближе к небесам, я понимаю их.

Мне многое видится по-иному.

ОДНАЖДЫ В XX ВЕКЕ

Из бесед на кухне у Юрия Влодова

ОТ АВТОРА

Пересказывая устные истории поэта Юрия Александровича Влодова от его имени, я мог бы считать себя соавтором, — кстати, мэтр признавал меня собратом по перу. Но дело в том, что услышанное не записывалось мной ни на диктофоне, ни на бумаге, а фиксировалось в памяти. И потому теперь невозможно отделить реалии от моего собственного вымысла. В чём я и признаюсь.

Итак, с благословения Юрия Александровича, начинаю...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Семья, сыночка...

Однажды, в годы Гражданской войны, в один из украинских городков вошли красные. В то же время там находился антрепризный театр, который, разъезжая по «городам и весям», выступал и перед красными, и перед белыми, и перед зелёными...

— Кто играл перед белыми? — строго спросил труппу, собравшуюся в своём, стоявшем в тупике, вагоне, вошедший матрос.

— Я — антрепренёр этой труппы! Что угодно?! — выступил вперёд знаменитый российский трагик Райский.

— А ну ходи, контра, на коридор! — командовал матрос.

Вывел его из вагона и застрелил.

А оставшаяся без антрепренёра труппа, скорбя о происшедшем и помогая его молодой вдове Наде Надеждиной, продолжила свои выступления.

Больше всех в помощи актрисе усердствовал участник гастролей Шура Влодов, бывший на пять лет младше неё. По прошествии двух лет по обоюдному согласию они стали мужем и женой.

Это были мои родители: Надежда Борисовна Тимошенко (Надеждина) — дочь православного священника, и Александр Захарович Левицкий (Влодов) — племянник «короля Одессы» Мишки Япончика.

В одной из ссор, в конце 40-х, я услышал, как родители выкрикивали друг другу: «одесская морда» (кричала мама), «рязанская свинья» (отвечал отец).

Тогда я спросил у мамы: почему они до сих пор живут вместе?

— Семья, сыночка... — отмахнулась от вопроса мама.

II. Тише, здесь дедушка Ленин...

Однажды летом в бытность нашу в Москве мы с мамой оказались на Красной площади. Ничего необычного в этом нет, если не считать того, что в то время через неё ходил

городской транспорт, и такой охраны, как позднее — не было.

Мы шли параллельно Кремлёвской стене. И вдруг мне, трёх-четырёх летнему мальцу, приспичило в туалет.

— Хочу какать, — сообщил я маме.

— Потерпи, сыночка, — стала она уговаривать меня, ускоряя шаг.

Но я упорствовал, продолжая стоять на своём:

— Хочу какать.

Мама огляделась по сторонам...

Спасская башня возвышалась невдалеке подобно сказочному великану, а мама держала меня навису и приговаривала:

— Тише... Тише, здесь дедушка Ленин...

Внезапно появился военный и, угрожая, приказал немедленно убрать «это безобразие». Безропотно разрывая на себе нижнее бельё, и доставая его лоскуты из-под кофточки — мама подчинилась. Потом взяла меня на руки, и мы стали быстро-быстро удаляться...

III. O-o-oI

Однажды мама решила провести свой отпуск вместе со мной в Харькове, у родственников.

И вот, в конце мая 1941 года, мы отбыли из Москвы.

Но, по известным причинам, всё пошло наперекос. Отступление Красной Армии из Харькова и оккупация его немецкими войсками происходили с калейдоскопической быстротой. И мы с мамой в возникшей неразберихе не смогли эвакуироваться.

Вошедшие в город немцы, к тетё и бабушке, у которых мы жили в полуподвальной квартире в центре, подселили двух офицеров Гестапо — Вилли и Курта. Они были из разных сословий (первый — барон, второй — мясник) и когда выпивали, нередко ссорились. К нам же они всегда относились хорошо: охраняли своим присутствием, усиленно снабжали продуктами — чем в итоге помогли выжить.

Как-то мама в разговоре с ними сказала, что её муж, оставшийся в Москве, батальонный политрук запаса (отец ушёл на фронт без нас — в самом начале войны).

Вилли и Курт, не сговариваясь, подняли указательные пальцы вверх и с многозначительностью одновременно прокомментировали жест:

— О-о-о!

IV. Нельзя! Вожды!

Однажды Вилли, офицер Гестапо, живший с нами в одной квартире в оккупированном Харькове, придя в нашу комнату за солью, заметил под кроватью журнальный лист с портретом Сталина (видимо, он висел на стене и, упав, оказался забытым в наступившей неразберихе).

— Нельзя! Вожды! — подняв иллюстрацию, сказал он.

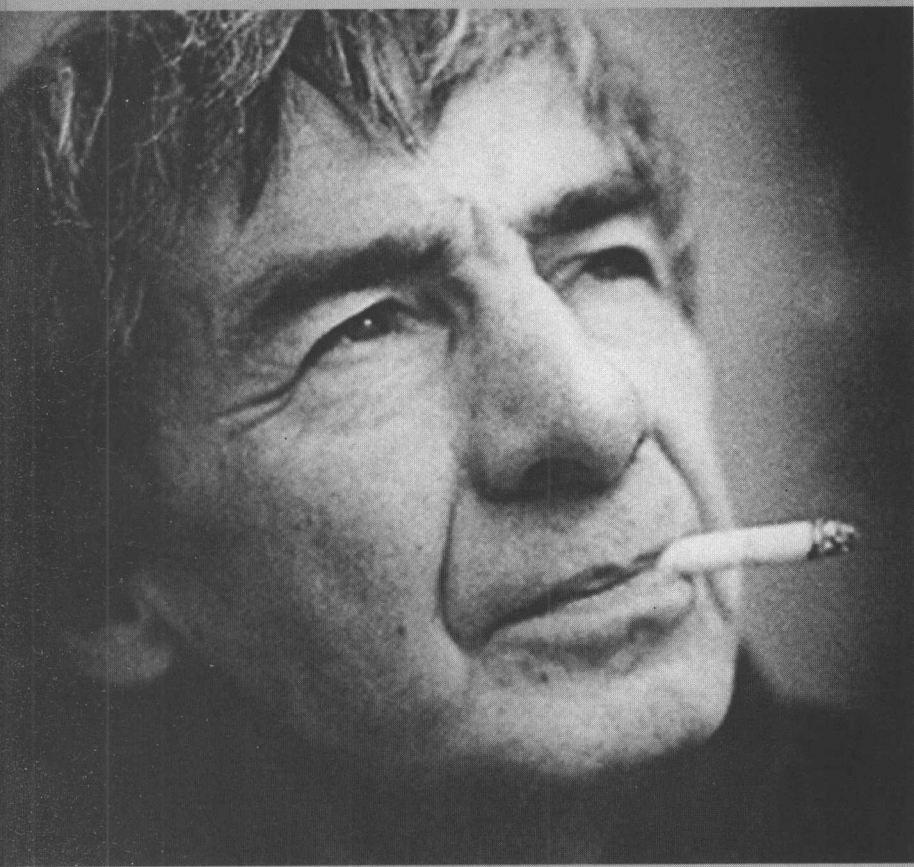
И отдал её маме.

V. Герр офицер...

Однажды вечером во время войны в центре Харькова двое румынских солдат стали приставать к двум нашим девушкам. Одна из них вырвалась из навязываемых объятий и подбежала к немецкому офицеру, оказавшемуся поблизости.

— Герр офицер... — начала девушка свою просьбу о помощи.

Выслушав её внимательно, немец подозвал, вытянувшись при виде его по стойке смирно, румын. И начал громко ругаться, хлеща их поочередно перчатками по щекам.

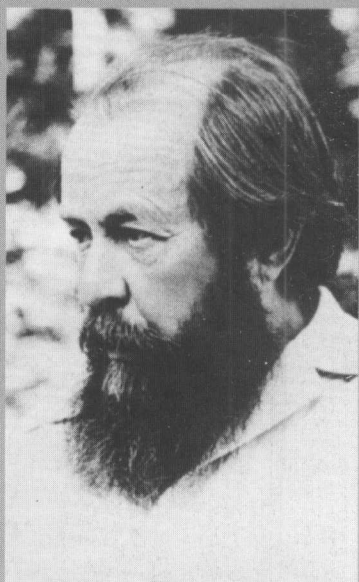
Юрий Влодов

Александр Твардовский

Илья Сельвинский

Александр Солженицын

Ярослав Смеляков

Павел Антокольский

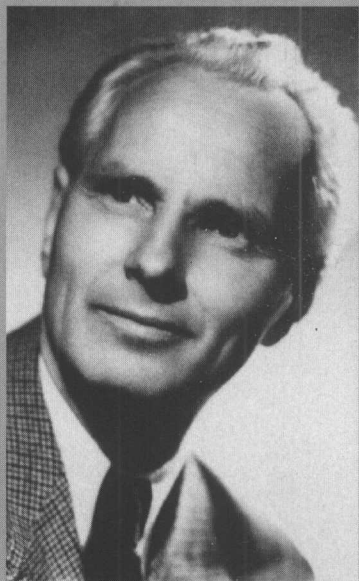
Корней Чуковский

Самуил Маршак

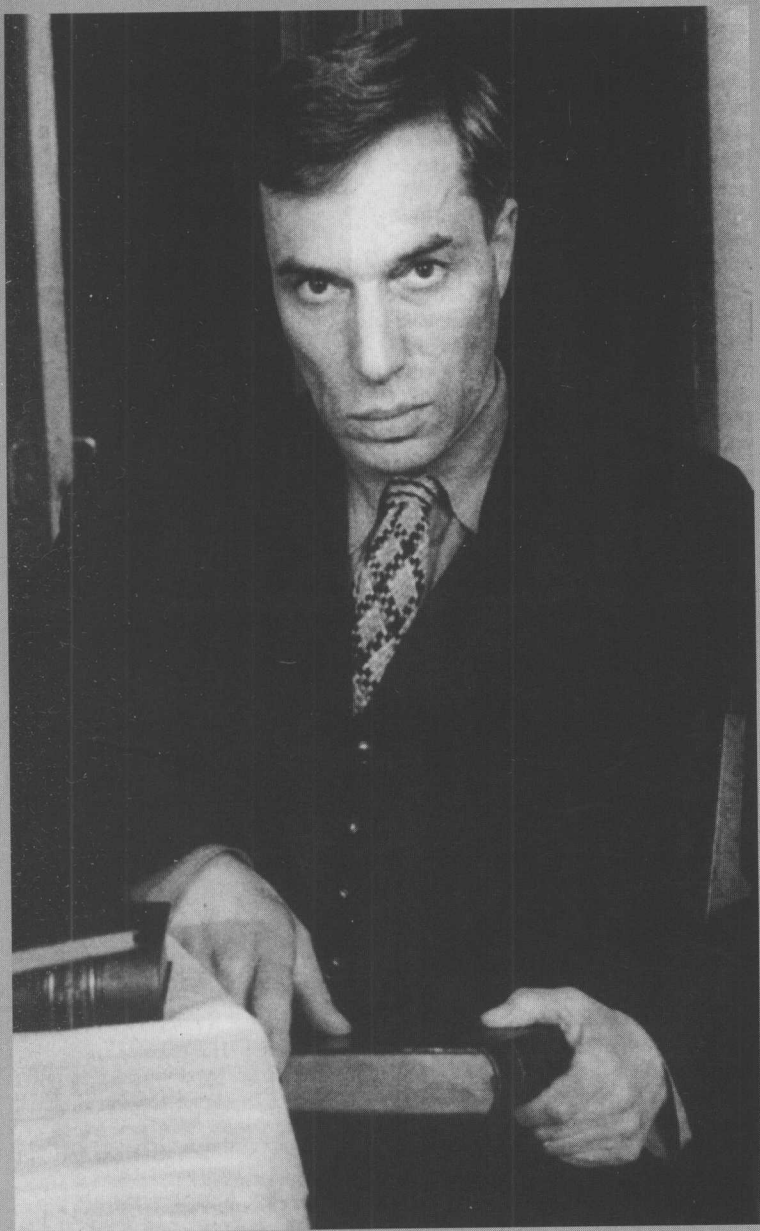
Михаил Светлов

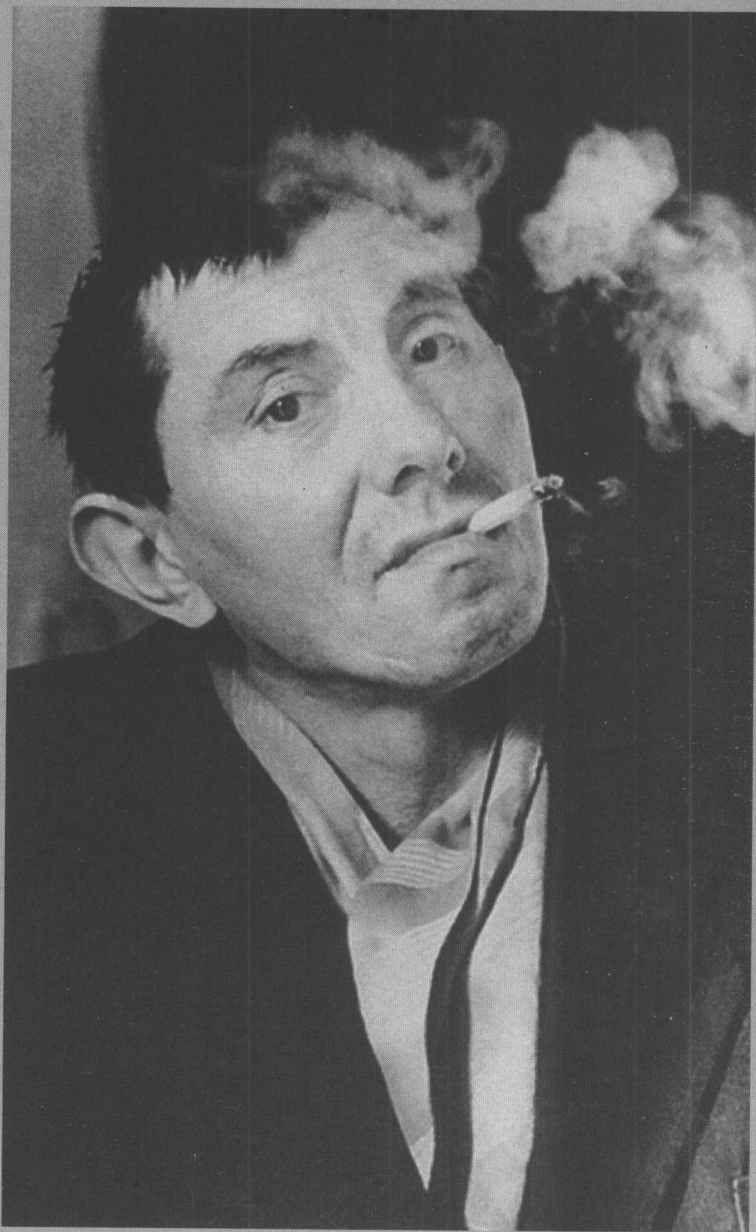
Степан Шупачёв

Евгений Евтушенко

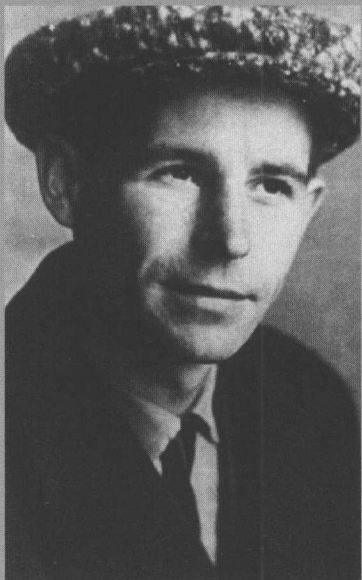
Борис Пастернак

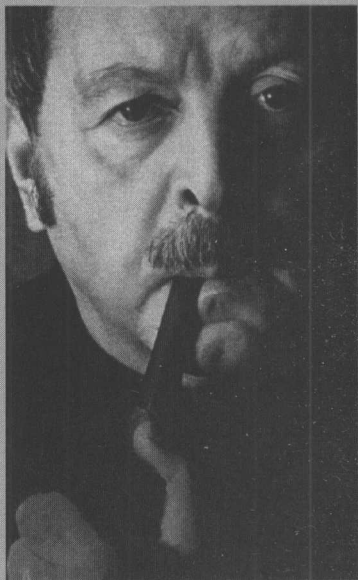
Николай Глазков

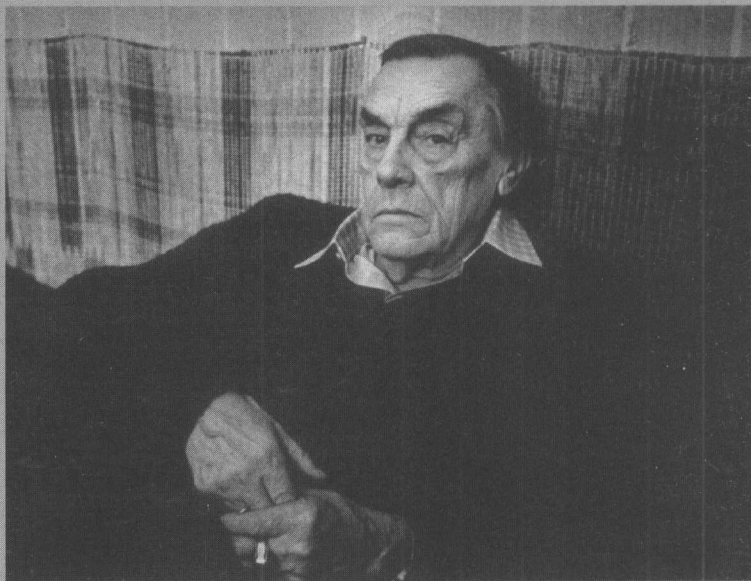
Иосиф Бродский

Николай Рубцов

Юрий Левитанский

Арсений Тарковский

Белла Ахмадулина

Александр Межиров

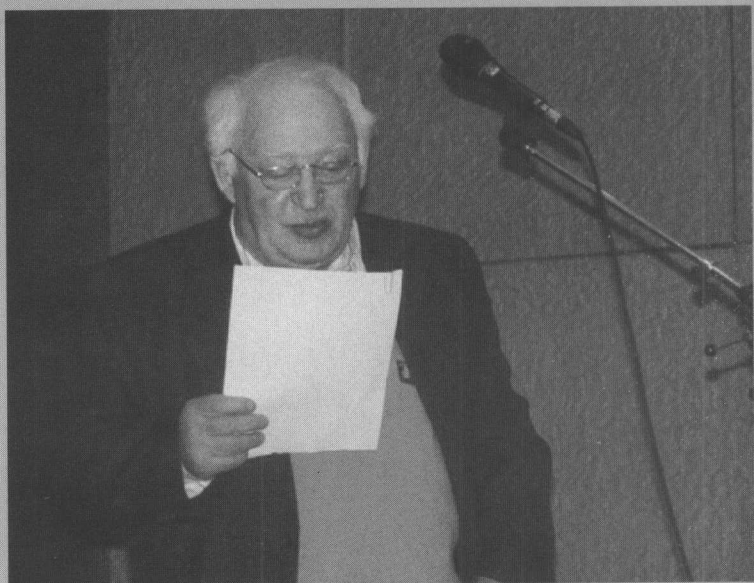
Юрий Нагибин

Александр Чаковский

Константин Ваншенкин

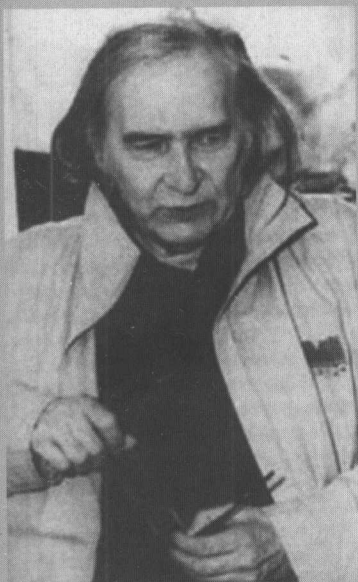
Вадим Рабинович

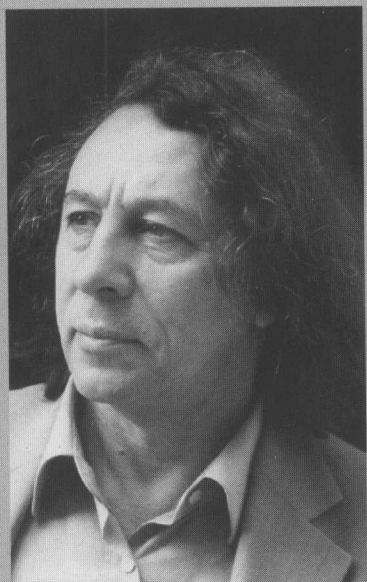
Владимир Соколов

Николай Тряпкин

Виктор Липатов

Вячеслав Куприянов

Александр Юдахин

Мара Гриезане

Марк Собољ

А девушки пошли дальше, на звуки духового оркестра. Там — танцевали.

VI. Разведка, пацан!

Однажды я, будучи ещё мальчишкой, наблюдал в Харькове, как наш управдом Кузьмич ходил с гестаповцами по квартирам.

Он стучал или звонил в очередную дверь и кричал:

— Мадам, откройте! Гестапо.

Кузьмич был известным в округе выпивохой, и его, по всей видимости, не очень-то интересовало, какая власть в городе. Он оставался бессменным управдомом, как говорится, и при белых, и при красных.

— Мадам, откройте! НКВД, — выкрикивал он с той же, узнаваемой интонацией и до, и после войны.

Я спросил у него, что означает его двуликость?

И он, после хмельной отрыжки, ответил:
— Разведка, пацан!

VII. Я вам покажу, тыловые крысы!

Однажды Красная Армия на непродолжительное время заняла Харьков. И, в пред-

двери отступления, была организована эвакуация.

Людей вывозили товарняками, с частыми и продолжительными остановками в пути (из зоны бомбёжек мы выезжали около месяца). Питались различной ботвой, сырым выкопанным картофелем, в общем, чем Бог пошлёт.

Каждое утро из вагонов выгружали мёртвых. Но мы с мамой жили ещё и надеждой, так как узнали, что все московские театры были эвакуированы в Кемерово, Новосибирск и Томск. И поэтому наша конечная цель была определена.

Вместе с нами в вагоне ехал ненормальный хромоногий моряк-фронтовик.

— Я — герой! Я вам покажу, тыловые крысы! — периодически выкрикивал он, наводя жуть на женщин и детей.

И вдруг ему захотелось лечь спать именно в том углу, где сидела молодая женщина с грудным ребёнком. Он выхватил у неё ребёнка, и — выбросил в проём двери движущегося вагона. Женщина бросилась со звериным воплем на хромоногую. Раздирая его лицо ногтями, она вытолкала моряка в тот же самый проём, и сама выпрыгнула из вагона.

Всё это пронеслось как фантом, но осталось в моей памяти.

VIII. Всего не упомнишь

Однажды, когда война уже закончилась, к нам с мамой в Кемерово (куда мы переехали из Новосибирска, прожив там три месяца) приехал отец.

В общем-то, он был узнаваем, правда похудел и поседел (особенно виски), но выглядел молодцевато. На его груди красовались три ряда наградных колодок.

И, глядя на них, я спросил:

— Ты кто?

— Майор...

— А за что? — не унимался я.

— Да так... Ползли к Берлину, стреляли, обмораживались... Мало ли... Всего не упомнишь...

IX. Я вам буду отчимом

Однажды в разгар зимы приехала в Березники большая фигура — авторитетный вор Егор Татарников. В пятидесятиградусный мороз он стоял на верхней площадке перед входом в кинотеатр (в добротном пальто, меховой шапке, перчатках — как инженер) и смотрел тоскливым взглядом на проходящие мимо беззаботные пароч-

ки. А возле него толпились местные урки. Один из них, Зая, всхлипывая, жаловался на кого-то... Другой — Терех — выговаривал ему:

— Чего ты, дурашка, сукоед?! Чего ты разбазарился — успокойся...

— Прекратить это всё, — негромко сказал Егор. — Не могу видеть... Если родители не воспитали — я вам буду отчимом...

Но тут подъехал самосвал. Татарников неспешно спустился к нему по ступенькам. Сел на сидение, захлопнув за собой предупредительно открытую шофёром дверь. И — уехал.

В Березниках, в ту пору единственном «каменном» городе, построенном среди левобережных болот Камы, был ещё и Дворец культуры, где работали актёрами мои родители. Но местная жизнь протекала отчасти на лагерный лад, так как на другой стороне реки в отдалении раскинулись бескрайние просторы Усольлага.

Позднее отец, отвечая на мой вопрос:

— А на что похож наш город?

Сказал, не долго думая:

— Пожалуй, на Комсомольск-на-Амуре. — И добавил: — Правда, Комсомольск несколько больше, но всё равно такой же...

Х. Где. Когда. С кем

Однажды, после возвращения из эвакуации, я написал письмо из Харькова в Березники, что под Пермью, оставшейся там подружке. В письме я, как мог, описал романтику воровской жизни, а в завершение добавил, что мы с паханами разъезжаем по городам и грабим госбанки. В подтверждение написанному я вырезал из книги «Ранок» Микитенко (как я узнал позже — расстрелянного в 37-м) картинку, на которой были изображены беспризорники, играющие в карты на крыше вагона, и вложил её в конверт.

Через какое-то время в нашу полуподвальную квартиру, где я в тот момент находился с бабушкой, вошли два коренастых мужика.

— Ты — Юра? — спросил один из них.

И после утвердительного ответа, показав красное удостоверение, предложил пройти с ними, объяснив бабушке, что это ненадолго — для выяснения кое-каких формальностей.

На улице нас ждал «Виллис». Мы сели в него — и вскоре оказались перед чёрными металлическими воротами с вывеской «Институт стали и сплавов».

Машина — затормозила. После небольшой паузы — въехала во внутренний двор.

Меня отвели в кабинет, где на одной из стен висел портрет Берии, и оставили в распоряжении находящегося там человека в гражданском.

Он усадил меня за один из двух, стоявших в кабинете, столов, и, дав ручку с чистым листом бумаги, лаконично сказал:

— Пиши...

— О чём? — недоуменно поинтересовался я.

— О себе, — ответил он.

Я написал автобиографию.

Хозяин кабинета прочитал написанное мной и, скомкав и выбросив бумагу в мусорную корзину, дал мне новый чистый листок со словами:

— Пиши об ограблениях. Где. Когда. С кем.

В следующий момент внезапно открылась дверь. К нам вошёл мужчина среднего роста в хромовом плаще нараспашку, на вид имевший, как мне показалось, поразительное сходство с портретом Берии.

Выслушав доклад от, видимо, подчинявшегося ему хозяина кабинета, он, сев на угол стола, за которым был я, проницательно посмотрел...

И вдруг почему-то я стал перед ним оправдываться. Показывая татуировки, говорить, что я «щипач» одиночка и ничего общего

с налётчиками не имею. И что картинку я вырвал из книги, которую нашёл в дядиной библиотеке.

— Твой дядя, как его... Тимошенко — член партии? — прервал меня он.

— Так точно, коммунист, зав. отделом Обкома, — ответил я.

— Член партии ещё не коммунист... — произнес он.

И, уже обращаясь к подчинённому, распорядился:

— С мальчишки «объяснительную», и — отпустить. А дядю — сюда. На профилактику!

Как оказалось, это был начальник харьковского НКВД товарищ Вассерман.

Года через два-три, в одном из киножурналов, я увидел прибытие в Москву руководителя британской разведки господина Ойли. И диктор за кадром сообщал, что в аэропорту его встречали: «товарищ Берия, товарищ Гроссман и товарищ Вассерман...»

XI. По личному вопросу

Однажды, намаявшись от неустроенности после возвращения в Москву, я решил обратиться с просьбой к самому Сталину.

Мне стало известно, что по распоряжению Ворошилова дали квартиру в Москве одному из воровских авторитетов. И я, не имеющий, как говорится, ни кола, ни двора, подумал — ну чем я хуже!

Решиться на такое было непросто. Прикуривая папироску одну от другой, я какое-то время кружил вокруг Кремля, и, наконец, отважившись, вошёл в ворота Спасской башни.

В застеклённой будке с надписью «Бюро пропусков», стоявшей перед часовым, находившимся в отдалении, сидел майор в форме войск государственной безопасности. Он, поднявшись, откозырял и, обращаясь ко мне, поинтересовался целью посещения...

— К товарищу Сталину. По личному вопросу, — отчеканил я заранее заготовленный ответ.

— Я, конечно, могу записать вас на приём к Иосифу Виссарионовичу, но придётся долго ждать, — участливо отреагировал офицер. И продолжил после паузы: — Обратитесь лучше в Верховный совет — как к депутату вы скорее к нему попадёте...

Обласканный внимательным обращением, я вышел на Красную площадь со слезами на глазах, и ощущением, что уже побывал у Вождя, и мне ничего не надо!..

ХII. Мы с вами где-то встречались?

Однажды в Джезказгане (Казахстан), в послевоенное время, произошло восстание заключённых. Поводом для этого послужила бурда, которая в тот раз оказалась совершенно не пригодной для еды.

Лагерь гудел, требуя начальника. Неожиданно в зону, ломая забор, въехал танк. Над головами засвистели пули. Люк на башне танка открылся, а показавшийся оттуда танкист объявил в «матюгальник»:

— Всем лежать! Следующая очередь — по людям!

Наступила тишина.

Вдруг, недалеко от меня, поднялся один из «политических» и запел: «Вставай, проклятьем заклеймённый...» За ним, подхватывая песню, стали подниматься другие заключённые.

Танк дал задний ход...

Спустя много лет, я встретил этого «политического» в Москве, в Союзе писателей.

— Мы с вами где-то встречались? — спросил, увидев меня, Михаил Павлович Кудинов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

І. Принимаю

Однажды я пришёл к Ярославу Смелякову и объявил ему, что вот, дескать, надумал вступить в Союз писателей.

— Одобряю, — буркнул он.

— Да, но, насколько мне известно, для этого нужны рекомендации, — продолжил я деликатно.

— Так в чём же дело?! Приноси! Я тебя принимаю! — снова не понял он.

— Но мне не хватает одной рекомендации! — не выдержал я.

— Извини, — наконец-то уяснил Ярослав Смеляков, — я председатель Приёмной комиссии и рекомендацию тебе дать не могу, но можешь сказать *там*, что я тебя принял.

II. Если что – обращайся!

Однажды летом, будучи ещё молодым поэтом, я поехал в Переделкино знакомиться с Ильёй Сельвинским.

Калитка была заперта, и поэтому я расположился на ближайшем пригорке в ожидании кого-нибудь, кто бы смог провести меня на территорию дачи.

Прошло какое-то время, и вдруг я увидел невдалеке от себя невзрачного с виду мужичка, похожего не то на грибника, не то на электрика. Заметив меня, он остановился и спросил:

— Поэт, небось?

— Да, — коротко ответил я.

Он присел рядом со мной и твердо сказал:

— Читай.

Выслушав несколько стихотворений, он вскричал:

— Это же гениально! Да как они могут тебя не пускать?!

И, схватив палку, стал открывать ею массивный внутренний засов калитки. Открыв, распахнул её передо мной и удовлетворенно выдохнул:

— Иди! Если что — обращайся! Меня зовут Костя.

Как я узнал позже, это был Константин Ваншенкин.

III. Нас четверо

Однажды Илья Сельвинский спросил:

— Как вы думаете, кто я по национальности?

— Не знаю, — ответил я, — наверно... еврей.

— Не угадали. Я — крымчак, — пропроко-тал он, показывая свой паспорт.

— Но ведь этого не может быть! Такой национальности нет, — изумился я.

— Может не может, а в паспорте записано. Я, возможно, единственный крымчак на Земле. Это, как и поэт, звучит гордо. И вообще нас четверо поэтов в двадцатом веке, — задумчиво сказал он, — Володька Маяк, Серёжка Рязанец, Борька Пастернак и я.

Кто-то сейчас вспоминает лидера конструктивистов Илью Сельвинского!

IV. Извините, но у вас — хуже

Однажды, навестив Сельвинского в Переделкине, я застал его на застеклённой веранде со студентами. (Он был профессором Литературного института.)

— А-а, вот сейчас-то нас и рассудит поэт Юрий Влодов, — сказал, представляя меня

ученикам, мэтр. — Может ли русский стихотворец носить фамилию Рабинович?

— Конечно — нет, — ответил я, ещё не разобравшись что к чему.

— Но мне всё равно не нужен псевдоним! — запальчиво отреагировал один из студентов.

— Ну, дело хозяйское, — завершил прения Илья Львович.

И после непродолжительной паузы объявил:

— Темой для стихотворения будет слово «рак».

— И вы, Юрий, если хотите, поучаствуйте, — предложил он. — Время пошло.

Мы разбрелись по саду в поисках уединений. На веранде остался только хозяин дачи, тоже принимавший участие в выполнении задания.

Через двадцать минут мы снова собрались вместе.

Восемь студентов, я и Сельвинский по очереди прочитали вслух свежесочиненное.

У меня вышло следующее:

Алябьев — технолог. Алябьев — дурак.

Он шепчет: «У Глеба Максимыча — рак!!»

И уши краснеют у мастера Вити.

И он говорит: «Я — прошу. Прекратите».

У Глеба Максимыча — тысяча дел.

Он в трубку рокочет. Он требует: мел!
«А я вам толкую – одиннадцать тонн!..»
И пот утирает. И хмурится он.
«А я вам толкую: даёте – и точка!..»
И парусом белым вскипает сорочка...

После этого каждый должен был назвать, что́ ему больше всего понравилось из услышанного.

И тут-то оказалось: большинство голосов признало лучшим — моё стихотворение.

А подвел итог голосованию уже знакомый Вадим Рабинович:

— Извините, но у вас — хуже, Илья Львович.

У. Я или Некрасов?

Однажды зимой во Внуково, где мы с моей женой, Марой Гриезане, жили на даче Твардовского и ухаживали за его собакой, приехал сам хозяин. Его еженедельные приезды на служебной машине были делом условленным. И поэтому всё происходило как обычно: приветствия, застолье, разговоры.

— Кто лучший поэт: я или Некрасов? — неожиданно спросил меня Александр Трифонович.

Конечно же, я нашёлся, что ему ответить... Но сам вопрос мне до сих пор кажется странным.

VI. Мой юный друг

Однажды, оказавшись по каким-то делам во Внуково, я решил зайти к Твардовскому.

Мы столкнулись нос к носу на пороге его дачи.

— Мой юный друг, — сказал он мне, — нет ли у вас чего-нибудь от зубной боли? А то она уехала на зимнюю квартиру и забрала все лекарства.

Я отрицательно помотал головой.

— Ну, хорошо, мой юный друг, — продолжил Твардовский, — сейчас мы поедем к Федину, и там что-нибудь придумается.

Несмотря на фривольный, затрапезный вид, выйдя на дорогу, он сразу же остановил проезжавшего мимо на своей машине дачника.

— Мой юный друг, — обратился Александр Трифонович к нему, — не подвезёте ли нас до Переделкина?

Получив утвердительный ответ, мы сели в легковушку..

Услышав наши призывные звонки, калитку дачи Федина открыла сестра Константина

Александровича. Выслушав приветствие и просьбу, она спросила:

— Сколько нужно денег на лекарство?

И, получив ответ, принесла требуемую незначительную сумму.

Покупая поллитровку в ближайшем магазинчике, Александр Трифонович бережно спрятал в карман сдачу, и сказал мне:

— Мой юный друг, вот мы сейчас вылечимся, и вы возвращайтесь в Москву. А я домой как-нибудь сам доберусь.

VII. Ребёнок ничего не ест

Однажды, сидя в беседке с Чуковским, во дворе его переделкинской дачи, мы молча следили за тем, как двое мужчин, на вид лет по сорок, не обращая ни на кого внимания, выгоняли легковую машину Корнея Ивановича из гаража на улицу.

Когда они уехали, аккуратно закрыв за собой гараж и ворота дачи, Чуковский спросил:

— А вы случайно не знаете — кто эти молодые люди?

— Нет, — обескуражено ответил я, — но я думал, что это ваши родственники.

— Да, наверное, кто-то из внуков, — задумчиво сказал он, — надеюсь, вторая машина на месте.

И неожиданно добавил:

— Пойдёмте пить чай. Ребёнок ничего не ест. Совсем отбился от рук.

Под ребёнком подразумевалась его дочь, Лидия Корнеевна, которой в то время было около шестидесяти.

VIII. Вершина нашей словесности

Однажды в Переделкине, находясь в гостях у Чуковского, я сказал ему:

— Корней Иванович, вы — гений!

— Да, гений, — спокойно ответил он.

— И вам не интересно, почему? — спросил я.

— А, в самом деле, почему? — заинтересовался он.

— Да потому, что когда я в детстве впервые услышал ваши стихи, то был просто уверен, — это сложилось само собой. Так не мог написать ни один дядя, — объяснил я.

— Когда-то, — после недолгой паузы продолжил разговор Корней Иванович, — я показал свои литературные опыты Чехонте и Пешкову. Они выслушали меня. И дали

совет — это надо записывать. Что я и сделал.

И после ещё одной паузы вдруг добавил:
— Вот вы сейчас пойдёте к своему другу Сельвинскому, так передайте ему от меня, что он пишет никомудышные стишки.

Чуть позже я слушал тираду Ильи Сельвинского. Из которой следовало, что Твардовский — это классик Политбюро, а его солдат Тёркин как будто из 1914 года. И что ничего общего с солдатами П-ой мировой он не имеет. И что он, Илья Сельвинский, удивляется нашему с Твардовским приятельству.

Тогда-то я и передал ему слова Чуковского.

На что Илья Львович мне спокойно ответил:

— Ну, Корней Иванович — вершина нашей словесности, нашей культуры. Мы все у него учились и должны учиться.

Но после этого наши дружеские отношения стали охладевать.

IX. А вы, сзади, не гримасничайте

Однажды Корней Иванович и я, прогуливаясь по Переделкину, увидели Пастерна-

ка, увлеченно копающего землю на своем участке.

— Борис, я же говорил вам, что созидатель — многогранен! — громко изрёк мэтр. — Здорово у вас получается...

Хозяин дачи прервался и недоуменно посмотрел в нашу сторону.

Стоя за спиной Дедушки-Корнея, я развёл руками, тем самым показывая, что не имею к высказыванию никакого отношения.

Но тут же досталось и мне.

— А вы, сзади, не гримасничайте, — не оглядываясь, сказал Корней Иванович.

Х. Это - на трумвай

Однажды от журнала «Смена» я отправился в Переделкино для встреч с Пастернаком и Маршаком.

Подойдя к калитке дачи Бориса Леонидовича, я увидел, как некто в поношенной армейской форме с генеральскими лампасами возится в саду.

— Где хозяин? — крикнул я незнакомцу.

— Уехал за границу, — последовал ответ.

Но в тот же самый момент на дорожке, идущей из глубины участка, показалась знакомая фигура, двигавшаяся в моём направлении.

— Так вот же он! — недоумённо вырвалось у меня.

Некто, продолжая делать своё дело, спокойно ответил:

— Значит — вернулся.

А подошедший Борис Леонидович, поздоровавшись, извинился за то, что «аудиенцию» придётся перенести, так как ему надо срочно ехать в город.

Мы дошли до шоссе, ведущего к станции, и расстались.

Тогда я направился вглубь дачного посёлка. Там, около станции «Мичуринец», находилась дача Самуила Яковлевича Маршака.

И опять всё вышло не так, как хотелось. Маршак захворал...

Провожая меня до калитки, он полушёпотом извинялся, и вдруг, прощаясь, протянул мне конвертик.

— Что это? — спросил я.

— Это — на трумвай, — старательно прошептал Самуил Яковлевич.

Я стал отказываться, но всё было напрасно...

— Это — на трумвай, — настойчиво повторил он.

И, улыбнувшись на прощание, закрыл калитку.

В заключение надо сказать, что я в тот момент нуждался в деньгах. И на выданное мне «на трумвай» — прожил порядка двух недель.

XI. Требую называть меня Мишей

Однажды, по обыкновению зайдя в «Предбанник» («Пёстрый зал» ресторана Центрального Дома литераторов), я оказался за одним столиком с Михаилом Светловым и Марком Соболев. При этом я хотел бы пояснить, что Михаил Светлов был одним из любимчиков у obsługi «Предбанника». И при необходимости ему отпускали в долг.

Так вот, не помню, по какому поводу, среди дружеской беседы я произнёс:

— Когда сидишь с большим поэтом, сам становишься — большим.

— Ой, хитрец! — взвизгнул Михаил Светлов.

И обратился к официантке, тыча в меня пальцем:

— Зинка, «моё»!

Это означало, что он презентовал: рюмку водки, «хвост селёдки» и кусочек хлеба.

— Не надо, Михаил Аркадьевич! Я сам... — отреагировал я.

И тут произошла заминка.

После чего я услышал:

— Прошу и даже требую, называть меня Мишей...

Справедливости ради надо сказать, что его желание так и не исполнилось.

ХII. Это моё рабочее состояние

Однажды я наблюдал, как Павел Антокольский проходил через фойе ЦДЛ со шлейфом своих поклонников. Все перед ним расступались, уважительно кланяясь.

Заметив Межирова, он притормозил и повелительно воскликнул:

— Подойдите ко мне! Над чем работаете?

И когда тот ему ответил, Антокольский напутствовал:

— Закончите — обязательно покажите мне!

А позже, зимой, я навещал его по неотложным редакционным делам в доме творчества «Переделкино», где он предстал передо мной совсем иным...

Постучавшись в дверь его комнатки в «старом корпусе», я услышал:

— Войдите!

Внутри было темно. И только за счёт отсвета снега из окна можно было разглядеть маленькую фигурку, лежащую в одежде поверх неразобранной постели.

— Свет зажечь? — спросил я.

— Не надо. Это моё рабочее состояние, — ответил Антокольский.

ХIII. Боюсь, что быстрее не получится

Однажды для публикации подборки стихов моего ученика Вали Купцова в журнале, где я работал, потребовалось вступительное слово мэтра. Определившись, я, вместе с Валентином, поехал в Переделкино к первому секретарю Московской писательской организации Щипачёву.

Когда мы подошли к его даче, калитка была открыта, а в саду находилась жена Степана Петровича, известная тогда театральная актриса Златова. Заметив нас, она спросила:

— Вы по какому делу?

Я объяснил.

— Почитайте что-нибудь, — сказала она Купцову.

После того, как было выслушано и одобрено несколько стихотворений, нас повели в кабинет Щипачёва, на второй этаж дачи.

— Стёпчик, — обратилась жена к мужу, — тут принесли хорошую лирику и просят написать вступительное слово для «Смены».

— Оставьте, — величественно молвил седовласый мэтр, — и зайдите недели через две.

— Но журналу нужно срочно! — встревожился я.

— Боюсь, что быстрее не получится, — сухо ответил Степан Петрович.

— Ну, зачем ты так... Зайдите завтра в это же время, — вмешалась жена.

На следующий день, снова приехав в Переделкино, мы из её рук получили что требовалось.

XIV. Я ей благодарен

Однажды в Переделкине, зимним днём Ярослав Смеляков работал в своей комнате в мансарде. В это же самое время внизу, у него под окном, дети жившего в отдельном домике сторожа, играли в снежки.

— Танька, — раздражённо крикнул Смеляков своей жене, Татьяне Стрешневой, — скажи, чтоб не мешали думать!

— Яра, ну что ты, успокойся... — ответила она.

И через некоторое время во дворе стало тихо. Но ненадолго...

— Танька... — повторно обратился со своим требованием к жене Ярослав Смеляков.

Прошло ещё какое-то время. И во дворе снова раздались детские крики...

— А вот и блинчики ноздреватые... — послышался за дверь у Смелякова голос Татьяны Стрешневой.

— Грёбаный в рот, — не выдержал Ярослав, — тут первый поэт России для народа поэму сочиняет, а какая-то шантрапа сосредоточиться не даёт! Всё — я их увольняю.

— Яра, — попробовала смягчить мужа жена, — где же зимой в Переделкине работу найдёшь?!

— Не моё дело. Чтоб завтра же их не было! — как отрезал Смеляков.

Проснувшись на следующее утро, он почти сразу увидел тело повесившегося на дереве под его окном сторожа, который так и не нашёл себе новую работу.

— Наливай, — говорил мне Ярослав несколько дней спустя.

И, глядя в сторону жены, задумчиво добавлял:

— Баба, но человек. Я ей благодарен... Ну, давай выпьем за неё!

У Ярослава Смелякова, прошедшего через войну, плен, трижды сидевшего в советских лагерях — произошёл психологический надлом. И в скором времени он скончался.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Тем более

Однажды на бульваре напротив Литературного института я встретил Хрущёва (в ту пору пенсионера), который кормил голубей.

— Студент? — покосился он в мою сторону.

— Да нет. Поэт, — промямлил я, ища взглядом его телохранителей.

— Поэт? — переспросил он. — Люблю поэзию. Особенно Пастернака. У него ещё в «Живаго» батка Махно на велосипеде катается. Читал?

— Да ведь это из «Хождений по мукам»?! — удивился я.

И в это же время заметил невдалеке двух здоровых мужиков, беседующих между собой и, на первый взгляд, показавшихся мне навеселе...

— Ну, всё равно... Не важно... Тем более... — добродушно подытожил Никита Сергеевич.

II. Сельвинский был не прав

Однажды я случайно встретил Вадика Рабиновича. Мы уединились от городской суеты, и долго разговаривали, читая при этом друг другу стихи.

И, конечно же, припомнили давний спор на семинаре Сельвинского. Илья Львович утверждал, что русский поэт не может иметь фамилию из одесских анекдотов — Рабинович.

— Сельвинский был не прав, — улыбнулся Вадик, поэт и автор ряда талантливых книг.

Я согласился с ним.

III. Представляешь!

Однажды, после весело проведенной ночи, очутившись к рассвету с редакционными друзьями (из журнала «Смена») в районе Цветного бульвара, на одном из перекрёстков мы увидели Евтушенко. Он показался мне застывшим в позе, чем-то напоминающей памятник Маяковскому.

И когда я подошёл к нему, он с усталой, но гордой интонацией произнёс:

— Представляешь, Юра, две девственницы за ночь!

IV. Ты разве не знаешь?

Однажды кто-то из посетителей спросил меня в редакции «Смены», указывая на Кирилла Замошкина:

— Кто этот молодой человек?

— Зав. отделом литературы и искусства, — автоматически ответил я.

Потом задумался: в самом деле, кто этот панибратский, вёрткий крепыш?

Стал интересоваться. И услышал от сослуживцев:

— Как?! Ты разве не знаешь? Это сын писателя Замошкина...

Но такой писатель, увы, мало кому был известен.

V. Я, как писатель...

Однажды меня познакомили с, оказавшимся в Москве, председателем белорусского колхоза, который обратился ко мне с просьбой:

помочь ему срочно написать поэму о партизанах.

Мы договорились о цене, и — поехали на Ломоносовский проспект, к его родственникам, где, расположившись в просторной кухне, начали работу.

В принципе дело обстояло так: между нашими разговорами и едой, я сочинял стихотворное произведение на героическую тему из жизни партизан. А мой собеседник, оказывается, мечтавший о литературной славе (ему этого не хватало для полного счастья!), постепенно набирал маститость, и к концу ночи уже заявлял:

— Я, как писатель...

Через пару месяцев знакомые передали мне бандероль, в которой находился минский журнал «Неман» с опубликованной под именем Председателя поэмой.

VI. Самое короткое...

Однажды Коля Глазков поведал мне забавную историю.

— Недавно выступал, — начал он, — с бригадой в ЦДЛ.

Всем разрешили — по стишку. И, говорят, покороче. Ну, я им и прочитал самое короткое:

Мы -

Умы...

А вы,

Увы!..

После чего смотался домой.

В 22:18 — покинул ЦДЛ.

В 22:44 — ужинал дома. (Он жил, как написано в его стихах: «Арбат, 44, квартира 22».)

Пришёл чёрный лимузин.

В 23:12 — я предстал перед генералом в форме неизвестных войск.

«Кого ты имел в виду?» — зычно спросил он.

«Королевну аглицкую и подлую свиту её!» — честно ответил я.

В 23:54 — я был дома. В постели...

Тут наш разговор прервал оклик одного моего знакомого.

— Да погоди! — дёрнул меня за рукав Глазков и многозначительно спросил: — Хочешь знать, кто о тебе говорит о-ч-е-н-ь плохо?

— Не хочу! — отрезал я.

— Ну ладно, закрываю свою беззубую пасть, — сказал он.

А, когда мой знакомый подошёл, Коля представился:

— Николай Глазков. Гений.

VII. А теперь – Андрей Вознесенский

Однажды я оказался в дружной бригаде, с Андреем Вознесенским во главе, на поэтическом вечере. Зал был полон. Люди заняли не только положенные места, но и сидели на полу перед нами, в проходах и на подоконниках.

Мы, выступавшие, по очереди «разминались» за сценой спиртным. Понемножку. Чтобы глаза блестели.

И вот, когда Вознесенский вышел из-за кулис, облизывая влажные губы, ведущая вдруг объявила:

— А теперь — Андрей Вознесенский.

Публика взревела.

Андрей, после некоторой заминки, уверенно шагнул к микрофону, и начал читать «Осень в Сигулде»...

...в прозрачные мои лопатки
вошла гениальность, как
в резиновую перчатку
красный мужской кулак...

VIII. Ты отвечаешь...

Однажды, работая в «Московском комсомольце», я придумал поэтическую рубрику:

«Книга — в газете». Обмозговав в общем и целом, как это можно сделать, я направился со своим предложением к исполнявшему обязанности главного редактора Саше Шифрину.

Надо сказать, что «Московский комсомолец» переживал тогда смену главных редакторов. А Саша, будучи «замом» предыдущего «главного», временно возглавлял газету. Проявляя инициативу, наверное, в надежде на повышение — он с удовольствием подержал меня.

— Давай, — сказал он, — ты отвечаешь за неё.

Первая «Книга — в газете» была, конечно же, моей, и вышла она в феврале 1969 года. А потом пошли книги: Мары Гриезане, Юрия Смирнова, Вадима Черняка, Александра Аронова, Олега Чухонцева...

С тех пор много воды утекло.

Аналоги рубрики появились в различных изданиях. И не только «Книга — в газете», но и «Книга в журнале», «Книга в альманахе» и т. п.

И, слава Богу!

IX. Не помню

Однажды, направляясь в «Предбанник», у бокового входа в Малый зал я заметил Александра

Аронова (явно уже побывавшего в «Предбаннике»). Подойдя к нему, я увидел в приоткрытую дверь, что в едва ли наполовину заполненном зале свои стихи, с присущей ему монотонностью, читает Иосиф Бродский (это было до его отъезда в эмиграцию), а рядом за столом председательствует Арсений Тарковский.

— Юрка, я его убью, — прорычал Саша.

И тут я заметил в руках у него ножницы.

— Кого? За что? — изумился я.

— Бродского. Он же у меня жену увёл!!! — взбешённо ответил Аронов. — Нинку!!!

Я стал озираться по сторонам, ища помощи.

И тут из «Предбанника» нетвердой походкой вышла Ахмадулина.

— Белла... — направился я к ней и объяснил ситуацию.

— Боже! — со свойственной ей эмоциональностью отреагировала она.

И пошла к Саше.

Постояв немного у приоткрытой двери, она вдруг воскликнула:

— Графоман! Правильно! В глаз ему надо — ножницами...

И одобрительно чмокнула Сашу в щёку.

Я снова стал озираться по сторонам, ища поддержки.

И тут, увидев Юрия Левитанского, я кинулся к нему..

— Хорошо, — спокойно ответил он, выслушав меня, — сейчас мы их «погрузим» в «Москвич» Беллы. И я отбуксирую его к дому.

Что мы, с Божьей помощью, и сделали.

На следующий день Александр Аронов удивлялся:

— Юра, представь себе, просыпаюсь утром в квартире у Ахмадулиной и Нагибина... А как туда попал, — не помню.

Х. Да здравствуют поэты!

Однажды мы с Ароновым выпивали в «Московском комсомольце». Естественно, в какой-то момент зашёл разговор о поэзии.

— Ты считаешь меня поэтом? — неожиданно спросил Саша.

— Конечно! — ничуть не сомневаясь, ответил я.

Саша нагнулся, и откуда-то из-под стола, за которым мы сидели, достал банку домашнего варенья. Вертя её в руках — поинтересовался как бы на всякий случай:

— Закусывать будешь?

Наступила пауза.

И тут Саша размахнулся, и, швырнув банку в противоположную стену, выкрикнул:

— Да здравствуют поэты!

Банка от удара — разбилась. А возникшее легендарное пятно ещё долго было украшением кабинета.

XI. Ухожу в себя

Однажды, находясь в фойе ЦДЛ, я услышал голос Бориса Авсарагова.

— «Лимоны е»? — небрежно спрашивал он у меня за спиной.

Обернувшись, я увидел кого-то из известных писателей, уже протягивающего ему деньги.

— Здорово, — поприветствовал меня Авсарагов, — пошли в «жральню»!

Чуть позже, вечером, в «Предбаннике», наверное, в сотый раз, он открыл передо мной и Колей Котенко позолоченный портсигар. Тыкая пальцем в фотографию молодого Сталина на внутренней стороне крышки, многозначительно сказал:

— Дядя.

И по своему обыкновению скорее забурчал, чем запел, «Сулико»: «Долго я бродил среди скал...»

— Опять завёл? — на этот раз не выдержал я.
— Извини. Виноват. Ухожу в себя, — ответил Борис.

А через некоторое время:
— «Наколка» идёт... Эй ты, иди сюда! «Лимоны е»?

XII. Не фунт изюма...

Однажды зимой, переночевав у Юры Смирнова, утром я вышел покурить на лестничную площадку. Из окна была видна башня Бутырской тюрьмы. Я, приметив часового, и, злорадствуя, что нахожусь по эту сторону — сделал эмоциональный жест и выругался вслух. А Смирнов, оказавшийся рядом — став невольным свидетелем, изрёк:

— Жизнь, впрочем, как и поэзия — это, брат, не фунт изюма...

Юра замёрз, в одну из последовавших зим, на ступеньках заднего крыльца ЦДЛ. Его вывели из ресторана проветриться, и — забыли...

XIII. Ату его!

Однажды в один из летних дней, часов в одиннадцать утра, оказавшись близ Кол-

хозной площади, я решил зайти в «Литературную газету», чтобы умыться, побриться и т. д.

Надо сказать, что в то время я не имел постоянного места жительства. Ночевал в парках и на вокзалах, спал в электричках и кинотеатрах, однако, продолжая заходить в редакции и общаться с писателями.

Так вот открыв одну за другой две массивные двери, и уверенно войдя в здание, занимаемое газетой, я показал, привставшей навстречу мне вахтерше, большой конверт.

И отчеканив:

— Водитель, — как бы не обращая внимания на охрану, проскочил в помещение.

После чего быстро поднялся на второй этаж, заперся изнутри в туалете, и стал приводить себя в порядок. Окончив намеченные дела, я вдруг расслабился, и прилёг вздремнуть на стоявшую внутри кушетку..

Разбудили меня стук и лязг закрытой щелчки. Открыв, ходящую ходуном дверь, я увидел перед собой Чаковского с тревожно поблескивавшими на носу очками.

— Водитель, — неуверенно сказал я ото-ропевшему хозяину туалета.

И, скорее интуитивно используя возникшую паузу, сунув пустой конверт главному редактору в руки, побежал вниз.

А за спиной слышались гневные выкрики Александра Борисовича, обращённые к кому-то из сотрудников. Но все они для меня звучали одинаково, на манер:

— Ату его!

XIV. Не люблю пьяниц

Однажды ночью мы с Колей Рубцовым слонялись по коридорам спящего общежития Литературного института в поисках выпивки. Был уже второй час ночи.

— Все от нас попрятались, — сказал я Коле, и продолжил: — Слушай, ведь, как правило, Игорёк Ляпин возвращается поздно, — пойдём к нему..

(Все знали, что студент и парторг своего курса Игорь Ляпин — жених дочери второго секретаря Правления СП СССР, курирующего Литературный институт, Сергея Сартакова, и поэтому он имел негласные привилегии.)

— Дело-то хорошее, но он прижимист.. — ответил Рубцов.

Всё-таки мы решили рискнуть. И не прогадали.

Не успели мы дойти до комнаты Игорька, как в коридоре этажа появился и сам хозяин. Он, поравнявшись с нами, небрежно произнес:

— Здорóво, поэты, — вдохновения набираетесь?

И тут же неожиданно добавил:

— Пойдемте ко мне. Я «выдал поэмку на гора». Мне ваше мнение небезынтересно...

Его комната была не в пример другим: вся в коврах, надушенная, и, кроме того, в ней были холодильник и радиола.

— Разуваться не надо, — сказал Игорь, набросав на пол газеты от порога до ближайших кресел.

Переоделся, надев на себя халат поверх рубашки и брюк. И только после этого спросил:

— Что предпочитаете, водку или коньяк?

— Водку! — нетерпеливо выпалил Рубцов.

Хозяин выставил на стол: для гостей — водку, для себя — коньяк. Достал закуску: шпроты и абрикосовый компот.

— Да вы не стесняйтесь, поэты! — подбодрил он.

После чего сел напротив нас и начал читать поэму о Донбассе, при этом, надо сказать, что Игорь Ляпин был из династии шахтеров.

Вскоре, после распитой бутылки, захмелевший Коля начал толкать меня под столом ногой и одновременно говорить:

— Ну-ну, ну-ну...

— Ты кончай, Рубцов, эту мимику. Если что не нравится — скажи. Я, как поэт, выдержу, — отреагировал Ляпин.

И, прекратив чтение, добавил:

— Мне надо поработать... Ну, вы не частите, — но раз в неделю я вас приму.

Довольные, мы вернулись в свою комнату, где было всё обшарпано и на полу сопел во сне Толик Третьяков, спившийся зять Наровчатова.

Указывая пальцем на Третьякова, Рубцов произнёс:

— Не люблю пьяниц.

XV. И пошли вы все на х...

Однажды в общежитии Литературного института произошла драка. В общем-то, ничего необычного в этом не было, если не считать того, что на этот раз били Анатолия Передреева, который, будучи бугаём и мордобойцем хоть куда, сам не отличался покладистостью. Например, заметив кого-нибудь, ему не очень симпатичного, в Центральном Доме литераторов, он мог запросто выгнать

его со словами: «Не признаю. Пошёл на х...
Вон отсюда!»

Так вот, в общежитии я оказался, когда
«действие» уже свершилось...

А началось всё, как мне рассказал по све-
жим следам Коля Рубцов, с того, что Пере-
дреев, случайно встретившись с ним на ше-
стом этаже, взял да и набил ему морду. Видно,
был не в духе.

Николай же взял да и пошёл после этого к
братьям Эрику и Валентину Сафоновым, ко-
торые шефствовали над ним и жили этажом
выше. Замечу попутно, что братья (особенно
Эрик) по умению драться превосходили даже
Передреева. Выслушав Рубцова, Сафоновы
спустились на этаж ниже. Одним ударом
ноги выбили дверь... И в процессе завязав-
шегося выяснения отношений всего-навсего
сломали несколько рёбер хозяину комнаты,
не считая разбитой утвари и перевёрнутой
мебели. Правда, Анатолию Передрееву при-
шлось подлечиться в больнице...

А позже, когда Рязанская писательская ор-
ганизация исключала из своих рядов Солже-
ницына, Эрик Сафонов, как говорят, бросил
на стол свой членский билет, уйдя со словами:

— Он единственный писатель среди нас.
И пошли вы все на х...

XVI. Это мой крёстный

Однажды зимой, часа в три ночи, я добирался домой от Наташи Хлебниковой. Мороз стоял страшный, такой, что дышать было почти невозможно. И моё «добирался» сводилось к безоглядному бегу через дворы от её дома до своего, а они находились — на противоположных сторонах Ломоносовского проспекта, в районе кинотеатра «Прогресс».

Пробежав мимо телефонной будки, я остановился, и вернулся к ней. В будке, на полу сидел незнакомец ногами наружу, — телефонная трубка висела над его головой, издавая тревожные короткие гудки. Приглядевшись, я узнал в нём Владимира Соколова, жившего в ближайшем доме. Он замерзал, лицо у него было в инее.

Нанеся несколько пощечин и поняв, что человек без сознания, а силёнок возиться с ним не хватит, я устремился за угол к подъезду, в котором он жил.

Дверь открыла вахтёрша, здоровая баба.

— Соколов? Да пусть подышает, — выдала она после моих объяснений.

— Ну, пойдём, так же нельзя... — стал упрашивать я.

И она сдалась.

Часть третья

Мы с трудом, волоком дотащили его до подъезда. А уже там начали растирать снегом, влив в него остатки Бог знает откуда взявшейся у вахтерши водки. Когда Владимир Соколов зашевелился, я, оставив их, продолжил своё возвращение домой.

— Это мой крёстный, — говорил позже Соколов про меня.

Он прожил, после этого случая, двадцать два года.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

I. Мы – турки

Однажды, когда мамы уже не было, я навещал отца с его новой женой, актрисой Зоей Заикиной, в Элисте. Они давно переехали туда из Москвы и работали в местном театре.

— Отец, — сказал я ему во время застолья, — я известный поэт, один из лучших в Советском Союзе, и могу помочь тебе вернуться в Москву, хотя бы обратно в «Театр им. Гоголя», где ты был худруком... Хочешь?

— Какие-то вы все, москвичи, пижоны... — задумчиво проговорил отец.

— Ну, давай по-другому, — не унимался я: — Ты — еврей, и я — еврей...

Тут он, покосившись на жену, резко и жёстко прервал меня:

— Не знаю кто ты, а я — турок!

— Хорошо, хорошо... Извини, я не хотел пугать Зою. Мы — турки, — быстро согласился я, ведь мой дед по отцовской линии был и в самом деле турком.

И больше мы к разговорам на эти темы не возвращались.

II. Нельзя ли назвать...

Однажды меня вызвали на заседание секции поэзии Московской писательской организации.

— Говорят, вы имеете «клиентов», так вы их, кажется, называете, которым за определённую плату пишете стихи. И среди них есть члены нашего Союза. Нельзя ли назвать открыто имена этих писателей? — неуверенно произнёс председательствующий.

На что я ответил:

— Не имею никаких клиентов. Но если бы я начал называть имена тех, кому помогал и помогаю, то даже в этой комнате их оказалось бы трое.

В наступившей тишине я услышал, как заскрипели стулья, и увидел, как сидящие стали подозрительно коситься друг на друга.

Вопрос был исчерпан, и я ушёл.

Хотя теперь скажу, что никого из четырнадцати клиентов, ставших членами Союза писателей и пользовавшихся моими услугами, среди них не было.

III. Иди к своей Алисе!

Однажды я решил раззадорить свою подругу, пишущую стихи. И, написав стихотворный цикл с посвящением вымышленной Алисе Герцен, опубликовал его в «Московском комсомольце».

Реакция последовала незамедлительно:

— Иди к своей Алисе! — кричала она, бросая в меня, чем ни попадя.

Эта реплика повторялась при каждом удобном случае. И никакие объяснения не помогали...

IV. У-у, лягуха-муха!

Однажды, пообещав Ане Гедымин с устройством на работу в «Огонёк», я оказался в неловком положении, так как в тот период мои контакты с этим журналом были прерваны. Но («давши слово — держись!») я нашёлся: придумал «легенду».

По этой «легенде» я как бы получил письмо от своей бывшей жены, известной поэтессы, сотрудницы «Огонька», уехавшей в Асканию-Нова, Мары Гриезане. В письме как бы находился отдельно запечатанный конверт, адресованный Анатолию Владимировичу Софронову. В запечатанном конверте была записка, написанная под мою диктовку случайной знакомой от имени Мары (подчерк-то требовался женский!). А вот в конце этой записки — *post scriptum*, в котором якобы Мара просила взять свою ученицу Анну Гедымин литконсультантом, и что, вернувшись, Гриезане сама собиралась заняться её дальнейшей судьбой...

Верно рассчитав, когда Софронов появится в редакции, я пришёл к нему.

Он прочитал записку. Мы с ним потолковали о Маре. После чего, попрощавшись, я стал уходить из кабинета и уже на пороге, словно невзначай, напомнил:

— Да, там какая-то приписка о девочке...

— А где девочка? — спросил Анатолий Владимирович.

— Я её к вам пришлю... — ответил я.

— Ну, не ко мне — я дам указания ответственному секретарю Иванову, — поставил точку в разговоре главный редактор.

Из дома я позвонил Иванову — узнать, дано ли указание...

— А вы кто? — спросил ответственный секретарь «Огонька».

Я назвалса отцом.

После чего Иванов стал мне обстоятельно объяснять, что он бы рад помочь, да свободных мест нет и т. д., и т. п.

— Ладно, не беспокойтесь, — сказал я, — Николай Матвеевич найдёт, куда её пристроить.

— Какой Николай Матвеевич? — настояжился Иванов.

— Ну, Грибачёв...

(Н.М.Грибачёв был Председателем Верховного Совета РСФСР, главным редактором журнала «Советский Союз»...)

После явного замешательства, я услышал:

— Обождите, папа! Зачем же Николая Матвеевича беспокоить?! Я посмотрю...

И после паузы:

— Всё. Место есть. Пусть завтра приходит с фотографиями...

В дальнейшем, изредка встречая Гедымин в коридоре, Софронов удивлялся:

— Чей ребёнок тут?! Я же сказал, чтобы детей в редакции не было!

— Я ничей не ребёнок. Я Аня — ваш литконсультант, — бойко отвечала Анна.

— У-у, лягуха-муха! — изумлённо произносил свою любимую присказку Анатолий Владимирович. После чего, огромный как «дядя Сэм», величественно удалялся в клубах сигарного дыма.

V. Вообще-то я не поэт

Однажды, когда я ещё работал в «Московском комсомольце», ко мне пришёл незнакомый автор. Он поздоровался и, продолжая что-то безостановочно говорить, проворно достал из «дипломата» коньяк. Наступила пауза.

— На работе не пью, — заявил я.

— Ну, потом как-нибудь... в честь нашего знакомства, — ответил гость, и продолжил: — Вообще-то я не поэт, но поэзию люблю. Вот принёс вам свою подборку...

Коньяк остался у меня, а из подборки мне понравились два стихотворения, которые и были вскоре опубликованы в рубрике «Турнир поэтов». Правда, на оставленных мне оригиналах не было полного имени автора, поэтому так и прошло в публикации: В. Жириновский.

Известным же Владимир Вольфович Жириновский стал позже, в период перестрой-

ки, создав и возглавив ЛДПР (Либерально-демократическую партию России).

VI. Выпуск книги задержится

Однажды мне позвонил Серёжа Касьянов и начал издадека:

— Конечно, ты пошлешь меня на три буквы, но разреши сказать...

И, после моего согласия, поведал о том, что совсем недавно неким Анохиным организовано издательство «Московский клуб», и, что он сейчас работает в нём. Но самое главное, — что там собираются издавать, в том числе, современную поэзию. А первую книгу, из этой серии, решили выпустить — мою, конечно же, с его, Касьянова, подачи.

— Не возражаешь? — прозвучал риторический вопрос.

И началась моя работа, длившаяся несколько месяцев, над объёмным стихотворным сборником «Из многокнижья «Люди и боги», — философское осмысление евангельской темы.

Всё шло своим чередом. Уже сделали оригинал-макет книги, и даже — вывели плёнки для типографии.

Но тут у молодого издательства появился главный редактор — Юрий Кублановский.

Первым делом новоиспечённый начальник уволил с работы своего «зама» — рекомендовавшего его Анохину — Сергея Касьянова. Мне же было им сказано, что выпуск книги задержится месяца на полтора из-за того, что в типографии нет соответствующей бумаги.

И вдруг сюрприз.

Приблизительно через месяц после описанных событий в издательстве «Московский клуб» вместо моей — вышла поэтическая книга Кублановского.

Почти сразу же за этим у издательства начались финансовые затруднения, и оно — закрылось.

Так не оправдались ни мои старания, ни надежды тех, кто терпеливо ждал своей очереди в этом издательстве: Зульф리카рова, Рейна, Липкина...

VII. Не наш автор

Однажды «Литературная гостиная», которые я проводил в журнале «Юность», была посвящена Николаю Тряпкину...

Когда она закончилась, я предложил ему:
— Пойдём, Коля, в «Арион» — опубликуем тебя.

И мы «пошли»: я и он (ему было около 80-ти), опирающийся с одной стороны на меня, а с другой — на трость.

Пока ждали машину и добирались (хотя в то время «Юность» и журнал «Арион» располагались почти что рядом — на Садовом кольце, близ станции метро «Маяковская»), среди прочего, нам вспомнилась известная история его первой публикации в «Новом мире».

Тогда он поджидал Твардовского у входа в редакцию, разложив перед собой на газете простую еду — сало, хлеб, лук... — и наскоро закусывая.

— Кто таков? — спросил подошедший Александр Трифонович.

— Я — по-о-эт!.. — ответил с присущим ему заиканием Тряпкин.

И стал вытирать засаленные руки о край газеты.

— А ну пойдём — разберёмся! —скомандовал ему главный редактор «Нового мира».

В результате их разговора вскоре в журнале появилась подборка Николая Тряпкина из пятнадцати стихотворений.

Но всё изменяется.

Главному редактору «Журнала поэзии «Арион», Алексею Алёхину, после короткой

беседы, были оставлены на рассмотрение около пятидесяти стихотворений...

Позже, зайдя к Алёхину, я услышал следующее:

— К большому сожалению, отобрать ничего не удалось, разве только одно — из восьми строчек. И вообще он не наш автор... А вашу подборку — всегда ждём.

— Ты оскорбил старого русского поэта и потому ни строки от меня не дождёшься! — резко ответил я на прощание, забирая стихи Николая Тряпкина.

VIII. Шатуны

Однажды Виктор Сергеевич Липатов молвил, обращаясь ко мне:

— Я по натуре шатун, медведь то есть... Да и вы, Юрий Александрович, как я погляжу, из того же теста... Не пора ли нам создать из выдающихся писателей — как это по-современному? — свою тусовку. И назовём её «Шатуны». Что вы на это скажете?

— Ладно, — согласился я и, в свою очередь, спросил: — А кто, кроме нас с вами, войдёт в неё?

— Это я продумал, — ответил он, — Бурич, Зульфикаров, Оганов, Куприянов. Журнал-то у нас свой — «Юность»... Издательство «Юность плюс»... Ну и альманахи разные, прикладные...

Но дальше идеи дело, увы, не пошло, потому что загнать писателей-шатунов в одну «берлогу» оказалось мудрено, ведь они — народ особый, оригинальный, далёкий от групповщины.

IX. Примите меня, пожалуйста, в жидомасоны!

Однажды ко мне подошёл Иван Оганов и спросил:

— Хочешь, тебя на Нобелевскую премию выдвину?

Я смутился и в замешательстве ответил «вопросом на вопрос»:

— А что?

— Да так, — сказал он, — был недавно в Стокгольме. Добивался приёма у королевы. И неожиданно в один из вечеров она сама позвонила мне в гостиницу. Оказалось, в этот день на площади я был единственным, кто не снял головной убор, когда королевский кортеж проезжал мимо. Мы с ней мило поговорили. Можно сказать, подружились...

— Хорошо, подумаю, — оборвал его я.

Но Оганов не уходил.

И я поинтересовался, есть ли у него ещё какие-нибудь вопросы.

Тут он поведал мне о том, что отдыхал в этом году в Испании. И встретил там Сашу

Юдахина, который в разговоре сказал ему: «Да ничего ты не добьёшься, пока не вступишь в жидомасоны». И когда Оганов спросил у него: «А к кому обратиться по этому вопросу?» — якобы по секрету сообщил: «К Юрию Влодову...»

— Юрий Александрович, примите меня, пожалуйста, в жидомасоны! — попросил он, обращаясь ко мне почему-то на «вы».

Господи, чего только в жизни не бывает?!

Х. Поговорили

Однажды в телефонном разговоре с Сергеем Телюком я ему предложил:

— Знаешь, у меня тут есть материалац... Ты бы зашёл как-нибудь. Поговорим.

Что он, в долгий ящик не откладывая, и сделал. А теперь рассказывают обо мне Бог знает что.

АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН,
УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ

- Абдулов Александр 185
Авсарагов Борис 233, 234
Агринский Олег 109, 183
Айтматов Чингиз 185
Алеева Наталия 122
Александрова Зинаида 70
Алексий II 182
Алёхин Алексей 250, 251
Алимов Сергей 23
Аллилуева Светлана 153
Амелин Максим 109
Ананичев Александр 99, 108, 118, 120, 122, 128
Анастасия, младшая дочь Ивановых-Аннинских 105
Андерсен Ханс 92
Анискович Лидия 122
Анохин 248, 249
Антокольский Павел 220
Апухтин Андрей 133–136
Апухтина Юлия 135
Аронов Александр 8–10, 13, 45, 50, 51, 76, 114, 126,
163, 170, 171, 230–233
Артамонов Сергей 136

- Артёмов Владислав 47
Аршаруни Алёна 45
Ахмадулина Белла 58, 231, 232
Ахрамова Татьяна 85
Байрон Джордж 68
Баранова-Гончаренко Лариса 46
Барто Агния 70
Баснин Леонид 123
Бек Татьяна 44
Беляев Михаил 162
Берестов Валентин 70, 172
Берия Лаврентий 204, 205
Берковский Виктор 172
Бесчеревных Вадим 155
Бесчеревных Владислав 155, 188
Бесчеревных, урождённая Телюк, Наталия 137, 146,
155, 188
Битов Андрей 58
Бобров Александр 46, 47
Богуславская Зоя 62, 166
Большакова Алла 113
Бондаренко Владимир 97
Бондарчук Сергей 133
Бояринов Владимир 48
Бродский Иосиф 231
Бубнов Василий 183
Бурич Владимир 251
Бурьян Александр 188
Бурьян Николай 188
Бурьян, урождённая Ермилова, Зоя 186, 188
Быков Ролан 17
Ванина Елена 161
Ванханен Наталья 18
Ваншенкин Константин 209

- Варга Домокош 126
Василькова Ирина 122
Васин Вячеслав 18, 49
Вассерман 205
Весник Евгений 78–81
Весник Нонна 79
Визбор Юрий 21
Викторов Анатолий 35, 46, 51, 163
Вилли 197, 198
Виноградов Игорь 97
Влодов Юрий 51, 163–165, 193
Вожняк Веслав 95
Вознесенский Андрей 56, 58, 60–63, 73, 166, 229
Волков Александр 157
Волков Андрей 21, 26, 156, 157
Волкова Татьяна 157
Володзько-Буткевич Алиция 91
Воронкина Татьяна 100, 101, 125
Ворошилов Климент 206
Воскобойников Валерий 99
Высоцкая Наталья 18
Высоцкий Владимир 53–57, 59–61
Высоцкий Никита 54
Высоцкий Стефан 91
Гедымин Анна 35, 36, 39, 41, 101, 109, 131, 164, 181,
244–246
Гедымин Данила 35
Гедымин Марина и Юрий 35
Георгиев Сергей 97
Гёрра Ренэ 113
Гёте Иоганн 68
Гиленко Виктор 172
Глазков Николай 227, 228
Глинка Александр 151, 152

- Глинка Алексей 151, 152
Глинка Борис, сын Глинки Александра 152
Глинка Борис, сын Глинки (Волжского) Александра
151
Глинка Валентин 152
Глинка (Волжский) Александр 151
Глинка Глеб 151
Глинка Лилия 151
Глинка Татьяна 152
Глинка, урождённая Телюк, Мария 88, 142, 144, 151,
152, 154
Глинская, урождённая Панкратова, Людмила 159
Глинский Владимир 13, 159
Глушковская Людмила 125
Гобарев Виктор 160
Говоркова Екатерина 73, 74
Головков Анатолий 52
Гончаров Юрий 17, 124, 160, 162
Гофман Эрнст 92
Грибачёв Николай 246
Грибоедов Александр 84
Гриезане Мара 212, 230, 245
Гримм Якоб и Вильгельм 92
Гроссман 205
Гроссман Василий 73
Губерман Игорь 172
Гутионтов Павел 52
Давидовский Игорь 112
Дагуров Владимир 97
Данелия Георгий 133
Дегтярёв Пётр 46, 48
Дементьев Андрей 78, 182
Демидов Сергей 160, 162
Джугашвили (Сталин) Иосиф 149, 153, 198, 205, 206, 233

- Дидуrow Алексей 32
Дмитриев Николай 32, 173, 175, 176
Добрынин Андрей 163
Долина Вероника 127
Другова Наталья 149
Дружников Юрий 114, 185
Дружникова Валерия 114
Друнина Юлия 77
Дударев Валерий 31, 48, 83, 84, 107, 116, 118, 120, 122,
181, 182
Евсеев Борис 124–126
Евсеева Фарида 126
Евтушенко Евгений 171, 172, 225
Егоров Вадим 127, 128
Екатерина, средняя дочь Ивановых-Аннинских 105
Елена, старшая дочь Ермилова А. А. 189
Ельцын Борис 16, 54, 79, 190
Ерёмина Елена 31
Ермаков Александр 99
Ермилов Алексей Алексеевич 186, 189
Ермилов Алексей Гаврилович 186, 187
Ермилов Николай 186, 187
Ермилова Мария 186
Ермилова Пелагея 186
Ерофеев Венедикт 9
Ерофеев Виктор 63
Есаулов Иван 97
Есенин Сергей 210
Жиленко Ирина 125
Жириновский Владимир 247
Жирмунская Тамара 36
Жуховицкий Леонид 52, 73, 126, 165, 166, 172
Заикина Зинаида 242, 243
Зайцев Алексей 17, 18

- Замошкин Кирилл 226
Заходер Борис 70
Зая 202
Звонарёва Лола 86, 97, 98, 101, 108, 111, 121, 125, 128,
129, 183
Зиновьев Виктор 122
Златова 221
Золотухин Валерий 83
Зуев Виктор 97
Зуев Владимир 54
Зульфикаров Тимур 249, 251
Ибрагимовы Марина и Нурислан 97
Иванов 245, 246
Иванов Александр 129
Иванов Геннадий 46
Ивановы-Аннинские Александра и Лев 99, 102–105,
115
Ивеншев Николай 97
Игнатюк (Ленин) Михаил 147, 148
Ийеш Дюла 126
Иноземцев Игорь 151
Иноземцев Николай Николаевич 151
Иноземцев Николай Сергеевич 151
Иноземцева, урождённая Телюк, Нина 142, 151, 185
Иодковский Эдмунд 17, 104, 129, 160
Ирванец Александр 125
Ирина, урождённая Гнусарёва 161
Ирина, урождённая Иноземцева 151, 185
Ирина, урождённая Окорокова 12
Исаева Елена 35, 36
Исхаков Роман 21
Кабыш Инна 35, 36
Казакова Римма 36, 48, 49, 73, 107–109, 185
Казначеев Сергей 97

- Калинец Игорь 44, 125
Карханина Анна 122, 123
Карханина Людмила 122
Касьянов Сергей 248, 249
Катаев Валентин 182
Катин Пётр 46
Квасневская Иоланта 118
Керн Анна 159
Климов-Южин Александр 163
Ковальджи Кирилл 32, 130, 131
Кожедуб Олесь 97
Кожинов Вадим 49
Колганов Леонид 163
Коркия Виктор 162
Корнилов Борис 38
Котенко Николай 233
Кочеткова Ирина 57
Крайнева, урождённая Горячева, Наталья 134
Красников Геннадий 32
Краснова Нина 28, 31, 35, 36, 56, 83, 84, 181–183
Краснопольский Валерий 162
Кублановский Юрий 248, 249
Кудинов Михаил 207
Кудияров Сергей 185
Кузнецов Анатолий 23
Кузьмич 199
Кулаков Вадим 23, 183
Куприянов Вячеслав 109, 251
Купцов Валентин 221
Курт 197
Ландау Лев 73
Ларионов Глеб 150
Ларионов Николай 150
Ларионова Вера 150

- Ларионова Лариса 150
Ларионова Надежда 150
Ларионова, урождённая Телюк, Евгения 142, 150
Левитанский Юрий 232
Левицкий (Влодов) Александр 195
Леман 144, 149
Липатов Виктор 32, 107, 182, 251
Липкин Семён 249
Лужков Юрий 56
Лукин Борис 97
Лунин Виктор 99, 101, 130, 183
Любимов Юрий 54
Любовь, первая жена Ермилова А. А. 189
Людмила, урождённая Ермилова 188
Люсый Ирина и Александр 97
Ляпин Игорь 236–238
Макашов Альберт 73
Максимова Галина 126
Малевич Каземир 151
Малютин Владимир 122
Мамыкин 54
Мария, жена Ермилова Н. А. 188
Мария, старшая дочь Ивановых-Аннинских 105
Мартов Владик 146, 155, 156
Мартов Сергей 155, 156
Мартова, урождённая Телюк, Вероника 12, 14, 146,
155, 156
Маршак Самуил 70, 217, 218
Махно Нестор 224
Маяковский Владимир 70, 210, 225
Межиров Александр 220
Меркурьев Василий 133
Микитенко Иван 203
Михайлов Игорь 108

- Михалков Сергей 70
Михоэлс Соломон 73
Мнацакянян Сергей 29, 32, 43, 45, 56, 182
Мозалёв Сергей 88, 161, 185
Мозалёва Галина 161
Мольченко Елена 85
Мордюкова Нонна 185
Морозов Владимир 159
Морозов Николай 159
Морозова Нина 117
Морозова Татьяна 159
Муссалитина Елена 183
Навроцкий Александр 119
Нагаев Игорь 99, 167, 168
Нагибин Юрий 232
Надежда, урождённая Бурьян 188
Надежда, урождённая Телюк 149
Наровчатов Сергей 238
Наташка 13, 14
Некрасов Николай 212
Немчиновы Михаил и Степан 142
Нечипоренко Юрий 97
Никитина Любовь 98, 179
Нина 231
Новосельский Ежи 91
Носков Владимир 34
Оганов Иван 251, 252
Ойли 205
Окуджава Булат 172
Орлова Светлана 122
Оскоцкий Валентин 49, 116, 128, 129
Островский Александр 85
Ошанин Лев 29
Паскаль Константин 97

- Пастернак Борис 210, 216–218, 224
Передреев Анатолий 238, 239
Перетьяка Нина 113
Пашков Г. В. 142
Петлюра Симон 145
Петров Ивайло 113, 123
Петрова Наталья, урождённая Другова 149
Пешков Алексей (Горький Максим) 215
Поварова Юлия 68
Познанская Наталия 126
Полевой Борис 182
Поляков Анатолий 29
Поляков Юрий 182
Пономарёва Татьяна 98
Попов Виктор 130
Попов Михаил 98
Пуговкин Михаил 185
Пустовитовский Владимир 19
Пушкин Александр 10, 76
Рабинович Вадим 211, 212, 225
Райберг Владимир 32
Райский 194
Рейн Евгений 249
Риго Бэла 99, 100
Рой Анна 181
Рой Галина 31, 33, 34, 45, 72, 176, 181
Романов Михаил 153
Ростовцева Инна 98
Рубцов Николай 236–239
Рябушинский Михаил 128
Рязанов Эльдар 9
Сед-Шах Анна 163
Сапгир Генрих 18
Сартаков Сергей 236

- Сафонов Валентин 239
Сафонов Эрик 239
Саханов Александр 52
Сверчкова Наталья 66
Светлов Михаил 73, 219
Сельвинский Илья 166, 209–212, 216, 225
Семен Войчех 119
Сенчева Галина 152
Серебров Сергей 135
Силовьев Владимир 183
Сильвестров Валентин 63
Симонова Майя 57–59
Скобцева Ирина 133
Смеляков Ярослав 208, 222, 223
Смирнов Юрий 230, 234
Смирнова Наталья 23
Смыслов Сергей 87
Соболев Борис 56
Соболь Марк 219
Соколов Александр 182
Соколов Владимир 240, 241
Солженицын Александр 54, 185, 239
Солянина Веста 128
Сорокин Павел 150
Сорокина, урождённая Телюк, Анна 149, 150
Софронов Анатолий 245–247
Сполитак Екатерина 73
Станиславский Константин 147
Старшинов Николай 32, 77, 78
Стрешнева Татьяна 222, 223
Суханов Максим 8
Суханова Василиса 9
Суханова Соня 9
Суханова Татьяна 8

- Сычёва Валерия 31
Таланкин Игорь 133
Таль Андрей 54, 55
Танич Михаил 185
Таратута Елена 51, 52
Тарковский Арсений 231
Татарников Егор 201, 202
Татьяна, вторая жена Ермилова А. А. 189
Татьяна, младшая дочь Ермилова А. А. 189
Твардовский Александр 212–214, 216, 250
Телюк Адам Адамович 142, 144, 148
Телюк Адам Алексеевич 141, 143, 153
Телюк Александр Адамович 142, 144, 148, 149
Телюк Александр Борисович 139, 152
Телюк Александр Германович 149
Телюк Алексей 141
Телюк Алексей Адамович 142, 144
Телюк Борис 142, 149, 150, 154
Телюк Герман 149
Телюк Кира 146, 154
Телюк Лидия 149
Телюк Михаил 142, 144
Телюк Надежда 142, 143, 147, 150, 152, 154
Телюк Нина 149, 150
Телюк Пантелеймон 142, 144, 145, 153
Телюк Сергей Александрович 152
Телюк Серёжа 139, 154
Телюк, урождённая Анискевич, Мария 142, 144, 153
Телюк, урождённая Горячева, Ирина 20–24, 28, 43,
50, 55, 60, 63, 71, 79, 83–87, 94, 97, 99, 100, 102,
104, 106, 108, 111, 113, 116, 125–130, 132–134,
137, 156, 161, 179, 183, 186
Телюк, урождённая Ермилова, Татьяна 139, 154, 186
Телюк, урождённая Петрова, Анна 149, 150, 154

- Телюк, урождённая Трубникова, Апполинария 138,
146, 154
- Телюк Юрий 137, 146, 154
- Темченко Александр 93
- Терех 202
- Тетерский Сергей 98
- Тимошенко 205
- Тимошенко (Надеждина) Надежда 195
- Ткаченко Александр 57, 62, 166
- Толстой Алексей 128
- Толстой Лев 82
- Третьяков Анатолий 238
- Трофимов Александр 32
- Тряпкин Николай 249–251
- Уильямс Теннесси 85
- Ульянов (Ленин) Владимир 147, 195, 196
- Устинова Елена 98
- Фатюшин Александр 82–85
- Федин Константин 213
- Феодосьевич 83, 84
- Фёдоров Павел 149
- Филарет (Романов-Юрьев Фёдор) 153
- Фирсов Владимир 47, 48
- Фирсова Людмила 48
- Харламова Ольга 98
- Хармс Даниил 66, 70
- Харьков Георгий 188
- Харьков Игорь 188
- Харьков Олег 188
- Харькова, урождённая Ермилова, Валентина 186, 188
- Хлебникова Наташа 240
- Хмельницкий Борис 185
- Холодный Микола 18, 125
- Хохлов Александр 87, 89, 90, 93–95, 98

Алфавитный указатель имен

- Хохлова Татьяна 87, 89–91, 95, 98, 111
Хрущёв Никита 224, 225
Цапин Владимир 83
Цыбин Владимир 48
Чаковский Александр 235, 236
Черникова Елена 98
Чернов Андрей 52
Чернов Юрий 32
Черняк Алексей 51, 52
Черняк Вадим 50–52, 126, 163, 164, 172, 185, 230
Черняк Сергей 51
Чехов (Чехонте) Антон 215
Чикины Ирина и Павел 32
Чуковская Лидия 215
Чуковский Корней 70, 214–217
Чухонцев Олег 230
Шагаров Андрей 134
Шацков Андрей 31, 32, 46, 47, 48, 181–183
Шверник Николай 53, 54, 56, 57
Шиманович Леонид 108
Шифрин Александр 230
Шумов Владимир 132, 137
Шумовы Тоня и Виктор 137
Шумянка Наталья 71
Шустов Евгений 113, 120
Щедрин Валерий 134
Щетинин Владимир 161
Щипачёв Степан 221, 222
Щуплов Александр 32, 99, 106, 109, 130, 178, 179
Эренбург Илья 73
Эркень Иштван 126
Юдахин Александр 253
Яблочкина Александра 147, 148
Япончик Мишка 195

Содержание

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Вместо главки «От автора»	7
I. Стихи в ближайший номер не требуются	8
II. Всё изменяется.....	12
III. Я лично не в обиде.....	15
IV. Стечение обстоятельств.....	19
V. Пути Господни.....	22
VI. Спорное восприятие	25
VII. Вторая попытка возрождения «Истоков» ..	30
VIII. Автор, мне близкий.....	34
IX. Возможны варианты	43
X. Самое главное	50
XI. Ага! так вот где собака зарыта!	53
XII. «Вознесенский переулок не переименовать»	60
XIII. На память о дефолте.....	65
XIV. Мне очень приятно.....	72
XV. Несмотря на всякое.....	77
XVI. «Полонез» отправился точно по расписанию	86

Содержание

XVII. Благодаря Лоле	97
XVIII. Части одного целого	104
XIX. «Давайте дружить!»	107
XX. Обстоятельства сложились благоприятно	111
XXI. Такое ведь им и не снилось	117
XXII. «Главное — нет войны»	124
XXIII. Свой художник	132
XXIV. Немчиновские Телюки	137
XXV. Собственные виды	155
XXVI. Поблизости	158
XXVII. «И явился нам Телюк...»	162
XXVIII. Всегда непросто	167
XXIX. К Чему это я?	169
XXX. Ведь я тоже рождён в пятидесятых	173
XXXI. Легче не становится	178
XXXII. Иногда мы созваниваемся...	181
XXXIII. Ближе к небесам	185

ОДНАЖДЫ В XX ВЕКЕ

Из бесед на кухне у Юрия Влодова

От автора	193
---------------------	-----

Часть первая

I. Семья, сыночка...	194
II. Тихе, здесь дедушка Ленин...	195
III. О-о-о!	196
IV. Нельзя! Вождь!	198
V. Герр офицер...	198

VI. Разведка, пацан!	199
VII. Я вам покажу, тыловые крысы!	199
VIII. Всего не упомнишь	201
IX. Я вам буду отчимом	201
X. Где. Когда. С кем	203
XI. По личному вопросу	205
XII. Мы с вами где-то встречались?	207

Часть вторая

I. Принимаю	208
II. Если что — обращайся!	209
III. Нас четверо	210
IV. Извините, но у вас — хуже.	210
V. Я или Некрасов?	212
VI. Мой юный друг.	213
VII. Ребёнок ничего не ест	214
VIII. Вершина нашей словесности.	215
IX. А вы, сзади, не гримасничайте.	216
X. Это — на трумвай.	217
XI. Требую называть меня Мишей	219
XII. Это моё рабочеесостояние.	220
XIII. Боюсь, что быстрее не получится	221
XIV. Я ей благодарен	222

Часть третья

I. Тем более	224
II. Сельвинский был не прав	225
III. Представляешь!	225
IV. Ты разве не знаешь?	226
V. Я, как писатель...	226
VI. Самое короткое...	227

Содержание

VII. А теперь — Андрей Вознесенский	229
VIII. Ты отвечаешь...	229
IX. Не помню	230
X. Да здравствуют поэты!	232
XI. Ухожу в себя	233
XII. Не фунт изюма...	234
XIII. Ату его!	234
XIV. Не люблю пьяниц	236
XV. И пошли вы все на х...	238
XVI. Это мой крёстный	240

Часть четвёртая

I. Мы — турки	242
II. Нельзя ли назвать...	243
III. Иди к своей Алисе!	244
IV. У-у, лягуха-муха!	244
V. Вообще-то я не поэт.	247
VI. Выпуск книги задержится	248
VII. Не наш автор	249
VIII. Шатуны.	251
IX. Примите меня, пожалуйста, в жидомасоны!	252
X. Поговорили	253

Алфавитный указатель имён, упомянутых в книге	254
--	-----

Литературно-художественное издание

Сергей Телюк

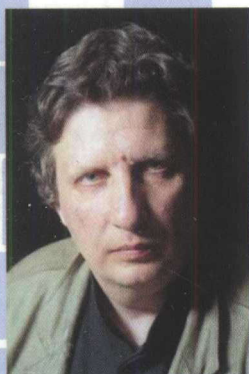
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Редактор *Владимир Вестерман*
Компьютерная верстка *Виктория Челядинова*
Корректор *Татьяна Владимирова*

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11 / 20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.org

По вопросам приобретения книг издательства «Зебра Е»
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: 8 (499) 995-09-42
kniga@zebrae.net

Телук Сергей Юрьевич

(р. 29.03.1956)

Родился и проживает
в Москве.

Окончил Московский
автомобильно-дорожный
институт в 1978 г.

Публикуется в центральной
печати с 1990 г.

Переводил стихи на русский –
с венгерского, итальянского,

польского (по подстрочникам) и украинского языков,
в свою очередь, его стихи переводились – на польский.
Неоднократно участвовал в Международных поэтических
фестивалях и научных конференциях в Польше.

«Время перемен» – это его десятая книга.

В 2007 году получил благодарность от Министра
культуры и массовых коммуникаций Российской
Федерации за значительный вклад в развитие
русской литературы.

Лауреат нескольких литературных премий, в т.ч.:

– VI Всероссийского фестиваля «Артиада» (в номинации:
Литература. Лига мастеров. Гильдия профессионалов –
за «Книгу легенд»). 2001 г.;

– журнала «Юность» (премия имени Владимира
Соколова – за венок сонетов «Предначертание»). 2001 г.

В Союзе писателей России с 1997 г.

ISBN 978-5-94663-233-1

9 785946 632331